

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 4 (14), 2014

История

Научный журнал

Издается с 2000 года

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(председатель)
- Д. И. Польшвинный**, д-р ист. наук
(зам. председателя)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
(зам. председателя)
- К. Я. Авербух**, д-р филол. наук (Москва)
- Ю. М. Воронов**, д-р полит. наук
- Н. В. Усальцева**, д-р хим. наук
- Ю. М. Резник**, д-р филос. наук (Москва)
- О. А. Хасбулатова**, д-р ист. наук
- Л. В. Михеева** (ответственный секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

- Д. И. Польшвинный**, д-р ист. наук
(главный редактор серии)
- О. М. Карпова**, д-р филол. наук
- А. Н. Таганов**, д-р филол. наук
- Э. В. Кромер**, канд. филол. наук
- А. А. Корников**, д-р ист. наук
- К. Е. Балдин**, д-р ист. наук
- В. М. Тюленев**, д-р ист. наук
- Г. С. Смирнов**, д-р филос. наук
- Т. Б. Кудряшова**, д-р филос. наук
- Д. Г. Смирнов**, д-р филос. наук

Адрес редакции (издательства):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс: (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Денежкин М. Г. Поэзия вагантов и развитие университетской культуры на рубеже XII—XIII вв. 3

Неустроева А. А. Быть или не быть русскому языку: мнение украинской интеллигенции 13

Усманов С. М. Европа и «культурный пессимизм» Владимира Вейдле 20

Отечественная история

Балдин К. Е. Деятельность земства по созданию системы современных коммуникаций в провинции в конце XIX — начале XX в. (На примере Владимирской и Костромской губерний) 30

Бурова Н. А. Организационно-кадровая перестройка профсоюзов текстильной промышленности Верхнего Поволжья (1921 — середина 1920-х гг.) 41

Ильин Ю. А. Народное образование Ивановской области: историческая грань прошлого и настоящего 48

Комиссарова И. А. Система прямого налогообложения в литературе 1920-х гг.: специфика изучения и общие оценки 55

Костылёва Е. Л., Уткин А. В. История раскопок могильников фатьяновской культуры эпохи бронзы в Центральной России (К 110-й годовщине со дня рождения Д. А. Крайнова) 62

Околотин В. С. Специфика предвоенного периода и ее воздействие на деятельность Наркомфина СССР в 1936—1941 гг. (По материалам Центральной России) 69

Из истории факультета

100 лет со дня рождения Лидии Владимировны Венкстерн 83

Сведения об авторах 85

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» 86

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 4 (14), 2014

History

Scientific journal

Issued since 2000

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics (Chairman)

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(editor-in-chief of the series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

E. V. Kromer, Candidate of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 362

tel./fax: (4932) 32-66-00

e-mail: dipol53@mail.ru

Index of subscription

in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can be found

on the web-sites www.elibrary.ru,

www.ivanovo.ac.ru

CONTENTS

General history

Denezhkin M. G. Goliardic poetry and the rise of university culture at the turn of the XII—XIII centuries 3

Neustroeva A.A. Russian language: to be or not to be: the Ukrainian intelligentsia's opinion 13

Usmanov S. M. Europe and Vladimir Weidle's «Cultural pessimism» 20

Russian history

Baldin K. E. District council's activity for the creation of modern communications in province at the turn of the 20th century (By the example of Vladimir and Kostroma provinces) 30

Burova N. A. Organizational and personnel restructuring of the textile industry unions in the Upper Volga region (1921 — mid-1920s) 41

Ilyin Y. A. Public education in Ivanovo region: the historical border of the past and present 48

Komissarova I. A. System of direct taxation in 1920s literature: specificity of research and general assessment 55

Kostyleva E. L., Utkin A. V. History of Fatyanovo culture (the Bronze Age) burial grounds excavations in Central Russia (For the 110th D. A. Kraynov's anniversary) 62

Okolotin V. S. Specificity of the pre-war period and its influence on the Ministry of Finance of the USSR work in 1936—1941 (On Central Russia materials) 69

From history of faculty

Lidia Vladimirovna Wenkstern's 100th anniversary 83

Information about the authors 85

Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin» 86

ПОЭЗИЯ ВАГАНТОВ И РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РУБЕЖЕ XII — XIII вв.

Рассматривается проблема места и роли поэзии вагантов в истории европейской культуры XII—XIII вв. На фоне художественных особенностей источника можно прояснить не только характерные черты мировосприятия средневекового студенчества, но и специфику культурного и социального развития первых университетов.

Ключевые слова: поэзия вагантов, образное восприятие, критика современного общества, Ренессанс XII в., средневековое студенчество, первые европейские университеты.

The article is devoted to the problem of goliardic poetry place and role in European culture of XII—XIII centuries. In the context of literary features of the source we may clarify not only characteristic features of the medieval student community's world perception, but also the specificity of cultural and social development of the first universities.

Key words: goliardic poetry, imaginative perception, criticism of modern society, Renaissance of the 12th century, medieval student community, first European universities.

Литературное произведение — сложный и специфический материал для исторического исследования. Но часто именно художественные произведения сохраняют для нас уникальные черты духовной жизни эпохи, служат источником «по истории культуры времени их создания» [1]. В данной статье мы постараемся сквозь призму одного литературного источника проследить некоторые вопросы развития университетской культуры в Западной Европе конца XII — начала XIII в. Нашим источником будет поэзия вагантов. Ее основу составляют рукописи XII и XIII в. Двадцать рукописей хранятся во Франции, к ним следует присоединить две французские по происхождению — Вольфенбюттельскую и Хердрингенскую. Геттингенская рукопись является английской. Очень тесно связана с ними Бенедиктобуранская рукопись («*Carmina Burana*») с ее списками «парижских» песен и с немецкими элементами в произведениях пиршественной и любовной лирики. Рукопись была создана, судя по всему, в начале XIII в., она представляет собой огромное множество поэтических импровизаций, собранных под определенными сюжетами и темами, во многом однообразными [8].

Наиболее яркими примерами переводов на русский язык стихотворений из Бенедиктобуранской рукописи являются стихи, собранные в изданиях Л. В. Гинзбурга и М. Л. Гаспарова [3, 4]. В начале работы с поэзией вагантов мы обращались именно к этим изданиям. Каждое из них по-своему замечательно. Л. В. Гинзбург со всем присущим ему поэтическим даром пытался отразить сам дух вагантов, легкость и веселость их ритмов. Задавшись такой целью, переводчик создал прекрасный сборник студенческих песен, не всегда

точно совпадающий с аутентичным источником. Второе издание, составителем и переводчиком большей части которого был М. Л. Гаспаров, представляется наиболее полным и точным на данный момент изданием вагантской поэзии на русском языке. Здесь представлен и систематизирован достаточно объемный материал, распределенный по разделам («Житие и Бытие», «Царь и Бог», «Рим и мир», «Любовь и неволя», «Любовь и воля», «Быль и сказка», «Мир навыворот», «Предтечи и современники»). М. Л. Гаспаров работал не только с изданиями рукописей, но и с зарубежной историографией вагантов, что наряду с прекрасным знанием библейской и античной символики помогло ему создать обширные комментарии к переведенному материалу. Комментарии М. Л. Гаспарова, которые, помимо прочего, полны авторской эрудиции и глубины мысли, оказались для нас интересны не только при первом знакомстве с поэзией вагантов, но и при работе с латинскими текстами.

Тем не менее сохраняется еще большой пласт не переведенного на русский язык материала из «*Carmina Burana*». Ряд стихотворений в прекрасном переводе М. Л. Гаспарова требовал уточнения моментов, важных для исторического анализа источника. Для более точного воспроизведения содержания источника мы работали с оригинальными текстами из первого «раздела» рукописи, «*Carmina moralia et satirica*» — «Песни моральные и сатирические» [7].

Определяя место вагантов в средневековой культуре, отечественные и зарубежные исследователи выделяют несколько исторических линий. О. А. Добиаш-Рождественская в статье «Коллизии во французском обществе XII—XIII вв. по студенческой сатире этой эпохи» [2] говорит о том, что сам термин «вагант» очень широк по хронологическому и социальному охвату. Чтобы конкретизировать обстановку бытия поэзии вагантов, автор анализирует другое именование вагантов — голиард. В этом термине О. А. Добиаш-Рождественская находит глубинный социально-исторический подтекст, говоря о том, что «термин *goliardus* в отличие от *golart*, *gulart* появился тогда, когда социальная действительность, новая и во многих смыслах революционная, заставила сомкнуть, слить концепцию Голии-дьявола, мятежного духа с концепцией шутового певца» [2, с. 115—143]. Поставив таким образом поэзию вагантов в исторические рамки, автор замечает: формирование поэзии вагантов напрямую связано с определенным социальным феноменом — «голиарды XII—XIII вв. образовали крупную разновидность, родившуюся с расцветом университетов» [2, с. 117].

Такого рода «конкретизация» вагантов во времени имеет место быть во множестве работ зарубежных ученых.

В работах по истории западноевропейских университетов поэзия вагантов представлена преимущественно как студенческая поэзия. Ч. Г. Хэскинс, в работе «Происхождение университетов» [10] воспринимает поэзию голиардов в конкретных хронологических рамках 1125 и 1225 г., определяя поэзию в непосредственной связи с Ренессансом XII в. и появлением первых университетов. В сам термин «голиард» Хэскинсом включаются «студенты, бывшие студенты и даже учителя — передвигающиеся из города в город в поиске знаний и в большей степени приключений» [10, р. 112]. Таким образом, голиарды воспринимаются именно как участники университетской жизни. Автор также настаивает на том, что ошибкой будет как смешивать вагантов с бродячим населением прошлых эпох, так и сводить идеи вагантов к «предшествованию» Реформации и классическому Возрождению: «Голиарды — прежде всего люди своей эпохи; они тонко чувствуют жизнь, и пишут о том, что знают» [10, р. 120].

Особое место вагантам отводят и историки Возрождения XII в. В одной из работ, посвященных Ренессансу XII в. — книге Колина Морриса «Открытие индивидуальности: 1050—1200» [11] большое внимание уделяется тем переменам, которые внесло Возрождение XII в. в сознание людей, а именно — появлению индивидуальности в «духовно и интеллектуально динамичном мире XII века» [11, р. 9]. Автор уделяет внимание жанру сатиры и появлению в нем индивидуальной позиции человека по отношению к обществу. Но для К. Морриса как Архипиит, так и Вальтер — яркие индивидуальности, «вспышки» Ренессанса XII столетия, которые едины в своей «горькой враждебности ко всему порядку вещей» [11, р. 131]. Автор не прослеживает ни целостной культурной роли вагантов, ни их вклада в дальнейшее развитие европейских университетов.

Крупный западный историк средневековой философии и литературы, П. Дронке, также склонен отделять «вагантов XII века» от бродячих поэтов предшествующих веков. Так, сравнивая творчество вагантов с Кембриджскими песнями, памятником XI в., автор говорит, что в более раннем источнике «нет горечи и фатализма Вальтера Шатильонского, опасавшегося, что корабль церкви должен потерпеть крушение или, в конце концов, утонуть» [9, р. 569—593].

П. Дронке напрямую связывает формирование поэзии вагантов с развитием образования в XII в., которое привело к «перепроизводству» образованных людей: «В городах появляется образованный пролетариат — невиданное количество образованных людей, которые, закончив свое обучение, столкнулись с проблемой безработицы» [9, р. 583]. Итак, с точки зрения Дронке, ваганты — это в первую очередь выпускники школ, которые не смогли устроиться в условиях «перепроизводства» образованных людей.

Несколько исторических линий поэзии вагантов ясно прочерчены в историографии. Во-первых, это связь вагантов с зарождающейся университетской культурой. Во-вторых, это место поэзии вагантов в культурной жизни Ренессанса XII столетия. В данной статье мы попытаемся проследить эти две основные линии, проявившие себя в поэзии вагантов. Проследив их, мы сможем понять узловые моменты университетской культуры, формирование которой пришлось на рубеж XII—XIII вв.

Как уже было сказано, источник для нашего исследования — первая часть Бенедиктобуранского манускрипта, «Песни моральные и сатирические». В центре внимания здесь — проблемы современного автору общества. Восприятие реальности — образное по своему характеру. Образ — не только риторический инструмент, это структурная единица поэзии. Автора интересует не только реальность социальной жизни, но и реальность образных конструкций.

Первый характерный метод построения образа — создание «перевернутой» структуры, которая переносится на материал внешнего мира. Перевернутость выражает себя в построении своеобразных абстрактных «пар»: «благородный поработен, рабство почтенно», «уже становится скудной щедрость, скудность — щедрой», или «когда деньги говорят — бедность молчит», или «ничтожное восхваляется, безнаказанное дерзновенно»¹.

¹ «Ingenuus servus servit honoratur», «fit iam parca largitas, parcitas largitur», «si Nummus loquitur, pauper tacet», «contemptus attollitur inulti audent» // Carmina Burana. München, 1979. Verses 5, 3, 11 (далее при ссылках на данный источник в тексте в круглых скобках указывается номер стиха).

Игривый, обманной характер мирского начала непосредственно связан с карнавальным характером системы образов. Идея карнавала воплощается в образах перевернутого мира, зрительным воплощением которого является колесо Фортуны. В образе колеса соединяются два элемента — абсурдность перевернутого мира и его непреклонность — «жребий неистовый и слепой» (17).

Образ Фортуны обладает не только зрительным воплощением колеса, но и реально осязаемым действием. «Опрокидывая» социальную структуру, Фортуна «бедность, власть, растопляет словно лед» (17). Фортуна становится своеобразным символом перевернутой реальности.

[То] создает
Фортуна, [то] разрушает;
Теперь отвергает
Тех, кого прежде почитала.
(14)

Фортуна оказывается сознательно действующим лицом, причем действия ее жестоки и своевольны. Автор пытается зафиксировать шаткость социальной структуры общества: Фортуна «из навоза бедняка поднимающая, из ригора консула избирающая» (14).

Еще один образ карнавальности — это деньги. Они переворачивают реальность, доводя мир до состояния абсурда: «низкое делается милым, то, что сладко, — горьким», деньги «заставляют глухого слышать и хромого ходить». Деньги оказываются полноправным персонажем реальности.

При денежном столе блюда наполнены.
Деньги едят хваленые перченые рыбы.
Деньги пьют франкское и заморское вино.
Деньги носят знатные дорогие одежды.
Деньги дают одеждам внешний блеск.
Деньги носят те камни, что из Индии.
Деньги считают сладостными, поскольку весь род приветствует их.
Деньги и нападают, и передают какие хотят крепости.
(11)

«Перевернутость» переносится на плоскость вещественной реальности. Определенной отвлеченной идее — в данном случае идее денег — приписываются реально осязаемые качества. Так социальная реальность наделяется символическими элементами и воспринимается через них.

Стремление к символизму проявляется и при использовании античных образов. Показательно такое описание положения дел в церкви:

Собаками Сциллы могут называться
Враги истины,
Защитники курии,
Которые своим лаем
выдумывают лживое,
потопляют и
сокрушают [погрязшее] в деньгах судно.
(41)

Социальная реальность — алчность и ложь защитников курии — видится автору сквозь призму образов и абстракций. В образе Харибды также предстает реальная канцелярия, которая больна жадностью и взяточничеством.

Карнавальный характер образов проявляется в чувственном восприятии реальности. Через ощущение отвлеченный образ обретает свое пластическое выражение. Шаткость перевернутого мира постигается, материализуясь через зримое и чувственное начала:

Уже горячее обращается в холодное.
И влажное — в сухое.
Добродетель обращается в порок.
Труд — в отдых.
Теперь все вещи
Сбиваются с пути должного.

(6)

Безумный мир, в котором все не на своих местах, открывает нам свою бессмысленность в осязаемом.

Образное восприятие мирского начала представляет сложный синтез поэтических, литературных, психологических особенностей поэзии вагантов. Но образное восприятие — это не узкие рамки шаблонных умственных реалий, это способ для постижения конкретной действительности. Отношение вагантов к внешнему миру имеет ряд вполне конкретных черт.

Во-первых, внешний мир обладает чертой современности. Настоящее время здесь часто подчеркивается в самом начале стихотворения — указанием «теперь», «вот», «в это время» (3, 6, 11). Такие указания переносят плоскость стиха в настоящее время. Актуальность подчеркивается и с помощью глаголов настоящего времени, которые постоянно рифмуются между собой², создавая музыкальный ритм стиха.

Актуализация повествования связана с интересом к острой общественной проблеме. Открытый протест автора в адрес римской курии заостряет повествование:

Рим, ты забываешь здравый смысл, когда забыв благоразумие души,
Ты становишься безумным, отличаясь вялостью разума.

(43)

Во-вторых, автор ставит острую проблему. Бессмысленность жизни общества раскрывается на примере конкретной ситуации.

Иуда достоин Гиены
За то, что предал Иисуса однажды.
Вы же скажите мне:
Кто семь раз ежедневно
продает тело Христово?
Какого наивысшего наказания заслуживает?

(9)

Настоящее время — цель для размышлений автора. Имеет место не только настоящее время проблемы, которая описывается, но и настоящее время повествования. Условно говоря, перед нами автор — и он здесь и сейчас расскажет нам о своем отношении к современному обществу. Так начинается реальное время повествования.

² «Fas et nefas ambulat-prodigus non redimit» или «Propter Sion non tacebo, — sed ruinas Rome flebo» (19, 41).

Итак, повествование начинается с формулировки острой и актуальной проблемы. Далее автор ставит акцент на неразумности мира, это часто встречается в первых строфах стихотворений, здесь формулируется проблема, которая волнует автора:

На родине этого мира
 Правит идолопоклонство.
 Дары духовные
 Везде пребывают продажными.
 (39)

Современность выступает как объект критики. То, что подобные формулировки проблемы ставятся в начале стихотворения — вполне закономерно. Критика неустроенной реальности — непосредственная причина повествования. Вот как звучит начало «Стихотворения о деньгах»:

На земле властный правитель в это время деньги.
 Ими восхищаются цари и служат им.
 Продажное окружение пап любит деньги.
 Деньги держат господство в покоях аббатов.
 Деньги почитает толпа черных приоров.
 Деньги становятся судьей на собраниях *magnum*.
 Деньги вызывают войны.
 Помимо их воли мир не наступит.
 Деньги вызывают споры, поскольку
 Хотят отнять богатства.
 (11)

Это уже не простое возмущение автора, это вполне явное недовольство той бессмыслицей, что происходит в обществе. Через всю сложность образов проступает перед нами позиция автора по отношению к миру. Позиция говорит сама за себя — автор готов различать разумное и неразумное, он готов смотреть на обман денег со стороны. Таким образом автор занимает не только позицию независимого критика, но и позиция наставника современного ему общества. Острый интерес автора к современному обществу развивается в качестве описания социальной структуры. Автором четко прослеживается социальная структура (в стихе о деньгах это: цари — папы — аббаты-приоры). Автор показывает, что проблема, которая стала предметом его критики, охватывает все социальные слои:

Мамона правит.
 Симония властвует.
 Понтифики в заблуждении.
 Правители в замешательстве.
 Знать в смуте.
 Храмы в непристойности.
 Законы попораны.
 (5)

Интересно отметить тот факт, что социальная структура описывается не иерархично, главным оказывается показать «включенность» в суету безумного мира. Еще один момент, который хотелось бы отметить, описывая неустойчивость социальной структуры: автор основой этой «шаткости» считает несоблюдение законов (в данном стихе это — «законы попораны», в стихе о деньгах говорится «деньги становятся судьей на собраниях»).

На социальную структуру перемещаются и карнавальные образы перевернутого мира.

Шут господствует.
Бесстыдный властвует.
Кутила искуплен.
Вероломный обогащается.
Вор процветает.
Лжец возвышается.
Эпикур превозносится.

(5)

Безумный мир для автора — не только социальная, но и «духовная» перевернутость, т. е. ниспровержение ценностей. Как ценностей, так и духовных авторитетов:

В таверне Григорий
Уже дискутирует, бесславный.
Строгость Иеронима
Исчисляется монетой.
Августин на ниве.
Бенедикт в посевах.
Это есть беседующие тайно,
И налегающие на мясо.

(6)

Образное восприятие мира зачастую подходит к проблемам духовной жизни общества:

Если правильно посмотреть
Захочешь, это не жизнь,
Раз так живет без цели
Этот глупый род;
Ибо не означает жить.
Если кто так живет;
Все нарушают права,
И от веры в деле
Любом удаляются.

(3)

На первый план выходит современное автору общество, которое не устроено и в котором попираются законы — не только социальные, но и духовные. В моменте, когда автор сосредотачивает внимание на нравственных проблемах общества, на духовном разложении мира, начинается позиционирование автора к внешнему миру. Это позиция духовного учителя.

В условиях «беспочвенности» внешнего мира особая вина за происходящее возлагается на церковь, которая должна быть духовным центром общества. Образ церкви создается умышленно материализованный, мирской.

Вместо посоха — меч,
Вместо инфулы — шлем,
Вместо столы — щит —
Это будет жернов смерти.

(39)

Внешние атрибуты здесь подчеркивают внутреннее обмирщение. Церковь подчиняется мирскому не только в отдельных атрибутах. Она оказывается замешана в суете земной власти, охваченной «магией денег».

И вот я не знаю, хотя и требую узнать,
В чем папское дело от императорского отличается:
Царь захватывает серебро, множество тысяч марок;
То же самое делает и папская курия сегодня.

(45)

Лишь одно отличает церковь от светской власти: «царь хватает отважно, а римский папа тайно». Город Рим так же, как и церковь, подвергается довольно острой критике. Важным здесь представляется описать зависимость Рима от материальных благ: «Естество Рима процветает на набитых кошельках», «римская курия есть рынок» (42).

Ваганты не претендуют на реформацию церкви, их взгляды не носят революционного характера. Они критикуют церковь именно в силу того, что та должна быть учителем общества, на деле же сама погрязла в мирских страстях.

Мы уже повторили выражение «учитель общества» или «духовный учитель», и такой термин очень важен нам для понимания того, как определяли себя ваганты по отношению к внешнему миру. Духовное учительство проявляется и в том, что ваганты обращают внимание на упадок знаний, учености в современном обществе.

Деньги губят сердца мудрых,
Поглощая свет.
Деньги, как известно, учат глупого быть грамотным.

(11)

Магия денег, таким образом, подменяет интеллектуальные ценности. При разговоре об упадке учености мы четко можем проследить идею о разоблачении «духовного учительства» церкви. Вот что говорится о представителях римской курии:

Эти нас учат, но сами неученые.
Эти нас учат, и ночь ночи передает знание.

(41)

Наиболее остро ваганты воспринимают упадок интереса к знаниям в университете.

Славился некогда университет.
Теперь он приведен в вертеп.
Знание издавна процветало.
Теперь взяли перевес забавы.
Уже хитрость ученикам
Присуща до времени,
Которые по дурной воле
Исключают мудрость.

(6)

Критика вагантов устремлена не только во внешний мир, но и на собственное университетское сообщество. Автор осознает свою общность как общность хранителей традиций университета, которые ныне попораны. И выступает как духовный учитель — уже перед членами собственной корпорации.

Итак, образная система строится на двух основаниях, тесно переплетенных между собой, — это карнавальное восприятие мира и символизм образов. Образная система выводит на второй план авторское индивидуальное мышление. Само построение образов показывает нам, что образ имеет мифологическую основу, он выключает автора из хода рассуждения. В центре оказываются отвлеченные категории и их действие, которое воспринимается на уровне чувства и жеста. Неопределенное чувство зыбкости, шаткости мира оказывается единственной формой авторской рефлексии.

Образное восприятие — это авторский путь видения мира, специфику такого восприятия определяют несколько аспектов. Во-первых, мышление автора конца XII в. еще не знает какой-либо выверенной терминологии, в рамках которой могло бы идти обсуждение социальных проблем. Сознание человека того времени еще не пережило схоластической «демифологизации» мышления и потому осмысляет реальность внутри особых образных форм.

Есть и второй момент, не менее важный для нашего внимания. Студенческое самосознание в период конца XII — начала XIII в. проходило стадию формирования. Создавалась образная система для коллективного мировосприятия. Необходимо было осмысление узловых понятий человеческого бытия. И поскольку членами университетской корпорации могли оказаться люди разных социальных слоев, разных культур, то университетская культура сочетала в себе разные культурные практики. Это и карнавальная культура с ее смеховым перевернутым миром, и народная культура с ее восприятием Фортуны как природной силы [6, с. 174—184]. Это и культура образованных слоев общества, в которой сохранялся еще интерес к античным авторам и развивалась идея «символического миропорядка».

Мы сделали попытку объяснить сложность и структуру образной системы поэзии вагантов. Но можем ли мы объяснить сам характер критики современного общества у вагантов? Откуда такие темные тона, откуда подавляющее чувство беспомощности перед Фортуной? В формировании образа «безумного мира» большую роль сыграл авторский стиль вагантских поэтов. Яркий пример — Вальтер Шатильонский, живший в самом конце XII в.³ Вальтер был в свое время известным поэтом, парижским магистром, членом кружка Фомы Бекета. После смерти Бекета Вальтер отправляется в Рим и, так и не добившись пребенды, возвращается во Францию. В это время он пишет стихи, полные едкой сатиры и отчаяния. В дальнейшем он получит пребенду и прославится поэмой «Алекстреида».

Важно, что поэзия вагантов подхватывает не эпические ритмы Алекстреиды, не мотивы личной обиды Вальтера на римскую курию. Поэзия вагантов перенимает стихи отчаявшегося человека, который ищет место в обществе, добивается материального обеспечения. Такая жизненная ситуация была типичной для студенчества конца XII — начала XIII в. Это время активного развития товарно-денежных отношений в городах. Это время первых университетов, которые не имели постоянного материального обеспечения. Например, преподаватели Болоньи не имели постоянного жалованья и жили на студенческие гонорары. Только в XIII в. появляются первые примеры договоров с преподавателями, где плательщиком выступают не студенты, а город [5, с. 75].

³ В данном исследовании мы работали с несколькими стихотворениями Вальтера, вошедшими в Бенедиктобуранский манускрипт: «Ecce torpet probitas...» (3); «Propter Sion non tacebo...» (41); «Utar contra vitia carmine rebelli...» (42).

Между тем количество студентов постоянно росло, и скоро первичная функция университетов, обеспечение города нотариусами и секретарями была выполнена сверх нормы. Социальная проблема, которую П. Дронке обозначает как «перепроизводство» образованных людей [9, с. 569—593], также является историческим нервом поэзии вагантов. Во многом из вопросов материального обеспечения, из жизненной неустроенности произрастает у вагантов чувство неуверенности в собственных силах, бессилия перед своеволием Фортуны.

Итак, сатира вагантов ставит нас перед рядом важных исторических вопросов. Во-первых, в основе критики современного общества — позиция некоторой социальной группы, которая берет на себя роль учителя общества. Такой социальной группой в начале XII в. было зарождающееся студенчество. Студенческий образ жизни, тяга к знаниям и стремление понять смысл бессмысленного мира — все эти аспекты лежат в основе поэзии вагантов.

Сложное соотношение образного и рационального видения реальности в поэзии вагантов определяется гранью двух веков. Во время формирования университетской культуры достиг своего расцвета и ушел в прошлое поэтический образный гуманизм XII в. и наступал век схоластической рационализации мышления.

Поэзия вагантов приоткрывает не только общие направления, но и конкретные вопросы развития ранних университетов. Важную роль в университетах играло сосуществование разных культурных практик, попытки «собрать» их в новую модель мировосприятия. Но «историческим нервом» поэзии вагантов стали социальные проблемы раннего развития университетов. Нестабильность первых университетов, перепроизводство образованных людей, сложность устройства в прагматичной городской культуре — все это отразилось на художественных особенностях поэзии вагантов, на чувствах и настроениях, с которыми европейское студенчество вступало в XIII век.

Библиографический список

1. Биск И. Я. Методология истории. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. 236 с.
2. Добиаш-Рождественская О. А. Коллизии во французском обществе XII—XIII вв. по студенческой сатире этой эпохи // Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского Средневековья. М. : Наука, 1987. С. 115—143.
3. Лирика вагантов / пер. Л. Гинзбурга. М. : Худож. лит., 1970. 192 с.
4. Поэзия вагантов / изд. подгот. М. Л. Гаспаровым. М. : Наука, 1975. 606 с. (Сер. «Литературные памятники»).
5. Суворов Н. С. Средневековые университеты. М. : Либроком, 2012. 256 с.
6. Уколова В. И. Фортуна в мире западного Средневековья // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2005. С. 174—184.
7. Carmina Burana. Die Lieder der Benediktbeurer Handschrift. München, 1979. URL: <http://www.hs-augsburg.de/~harsch/saecp13.html> (дата обращения: 10.04.2014).
8. Dronke P. Latin songs in the Carmina Burana. Profane love and satire // Dronke P. Forms and imagines. From antiquity to the fifteenth century. Roma, 2007. URL: <http://books.google.ca> (дата обращения: 11.04.2014).
9. Dronke P. Profane elements in literature // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century. Cambridge, 1982. P. 569—593. URL: <http://books.google.ru> (дата обращения: 11.04.2014).
10. Haskins C. H. The rise of universities. New York, 1923. URL: <http://www.elfinspell.com/Universities1.html> (дата обращения: 11.04.2014).
11. Morris C. The discovery of the individual: 1150—1200. Toronto, 1987. URL: <http://books.google.ru> (дата обращения: 11.04.2014).

ББК 63.3(4Укр)64+81.21(4Укр)

А. А. Неустроева

**БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ РУССКОМУ ЯЗЫКУ:
МНЕНИЕ УКРАИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Рассматривается языковая проблема на Украине в начале XXI в. Приводятся основные взгляды украинских политиков, правящей элиты, интеллигенции по данному вопросу, а также способы решения языковой проблемы.

Ключевые слова: украинская интеллигенция, украинский язык, русский язык, языковая политика.

This article is devoted to the language problem in Ukraine at the beginning of the 2000s. The article describes the basic views of Ukrainian politicians, the ruling elite, the intelligentsia on this issue, as well as ways to solve the language problem.

Key words: Ukrainian intelligentsia, Ukrainian language, Russian language, language policy.

На протяжении многих лет для представителей интеллигенции была и остается актуальной проблема морального выбора. Однако людям, чье мнение не укладывается в рамки «массового сознания», реальность XXI в. создает новые трудности. В век рекламы, пиара, пропаганды, агитации мнение интеллигента не всегда может быть услышано или правильно истолковано, и уж более того, может влиять на происходящие события. Тем не менее есть люди, которым удается донести свое мнение до общества, а также вызвать бурную реакцию. Это интеллигенция. Пожалуй, Украина — одна из немногих стран, в которой интеллигенция старается принять участие в общественно-политической жизни страны и остро реагирует на происходящие события. Одним из обсуждаемых в ее среде всегда был языковой вопрос. Поскольку большая часть интеллигенции — это представители таких профессий, как писатели, поэты, журналисты, то для них язык играет ключевую роль. Проблема же языка на Украине — насущный вопрос. Проблема кроется в статусе русского языка, а русский язык — это язык этнического происхождения, культуры, истории для большей части населения.

Наивысшего апогея данная проблема достигла в 2012 г., когда был разработан и обсуждался законопроект об основах государственной языковой политики Колесниченко — Кивалова. Обратимся к истории данного законопроекта.

После того как В. Янукович выиграл президентские выборы, он активно начал проводить свою политику. Одним из направлений было решение языковой проблемы. Еще в ходе предвыборной организации он обещал избирателям повысить статус русского языка. Так началась разработка нового закона. Законопроект предусматривал «предоставление русскому языку статуса регионального там, где он является родным для как минимум 10 % населения. В частности, речь идет о десяти областях юга, востока и севера Украины, а также Крыма, Киева и Севастополя» [3]. Разработанный проект закона получил название «Об основах государственной языковой политики». При этом он «устанавливает, что государственным языком является украинский язык... К региональным языкам или языкам меньшинств Украины

© Неустроева А. А., 2014

отнесены: русский, белорусский, болгарский, армянский, гагаузский, идиш, крымтатарский, молдавский, немецкий, новогреческий, польский, ромский, румынский, словацкий, венгерский, русинский, караимский, крымчакский языки» [5].

В конце 2011 г. данный закон получил экспертную оценку Венецианской комиссии — консультативного органа при Совете Европы по вопросам конституционного права. Однако один из экспертов данной комиссии все же оговорил, что недостатки в данном законопроекте имеются и они требуют доработки. «Закон является шагом вперед, однако этого не достаточно... Самое главное — обеспечить справедливое равновесие языковой политики между защитой украинского языка как единственного государственного языка и защитой региональных языков и языков меньшинств, в том числе русского» [3], — сказала Артемиза-Татьяна Чиска, эксперт Венецианской комиссии.

Тем не менее законопроект Партия регионов предполагала принять до выборов в Верховную раду. Сами авторы законопроекта, в частности, В. Колесниченко, считают, что принятие законопроекта даст возможность «остановить жесткую украинизацию» [3]. Он придерживается взгляда, что данный законопроект «всего лишь фиксирует фактическую языковую ситуацию в Украине, которая сложилась на сегодняшний день» [11]. Однако есть и иные мнения на этот счет.

Например, спикер Верховной рады В. Литвин осенью 2011 г. подверг законопроект критике. «То, что предлагается, часто представляет угрозу для украинского языка» [3], — считает он. Это подтвердила и Ю. Тимошенко: «Я давно говорила: если у вас есть проблема с языками, если у вас есть проблемы с двуязычием — выучите украинский... Я хочу со всей ответственностью сказать: это не просто предвыборные игры — это преступление против Украины, это преступление против нации. Это преступление против истории и против народа» [11].

Разделилось и мнение общества по данному вопросу. В оппозиции его считают антиукраинским. Член фракции «Наша Украина — Народная самооборона» О. Доний заявил: «Если этот законопроект станет законом, то об украинском языке в городах можно будет забыть, поскольку под вывеской либерализма, гуманизма и демократизации... четко утверждается идея, что ни в университетах, ни на телевидении, ни в городах, где есть хотя бы 10 % людей, считающих своим родным языком русский язык, об обязательности языка речь не идет» [5]. Подобного мнения придерживается С. Соболев, являющийся на тот момент премьер-министром оппозиционного правительства, который заявляет, что «законопроект Кивалова — Колесниченко уничтожает украинский язык и культуру» [4].

Интересно мнение лидера прогрессивных социалистов, председателя ВОО «Евразийский народный союз» Н. Витренко. Ознакомившись с текстом закона, она «вскрыла его русофобскую, националистическую сущность». Так как этот закон понижает статус русского языка, запускает механизм еще более ожесточенного его вытравливания, процесс оскорбления и унижения русских и русскоговорящих в Украине, — она призвала всех соотечественников объединиться в защиту нашего общего этноса, русского языка как государственного [2]. Русскоязычного населения в Украине подавляющее большинство, но принятие данного закона ставит этих людей в положение национального меньшинства. Н. Витренко и председатель партии «Киевская Русь» П. Баулин считают, что данная политика приведет

к расколу «фундамента восточно-православного этноса» [10], что данный закон «искусственно формирует украинский этнос, а русских определил как национальное меньшинство» [10].

И Н. Витренко, и П. Баулин подчеркивают, что в ходе предвыборной кампании коммунисты и регионалы утверждали, что, придя к власти, добьются государственного статуса русского языка. Однако текст законопроекта не содержит даже намека на это.

В целом, языковая ситуация сложилась удручающая. За период 2010—2012 гг. ликвидируется использование русского языка в СМИ, в органах государственной службы, органах местного самоуправления, сокращается количество русскоязычных школ, исчезают уроки русского языка. Например, в соответствии с Приказом Министерства образования и науки, молодежи и спорта Украины № 409 от 03.04.2012, утвержденным зам. министра Б. Жебровским, утвержден Типовой учебный план в общеобразовательных учебных заведениях II-й ступени. В нем русский язык определен иностранным. Параллельно с этим идет процесс «насильственного закрепления и насаждения украинского языка как единственного государственного, даже в регионах с преобладающей или значительной частью русскоязычного населения» [10].

Также прослеживается такой процесс, как намеренное «разыгрывание галицкими нацистами и донецкими националистами некоей скандальности вокруг принимаемого, по сути, русофобского закона, об их обоюдной договоренности спровоцировать на Украине более глубокие процессы раскола Русского мира и триединства русского народа, доведения страны до крайней степени национал-фашистской идеологизации и пропаганды» [10]. Такая ситуация связана с разными подходами к решению языкового вопроса. Например, Организация украинских националистов (ОУН) придерживается лозунга «Украина для украинцев», а для этого необходимо признание украинского языка как одного из наиглавнейших факторов национальной самобытности. Партия регионов резко изменила курс языковой политики. Выступая изначально за использование двух государственных языков: украинского и русского, после победы на выборах поддалась настрою националистов и поддержала законопроект Колесниченко — Кивалова.

Прогрессивная социалистическая партия Украины и Партия «Киевская Русь» придерживается следующих позиций: подлинно независимая и процветающая Украина может существовать только в содружестве с Россией, Белоруссией, Казахстаном и др. Русский язык является объединяющим фактором, поэтому должен иметь статус государственного языка на территории Украины. Члены партий потребовали от Президента отозвать законопроект и выполнить свое предвыборное обещание и придать русскому языку статус государственного.

Точно отметил В. Марченко, заместитель председателя Прогрессивной социалистической партии Украины (ПСПУ), народный депутат Украины I, II, III созывов, член Конституционной комиссии Верховной рады Украины, ситуация, сложившаяся вокруг обсуждения законопроекта Колесниченко — Кивалова, — «языковое шоу» [6].

Проанализировав данный законопроект, можно отметить, что украинский язык остается в том же положении, что и прежде. А вот русский язык

так и не меняет своего положения, он лишь признается официально региональным в тринадцати областях Украины.

Однако отметим, что данным событиям предшествовала череда иных событий. Языковой вопрос в обществе обсуждался еще с 2004 г., со времени первых президентских выборов, со времени так называемой «оранжевой революции». Рассмотрим предысторию данного вопроса и попробуем разобраться в данной проблеме.

Отметим, что процесс украинизации, как и процесс русификации, сменяли друг друга на протяжении всего XX в. Однако в начале 1990-х гг. с появлением Руха, с победой националистически ориентированных группировок вновь начался процесс украинизации.

Однако уже к 2000-м гг. в условиях рыночной экономики наблюдается рост печатной продукции на русском языке, в теле- и радиовещании также все чаще стали использовать русский язык. К примеру, в Одессе 20 телекомпаний работали на русском языке и только одна на украинском. Неудивительно, что данная ситуация взволновала политиков. Депутат Верховной рады от Руха поэт П. Мовчан заявлял: «Русский язык и русская культура сильнее ракет. На Украине дело обстоит так, что и без войны победа русских налицо. И сегодня ничего не делается для того, чтобы украинский язык действительно был господствующим, был государственным, как это обозначено в Конституции» [7].

В качестве ответной реакции правительство подготовило проект постановления «О дополнительных мерах по расширению функционирования украинского языка как государственного». В высших учебных заведениях пересмотрели учебные программы, разработали новую терминологию, проводились меры по сокращению печатной продукции на русском языке. Все это привело к недовольству населения. Как отметил историк Р. Медведев, это было начало «лингвистической войны», которая с новой силой вспыхнула в 2004 г.

Тогда в рамках предвыборной кампании в обществе широко обсуждался языковой вопрос: должен ли русский язык иметь статус второго государственного языка в Украине или нет. Часть интеллигенции выступала против присвоения русскому языку статуса государственного, другая часть поддерживала эту идею.

Наиболее ярко мнения интеллигенции отразились в письмах, которые были обнародованы в рамках предвыборной кампании. Прежде всего отметим, что авторы писем — люди, которые считаются представителями творческой интеллигенции, т. е. писатели и поэты. В письмах обсуждается проблема статуса русского языка на Украине, хотя основная цель писем — призвать население поддержать кандидатов на пост Президента Украины.

Как же видит интеллигенция решение данной проблемы? Ознакомимся с данными письмами.

Первое письмо было опубликовано 14 октября 2004 г. Оно носит название «Открытое письмо двенадцати аполитичных литераторов о выборе и выборах». Наиболее известными авторами письма являются поэт Ю. Андрухович, журналист, поэт М. Рябчук и поэт, переводчик А. Ирванец. Отметим немаловажный факт, что все они либо родились, либо живут в Западной Украине. Казалось бы, территориальный признак не должен иметь значения, но не для Украины, где по территории определяется самосознание украинцев. Представители Западной Украины тяготеют к Западу, что и проявляется в их мыслительной деятельности, поступках, оценках и суждениях,

а

также

в видении многих проблем и событий.

Суть первого письма заключалась в том, что литераторы причисляют себя к аполитичным гражданам, поскольку не придерживаются какой-либо конкретной идеологии, не входят в состав какой-либо политической партии. В данном письме они обвиняют Януковича в его пророссийском настроении, которое приведет Украину к потере независимости. Однако для нас наибольший интерес представляет фрагмент письма, касающийся языкового вопроса. Так, представители интеллигенции в лице двенадцати писателей пишут, что «Янукович обещает предоставить языку попсы и блатняка абсурдный статус “второго государственного”, а уже завтра он окончательно вытеснит “первый государственный” на все возможные обочины, уже завтра язык малообразованного “профессора” и его братвы безальтернативно возобладает на всей “калиново-соловьиной” территории» [9]. Далее литераторы призывают голодовать за В. Ющенко, считая, что именно он способен превратить Украину в демократическое государство, в котором языковой вопрос будет решен путем проведения правильной политики. Неудивительно, что данное письмо вызвало волну как поддержки, так и протеста. Особенно остро отреагировали представители русской интеллигенции. Назвать русский язык языком попсы и блатняка... Однако интересно отметить, что сами авторы письма не считают зазорным так называть русский язык, на котором говорит большая часть населения Украины. Один из авторов письма Ю. Андрухович писал, что «работая над текстом открытого письма, мы сознательно отказались от понятия “русский язык”, ибо дело не в нем. Употребленное нами выражение “язык попсы и блатняка” следует понимать как образно-метафорическую структуру <...> И не наша вина в том, что в нынешней Украине этот попово-блатняковский дискурс власти формулируется словами именно и исключительно русского языка» [1]. Однако сам текст наглядно демонстрирует их отношение не только к русскому языку, но и к России в целом.

По-другому рассуждают авторы второго письма, которое было опубликовано 17 ноября 2004 г. как ответная реакция. Письмо называется «Обращение украинской интеллигенции к русскоязычным гражданам Украины». Данное письмо составили и подписали писатель М. Петровский, писатель А. Курков, переводчик Е. Квитницкая-Рыжова и др. Всего в поддержку данного письма выступили семьдесят человек.

Авторы данного письма пишут, что для них «русский язык — это не только язык великой культуры и литературы, но и повседневного общения и профессиональной деятельности» [8]. Они категорически не принимают ситуацию с закрытием русскоязычных школ, сокращением или полным исключением курса русского языка в высших учебных заведениях. Они обвиняют правящую элиту в том, что те только дают обещания, а на практике их не исполняют. Данную проблему они предлагают решить путем избрания президентом В. Ющенко, чьи «действия, программа и личность при нашем активном содействии будут способствовать становлению в Украине реальной демократии, гражданского общества и правового государства, — а значит, дадут нам и реальный шанс работать над развитием русского языка в нашей стране» [8]. Из этого отрывка следует, что представители интеллигенции также стремятся участвовать в проведении языковой политики. Они понимают, что не только государство должно разрабатывать программы по данному

вопросу, но и интеллигенция своими действиями должна активно им помогать и всячески содействовать.

Таким образом, несмотря на различные взгляды на данную проблему, авторы обоих писем призывают голосовать за В. Ющенко на президентских выборах. Однако, если позиция поддержки В. Ющенко на выборах авторов первого письма понятна, то не совсем ясна позиция авторов второго письма. Выступая в поддержку русского языка, они, тем не менее, призывают голосовать за В. Ющенко, чей взгляд на языковую проблему кардинально отличается. Не секрет, что своими действиями В. Ющенко стремился не допустить признания русского языка вторым государственным языком.

Приход к власти В. Ющенко ознаменовал новый этап «лингвистической войны». Весной 2005 г. было издано предписание «перевести работу всех судебных и правоохранительных органов республики исключительно на украинский язык (в том числе и в регионах компактного проживания русского населения), причем не ясно было, кто должен позаботиться о переводчике, — судья или подсудимый. Еще через месяц вышло распоряжение, запрещающее выпускникам русскоязычных школ сдавать вступительные экзамены в вузы на русском» [7].

Так или иначе, русский язык получил статус регионального языка в некоторых регионах страны. Украинский язык оставался единственным государственным языком, по-прежнему проводилась активная украинизация в обществе. Однако некоторые политики да и представители интеллигенции считали, что русскому языку предоставлены слишком широкие права. 30 мая 2006 г. на заседании Совета Национального союза писателей Украины обсуждался вопрос языковой политики. Представители интеллигенции пришли к мнению, что «принятые в ряде регионов Украины решения о предоставлении русскому языку статуса регионального являются грубым нарушением Конституции Украины, международных законов и выходят за рамки полномочий местных органов самоуправления» [12]. Они считают, что в стране должен быть один государственный язык, который использовался бы во всех регионах. И этим языком должен быть язык этнических украинцев, т. е. украинская мова. Более того, представители Союза писателей Украины решили обратиться к президенту с просьбой решить вопросы языковой политики путем восстановления Национального совета по вопросам языковой политики. Они надеялись, что в этот Национальный совет войдут именно они, представители Союза писателей Украины, чтобы проводить политику в своих интересах.

Несколькими годами позже украинская интеллигенция снова обратилась к Президенту Украины В. Ющенко, а также премьер-министру Ю. Тимошенко. Инициаторами обращения стали Всеукраинское общество «Просвита», Конгресс украинской интеллигенции, Научное общество имени Шевченко, Национальный союз писателей Украины, Национальная ассоциация украинистов, Национальный Союз журналистов Украины, Национальный Союз кинематографистов Украины и Украинский всемирный координационный совет (УВКС).

В обращении содержится просьба «привести в соответствие европейским нормам и традициям систему кабельного телевидения, с исключением из стандартных пакетов программ российских каналов — Первого государственного, ОРТ, НТВ, которые ведут откровенно враждебную пропаганду» [13], а также обязать использовать украинский язык во время своих выступлений политиков, чиновников, журналистов, комментаторов. Одним словом, авторы обращения

просят повести украинизацию общества и насильно внедрить украинский язык в те сферы жизни, где активно используется русский язык.

Отметим, что в среде интеллигенции нет единого мнения по многим вопросам. По сути можно выделить два направления: одни выступают в поддержку русского языка, а другие — в поддержку украинского. На наш взгляд, такая позиция мешает интеллигенции объединиться и действовать на благо украинскому обществу.

Мы рассмотрели основные моменты языковой политики, или «лингвистической войны», в начале XXI в. Отметим, что языковой вопрос то обострялся, то утихал. Однако, несмотря на большое количество как правительственных мер в виде указов, постановлений и предписаний, так и обращений интеллигенции и простого населения, языковая политика осталась нерешенной. Возникает ощущение, что кому-то на руку развязывание спора между населением по поводу языка с целью использования как оружия в политических целях.

Библиографический список

1. Андрухович Ю.: «Власть должна была очень сильно постараться, чтобы таки достать меня». URL: <http://korrespondent.net/world/worlddabus/105094-bi-bi-si-andruhovich-vlast-dolzha-byla-ochen-silno-postaratsya-chtoby-taki-dostat-menya> (дата обращения: 27.09.2014).
2. Витренко разгромила русофобский закон Кивалова — Колесниченко... И предложила Путину не подавать руки Януковичу. URL: <http://www.vitrenko.org/article/14642> (дата обращения: 15.09.2014).
3. Гончаренко Р., Бондаренко Т. Новый закон о языке: «конец украинизации» или «ползучая русификация»? // DeutscheWelle. 2012. 3 янв.
4. Загадка законопроекта Колесниченко. Идеология или битва за рейтинги? Из-за чего подрались депутаты? URL: <http://nbnews.com.ua/ru/tema/41981/> (дата обращения: 27.09.2014).
5. Законопроект Кивалова — Колесниченко приняли в первом чтении. URL: <http://minfin.com.ua/2012/06/05/599917/> (дата обращения: 15.06.2014).
6. Марченко В. Русский язык на Украине. Наивная радость обманутой Госдумы тухлым яйцом регионалов. URL: http://vitrenko.at.ua/news/russkij_jazyk_v_ukraine_inostrannyj_pod_rukovodstvom_janukovicha_sovmestnoe_obolvanivajushh_ee_shou_vlasti_i_oppozicii_prodolzhaetsja/2012-06-21-2821 (дата обращения: 29.09.2014).
7. Медведев Р. Лингвистическая война на Украине. URL: <http://2000.net.ua/2000/aspekty/slovo/46500> (дата обращения: 01.10.2014).
8. Обращение украинской интеллигенции к русскоязычным гражданам Украины. URL: http://gazeta.dt.ua/CULTURE/obraschenie_k_grazhdanam_ukrainy.html (дата обращения: 27.09.2014).
9. Открытое письмо двенадцати аполитичных литераторов о выборе и выборах. URL: <http://www.anti-orange-ua.com.ru/content/view/86/1/> (дата обращения: 01.10.2014).
10. Прекратить дискриминацию русско-культурного населения Украины! Русскому языку статус государственного! Совместное заявление Президиума ЦК ПСПУ и Главного Совета Партии «Киевская Русь» от 16 июня 2012 г. URL: <http://rusmir.in.ua/pol/2580-prekratit-diskriminaciyu-russko-kulturnogo.html> (дата обращения: 01.10.2014).
11. Рассмотрение закона о языках в Верховной Раде Украины. URL: <http://www.rus-ua.info/news/6274.html> (дата обращения: 15.09.2014).
12. Союз писателей Украины против предоставления русскому языку статуса регионального. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/events/155443-soyuz-pisatelej>

ukrainy-protiv-predostavleniya-russkomu-yazyku-statusa-regionalnogo (дата обращения: 15.09.2014).

13. Ющенко, Тимошенко и Яценюка просят запретить российские каналы. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/events/455297-yushchenko-timoshenko-i-yacenyuka-prosyat-zapretit-rossijskie-kanaly> (дата обращения: 29.09.2014).

ББК 63.3(2)6-27

С. М. Усманов

ЕВРОПА И «КУЛЬТУРНЫЙ ПЕССИМИЗМ» ВЛАДИМИРА ВЕЙДЛЕ

На основе биографического и компаративного методов в статье анализируются исторические взгляды Владимира Вейдле и его отношение к социально-историческим реалиям XX в., культуре и будущему Европы. Дан анализ концептуальных основ историко-культурной концепции Владимира Вейдле. Делается вывод о том, что культурный пессимизм и поздний европеизм Владимира Вейдле приобретают определенные черты нормативизма и субъективизма.

Ключевые слова: русская эмиграция, историческая концепция Владимира Вейдле, «культурный пессимизм», Европа.

On the base of biographical and comparative research methods the author analyzes Vladimir Weidle's historical ideas and his attitude to socio-historical realities of XX century, culture and future of Europe and Russia. The analysis of Vladimir Weidle's historical and cultural conception is given. In conclusion, the author reveals that Vladimir Weidle's cultural pessimism and late Europeanism acquire certain normative and subjective characteristics.

Key words: Russian emigration, Vladimir Weidle's historical conception, «cultural pessimism», Europe.

Владимир Васильевич Вейдле немногим известен в современной России. Даже среди авторов русского зарубежья его наследие не привлекает к себе особого внимания исследователей. Тем не менее личность В. В. Вейдле весьма интересна, а его труды представляются достаточно значимыми и в наших нынешних обстоятельствах, ибо многое в них имеет весьма актуальное звучание.

Прежде всего, стоит напомнить об основных вехах его биографии. Владимир Васильевич Вейдле был приемным сыном в семье российских немцев — предпринимателя Вильгельма Генриха Вейдле и его супруги. После окончания историко-филологического факультета Петроградского университета преподавательская деятельность Владимира Вейдле в Советской России продолжалась недолго: летом 1924 г. он эмигрировал и почти всю оставшуюся жизнь провел во Франции. С 20-х гг. В. В. Вейдле сотрудничал во многих изданиях русской эмиграции, был профессором парижского православного Свято-Сергиевского богословского института, стал духовным сыном известного богослова и общественного деятеля протоиерея Сергия Булгакова.

© Усманов С. М., 2014

Исследование выполнено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации № 33.526.2014/К.

• Серия «Гуманитарные науки»

После Второй мировой войны В. В. Вейдле помимо прочего являлся многолетним автором, а в течение пяти лет и редактором «Радио Свобода».

Основные работы Владимира Васильевича Вейдле — а обычно они представляют собой очень насыщенные и образные эссе — собраны в книгах: «Умирание искусства» (1937), «Вечерний день» (1952), «Задача России» (1956), «Безымянная страна» (1968) и в ряде других публикаций, среди которых стоит назвать еще посмертно изданные книги «Эмбриология поэзии» и «Россия. Революция. Религия».

Немногочисленные российские исследователи творчества В. В. Вейдле, как правило, высоко оценивают его наследие. Его называют блестящим литератором, глубоким и тонким критиком, ученым с обширной эрудицией, оригинальным философом, для которого характерны яркие и острые публицистические выступления, «ясная и современная мысль которых всегда опирается на глубокое проникновение в дух и плоть мировой литературы» [8]. В. В. Вейдле характеризуют как виднейшего представителя «нового русского западничества» и ставят ему в заслугу то, что он «выдвинул ряд оригинальных философско-исторических идей, помогающих лучше понять не только историческое прошлое России, ее место в Европе и мировой цивилизации, но и многие сегодняшние проблемы развития русского самосознания, русской культуры» [13].

Необходимо отметить, что о «новом западничестве» В. В. Вейдле писал его добрый знакомый и собеседник по эмиграции Юрий Павлович Иваск [11]. Эту оценку поддержал и развил российский исследователь И. А. Доронченков [10, с. 50]. Причем И. А. Доронченков — не только исследователь, но и публикатор работ Владимира Васильевича Вейдле. Именно он по материалам Бахметевского архива, хранящегося в библиотеке Колумбийского университета (США), опубликовал итоговую книгу Вейдле «Россия. Революция. Религия» и его «Воспоминания» [5; 9].

Между тем существует несколько иной взгляд на творческое наследие В. В. Вейдле. Его очень рельефно выразил один из известных сторонников либерализма в современной России А. А. Кара-Мурза, который именует Вейдле не «новым русским западником», а «европеистом». Хотя оба этих понятия мало отличаются друг от друга, А. А. Кара-Мурза видит большую заслугу Вейдле в том, что он основательно укрепил фундаментальные основы «русского культурного европеизма», поскольку показал: Россия — европейская страна, неспособная вне Европы достигнуть полноты национального бытия, ибо вне Европы Россия теряет и свою самобытность. Другой существенный аспект историософии Вейдле, который подчеркивает А. А. Кара-Мурза, — это выявление последствий революции в России. А именно, революция в советской ее форме, согласно Вейдле, роковым образом унаследовала два отрицания — отрицание Европы и отрицание самой России [12].

Стоят упоминания еще и замечания по историософии В. В. Вейдле, сделанные российским исследователем В. М. Толмачевым, который полагает, что в книгах Вейдле «политические оценки выступали продолжением историософии, основу которой вполне привычно для русской религиозно-философской критики составил литературный, а точнее сказать (в чем и заключается элемент его оригинальности), поэтический материал» [14, с. 415]. В. М. Толмачев также поставил вопрос об эволюции философской и культурно-исторической концепции В. В. Вейдле, замечая, что в 50-е гг. в работах

Владимира Васильевича «наметились славянофильские симпатии, свободные в то же время от всякого послевоенного прекраснотушия» [14, с. 415].

Несмотря на эти интересные соображения исследователей, можно утверждать, что историко-культурная концепция В. В. Вейдле пока не получила развернутой научной интерпретации в отечественной науке. Остаются недостаточно проясненными весьма существенные вопросы:

- 1) насколько цельной была историко-культурная концепция В. В. Вейдле и менялась ли она со временем;
- 2) был ли В. В. Вейдле «европеистом» или «западником» в более широком смысле (и в какой степени «новым»);
- 3) каковы были особенности трактовки мыслителем-эмигрантом исторических судеб Европы.

Именно об этих проблемах научного анализа наследия В. В. Вейдле мы и представим некоторые наши соображения.

В своей историко-культурной концепции Владимир Васильевич Вейдле предстает прежде всего горячим поклонником и певцом Европы. В этом смысле он — один из наиболее последовательных западников среди всей плеяды авторов русского зарубежья. Особенно четко это было выражено Владимиром Васильевичем в статье «Границы Европы», опубликованной в 1936 г. в парижском эмигрантском журнале «Современные записки», а затем переизданной в книге Вейдле «Задача России» (1956 г.).

В своей статье Владимир Вейдле определяет Европу как «сложный исторический организм, подобный организму нации». Этот организм, современная Европа, имеет и границы, «но границ ее не может указать ни территория, ни раса, ни какой-либо другой заранее данный ее признак» [3, с. 10—11]. Как дает понять автор, границы Европы задаются ее «духовным единством», а потому в состав Европы нужно включать и Россию, и Америку, которые сами представляют собой ее «составные части».

В этой связи Вейдле отвергает те «историософские системы», которые резко отделяют западную Европу от Европы восточно-христианской. Здесь Владимир Васильевич прямо называет Освальда Шпенглера и Арнольда Джозефа Тойнби. Особенно показательным его возражение А. Дж. Тойнби: «Культура для Тойнби неотрывна от создавшего ее общества и даже тождественна с ним (его книга различает две категории общественных союзов: примитивные общества и культуры). Он забывает, что культура, не будучи в состоянии без своего носителя — общества — возрасти, может, тем не менее, это общество перерасти и тем самым содействовать образованию более широких обществ». И далее: «Единство Запада в наше время есть единство культуры больше, чем единство общества» [3, с. 25].

Единство Европы, как доказывает в своей статье для «Современных записок» В. В. Вейдле, никак не может обойтись без России. А это должно быть понято и в Европе, и в России. Собственно, для достижения данной задачи и была напечатана автором сама статья. Причем он обращается не только к русским эмигрантам, но, по сути, и к европейцам. Вот два главных «послания» статьи «Границы Европы». Первое послание — к европейцам: «Ничто так не нужно Европе (включая, разумеется, в эту Европу и Америку), как понять, что воссоединение ее запада и ее востока столь же насущно для нее, как и для нас, что мы и она — одно, что судьба России неотделима от ее собственной судьбы. Но Европа этого не понимает» [3, с. 21]. Чуть ранее Вейдле уточняет: «...Россия за последнее века была сосредоточием

всей восточно-христианской, славяно-византийской традиции; утратить ее — это значит для Европы окончательно замкнуться в свое половинчатое, только западное бытие, отказаться навсегда от полноты своей исторической жизни, своего духовного, и в частности религиозного бытия, своего христианства» [3, с. 21].

Другое «послание» обращено к русской эмиграции, а в широком смысле — ко всей российской общественной мысли. В данном контексте Вейдле критикует не только приобретшие широкую известность в эмиграции построения евразийцев, но и труды их предшественников, а в сущности и многих других «теоретиков наших» прошлых времен. «Вместо того, чтобы спросить себя, какое место принадлежит России в общеевропейском культурном целом, ее заранее отделяли от него, ему противопоставляли» [3, с. 20].

В конце своей статьи для «Современных записок» В. В. Вейдле делает однозначный вывод о том, что ни Россия без Европы, ни Европа без России обойтись никак не могут: «Будущее Европы не только в Европе. Оно в Америке, оно в России, в этих двух огромных мирах — раньше, чем в мире вообще, раньше, чем во всем человечестве, взятом как целое. Если Европа погибнет в Америке и в России, она погибнет и для всего человечества. Если она погибнет в России, то погибнет и Россия» [3, с. 26].

Прошло три десятилетия, и в книге «Безымянная страна» (1968 г.) Владимир Васильевич вновь воспроизводит ту же самую концепцию, лишь добавляя к ней некоторые дополнительные пояснения. Это особенно наглядно видно из помещенного в книге эссе «Возвращение на Родину» (впервые опубликовано в 1963 г. в альманахе «Воздушные пути»).

«Восток и Запад — не географические, а исторические понятия. <...> Для истории Восток — это Азия. Азия создала великие культуры, но русская не их отпрыск, а отпрыск культуры европейской, вне которой она непонятна, исторически немыслима» [2, с. 157], — отмечал В. В. Вейдле. И хотя Россия была в допетровскую эпоху на время разлучена с «европейской семьей народов», продолжал мыслитель, другой она не обзавелась: «...этому помешал греко-римский стержень ее духовной жизни. Европейское будущее было ей предначертано самым давним ее прошлым. Вот почему так грубо ошибаются западные историки, приравнивающие этот ее возврат к европеизации Индии или Японии. Эти страны сохраняют своеобразие вопреки европеизации и ровно в той мере, в какой она не завершена. Россия заложенное в ней своеобразие только вернувшись в Европу и смогла полностью осуществить» [2, с. 161]. Вот почему, опять подчеркивал свою любимую мысль В. В. Вейдле, «воссоединившись с Западом, Россия расцвела, и она вновь расцветет, только если снова — не как часть Западной Европы, а как часть Европы — с ним соединится» [2, с. 163].

Принципиально не изменились концептуальные основы историко-культурной концепции Владимира Васильевича Вейдле и в его последних статьях 70-х гг. XX в. Их он вновь собирался выразить в книге «Россия. Революция. Религия». Открывать книгу должна была глава «Европейское отечество», где опять речь идет о двойственности России, о ее «двойном паспорте» — собственно российском и европейском [5, с. 69].

Все же в этой главе Владимир Васильевич дал некоторые интересные аргументы в пользу своей концепции. Здесь он уже более определенно разделяет «мир Европы» на две части — собственно Европу и «колониальную Европу», в которую Вейдле включает Америку, Австралию и Россию. Вообще-то, заме-

чает Владимир Васильевич, «...весь мир Европою колонизован или завоеван, но не ее греко-латино-христианской культурой, а ее научно-технической цивилизацией». Однако весь этот мир слиться с Европой в культурном, духовном своем измерении не может: «С точки зрения культуры, есть полное основание называть Европой Америку и Австралию, а для отличия от Европы — колониальной Европой. Тогда как Японию этим именем назвать нельзя, хотя она и успешней усвоила европейскую науку и технику, чем, пожалуй, даже еще и в наши дни Испания, Греция, Сицилия» [5, с. 72—73]. Кроме того, добавляет В. В. Вейдле, «есть достаточно культурно-исторических оснований, чтобы считать Россию колониальной Европой» [5, с. 73].

В другой своей статье, опубликованной первоначально в 1975 г. в «Вестнике русского христианского движения», но тоже предназначавшейся для книги «Россия. Революция. Религия», Владимир Васильевич употребляет также понятия «малая Европа» (для Европы в узком смысле этого слова) и «большая Европа». Последняя включает еще и Америку, Австралию, а также — по контексту — конечно, и Россию (когда она «вернется» в Европу) [6, с. 254].

Из всего изложенного очевидно, что западником в обычном смысле этого слова В. В. Вейдле назвать, пожалуй, можно. Но точнее его было бы определять как «русского европейца» или «европеиста», ибо весь пафос его историософии вовсе не в апологетике Запада как такового (Европы и Северной Америки), а европейской культуры. И только в этом смысле и апологетике Европы — как «малой», так и «большой». Тем не менее требует более основательного осмысления содержательная сторона «русского европеизма» Владимира Вейдле, в том числе ее эволюция в творчестве мыслителя.

Сразу хотелось бы отметить, что «европеизм» в истолковании самого Владимира Васильевича отнюдь не идентичен тому прежнему европеизму русской интеллигенции XIX — начала XX столетия, который увлекался только Европой и для которого были неинтересны не только вся Америка, Африка, но даже в большой степени и Восток. Об этом нам уже приходилось высказываться [15]. Владимир Васильевич Вейдле об остальном неевропейском мире знал, размышлял, а то и лично его посещал. Бывал он и в Северной Америке, и в Южной. Но и здесь для Владимира Вейдле главное — не география, а культура.

Об этом определеннее всего он высказался в итоговой книге «Россия. Революция. Религия». «Я просто-напросто скажу, что предпочитаю человечеству Европу, христианскую, греко-римскую, романо-германо-славянскую Европу, Европу вместе с Россией, Россию, укорененную в Европе, солидарную с Европой. <...> Расизмом не страдаю; ни анти-белым (простите), ни анти-цветным. К черному или желтому человеку вполне способен ощутить настоящую приязнь. Восхищаюсь высокими творениями Египта, древних царств, его соседей, древнего Китая, древней Индии. Но в гостях хорошо, а дома лучше. И ведь какой это старый, просторный, неисчерпаемым многообразием богатый, радостно-горестный, горестно-радостный, достойный, счастливый, священный, святой, земной и небесный дом! Ни на какие чужие великолепия его не променяю, и уж тем менее на откровенное дикарство, на там-там и бум-бум, на «экстазы» с пеною у рта» [5, с. 72], — раскрывает Вейдле суть своего противопоставления Европы остальному миру. Можно добавить, что еще в начале 50-х гг. в книге «Вечерний день» Владимир Васильевич выразил все это кратко и выразительно. Для него все то,

что за пределами христианской Европы, есть «страшный мир чужой веры и чужих искусств» [1, с. 94].

При всем том, что внешние контуры историко-культурной концепции Владимира Васильевича Вейдле до конца его жизни оставались прежними, она оказалась очень уязвимой в самой своей основе: мыслитель потерял почти всякие надежды именно на то, на что он всегда так уповал — на будущее Европы, на сохранение и возрождение ее христианской культуры.

Правда, и всегда для Вейдле был характерен «культурный пессимизм», по меткому выражению германского критика Франца Роха [16]. Такая оценка германского исследователя основывалась, конечно, на содержании самой известной книги Владимира Васильевича — «Умирание искусства». Тем не менее «культурный пессимизм» В. В. Вейдле и в этой книге не был совершенно беспросветным, что очевидно в самых последних строках «Умирования искусства»: «От смерти не выздоравливают. Искусство — не больной, ожидающий врача, а мертвый, чающий воскресения. Оно восстанет из гроба в сожигающем свете религиозного прозрения, или, отслужив по нем скорбную панихиду, нам придется его прах предать земле» [17, с. 440].

Та же самая тональность выдерживается в другом сборнике эссе, выпущенном Владимиром Васильевичем в 1952 г. под названием «Вечерний день: отклики и очерки на западные темы». Вся эта книга — о красоте старой Европы, сохранившейся от прежних эпох. О чем особенно поэтично повествуется в эссе «Древний Запад»: «...встань, повернись назад: ты увидишь прямо перед собой грустное, и такое прекрасное еще, постаревшее лицо Европы» [1, с. 102]. Все же «Вечерний день» отнюдь не исчерпывается зарисовками старой Европы. В предисловии автор, со скорбью повествуя о современной ему эпохе, все же не отказывается от упования на историческую преемственность Европы нынешней и прошлой: «Обветшали все лозунги и программы, набил оскомину политический жаргон, и ценности, оторвавшиеся от своего подлинного корня, наскоро реквизированные для узких и преходящих нужд, ныне возвращаются к нему, и мы начинаем понимать, что единственное место их реального бытия — вера, правда и преемственность христианской Европы» [1, с. 9].

Но надежды на «преемственность христианской Европы» почти умерли для Вейдле к концу его жизни, что для него было настоящим потрясением, чем-то тягостным и мучительным. Легко заметить, с какой горечью пишет о Европе Владимир Васильевич в своих статьях 70-х гг.

Пожалуй, самой показательной в данном контексте является статья В. В. Вейдле «Из архивов Страшного Суда», напечатанная в 1975 г. в нью-йоркском «Новом журнале». Ее квинтэссенцией можно считать следующий фрагмент под названием «Разительная истина»: «“Из глубин” Петропавловской крепости Бакунин вещал: “В Западной Европе, куда ни обернешься, везде видишь дряхлость, слабость, безверие и разврат, происходящий из безверия”. Едва ли он был вполне искренен, да и верно это было тогда лишь его многими оговорками, в аксиомы не годилось. Зато теперь мы с чистой совестью можем, дочитав до этих слов представленную императору Николаю исповедь, написать на полях, как это сделал он: “Разительная истина”. Только горше это нам будет, потому что мы помним в Европе, даже и лучше современника их обоих, Хомякова, что она *была* “страной святых чудес”» [4, с. 83].

Вся статья Вейдле наполнена горечью и скорбью в связи с таким падением Европы, она насыщена наблюдениями и впечатлениями автора, подтвер-

ждающими «разительную истину» о капитуляции всей европейской культуры и общественной морали перед нагло распоясавшимся злом. Причем, русский мыслитель не видит ничего отрадного в данном отношении не только в элитарных слоях общества, но и у самих европейских народов: «Нынче не то что насилием не сопротивляются злу, но и добрым словом. Никакому не сопротивляются злу, ни тому, которое гниением можно назвать, ни тому, которое иначе и не назовешь, как именно насилием» [4, с. 80]. Поэтому поистине с сердечной болью Владимир Васильевич называет «осквернением свободы» то, чем «тешатся граждане всех — уже немногих — свободными остающихся стран»: «Как будто хорошие деньги им всем платят, и зрителям, и актерам, чтоб они всем безлагерным и безполитграмотным державам показали, насколько их свобода непристойна, уродлива и груба» [4, с. 83].

Выводов в этой статье Вейдле делать не стал, но они им были изложены чуть раньше, в 1974 г., когда он откликнулся в «Вестнике Русского христианского движения» на выход в СССР бесцензурного сборника «Из-под глыб» с участием Александра Солженицына, Игоря Шафаревича и нескольких их сподвижников. В конце статьи-отклика с характерным названием «Только в Россию и можно верить» Владимир Васильевич опять вернулся к своей излюбленной «европейской идее»: «Что-то в сборнике прямой мысли о Европе я не повстречал. Разучилась Россия — под кнутом разучилась — мыслить себя Европой, а все-таки, если спасет она из-под кнута, если вернет себе свою историю, она воссоединится с Западом и будет снова не только христианской, но и европейско-христианской страной. Возражения насчет осуществимости такой мечты очевидны: Запад сам, на наших глазах перестает быть христианско-европейским Западом, а уж мы...» [6, с. 254].

Что же может ответить на эти «очевидные возражения» Владимир Васильевич Вейдле? Ничего, кроме выставления своих личных чаяний и надежд: «Но если Россия отделение (от Запада. — С. У.) и оскудение им вызванное, превозможет, станет вновь Россией, русскою Европой, тогда и Запад, тогда и вся Европа, малая и большая... Другой надежды нет» [6, с. 254].

Если вдуматься в приведенные соображения В.В. Вейдле, то здесь может быть, видимо, только одно из двух. Либо уповать на то, что падение коммунизма в России может вдохнуть жизнь в умирающую (в духовном и культурном смысле) Европу, как-то возродить ее творческий потенциал. Либо посткоммунистическая Россия, став «русской Европой», будет в своей созидательной работе тащить сразу две ноши — и свою, и европейскую. Однако пока что прошедшие после появления данной статьи Владимира Вейдле десятилетия не подтверждают обоснованности подобных упований.

Вероятно, и сам Владимир Васильевич чувствовал уязвимость своих размышлений о будущем, но отказываться от них явно не хотел, в том числе от излюбленного им «европеизма», которым он был столь глубоко напитан. Очевидно, из такого противоречия проистекала и резко усилившаяся к концу творческого пути Владимира Вейдле тенденция к субъективизму в его историко-философских исканиях. Это настроение наглядно выступает в последней, итоговой книге мыслителя «Россия. Революция. Религия», где немало такого рода фраз: «Мне достаточно того человечества — и той человечности — что звались, зовутся или зваться способны Европа» [5, с. 72]; «Для меня все же лучшее в петербургской России и многое в до-петербургской вполне европейским представляется...» [5, с. 74]; «Не только все русское, но и все евро-

пейское для меня — родное» [5, с. 76]; «Флоренция во много раз мне роднее, чем Калуга...» [5, с. 76] и т. д. (курсив наш. — С. У.).

Так что к концу творческого пути у Владимира Васильевича Вейдле сложилась весьма субъективная историософия позднего европеизма. «Поздним» его стоило бы назвать прежде всего потому, что она заметно отличается от мировоззрения «русских европейцев» XIX — начала XX столетия. Правда, с русскими западниками позапрошлого века у Владимира Вейдле есть и немало общего или близкого в их мировидении: восхищение Европой, ее культурой и богатым историческим прошлым, стремление сблизить Россию с Европой как можно больше, чтобы обеспечить и Европе, и России единое светлое будущее. Но Владимир Вейдле — мыслитель христианский. Он не согласен удовлетвориться, как русские европейцы XIX столетия, только научным прогрессом, политической свободой и культурным расцветом. А потому чем дальше, тем больше желал «возвращения» России не в ту реальную Европу, какой она стала сначала после Первой, а потом и после Второй мировой войны, а в ту, которая бы сумела восстановить свое славное христианское наследие. Вот это чаяние синтеза «малой» и «большой» Европы — когда и сама первоначальная («малая») Европа, и Россия (об Америке и Австралии в этом контексте — необходимости рехристианизации — Владимир Васильевич специально не упоминает) должны возвратиться к своим христианским первоосновам и тем самым духовно слиться в прежнем (а в чем-то и новом) плодотворном единстве — и составляет специфику историко-культурной концепции Владимира Вейдле, выделяющую ее среди исканий и открытий других мыслителей русского зарубежья.

Добавим, что очень привлекательной и выигрышной стороной историко-культурных размышлений Владимира Васильевича Вейдле предстает та форма, в которую он облекал свои надежды и прозрения. Здесь невольно обращает на себя внимание широкая эрудиция мыслителя, его все более яркий и выразительный язык (в последних статьях и книгах тяготеющий к афористичности), устойчивая самостоятельность Владимира Вейдле, ориентированная на приоритеты культуры перед политикой. Особенно все это очевидно в итоговой книге Вейдле «Россия. Революция. Религия». Вот как завершается в ней раздел «Европейское отечество»: «Если б Европа умела гордиться своим прошлым, она бы его не продавала за чечевичную похлебку, и будущее ее было бы менее темно» [5, с. 82].

Вместе с тем историко-культурные построения В. В. Вейдле представляются нам весьма спорными и уязвимыми в самих своих основах.

Можно утверждать, что Владимир Васильевич Вейдле значительно переоценил духовные, культурные и политические возможности Европы XX столетия. И лишь к концу своей жизни стал это отчетливо осознавать. Что и излилось в его горьких скорбных обличениях многих явлений европейской политической, общественной и духовной реальности 60—70-х гг. XX столетия. Но это уже не привело к концептуальным изменениям в сложившихся ранее основах историко-культурной концепции Владимира Вейдле.

Правда, в своей последней книге Владимир Васильевич Вейдле, рассматривая вопрос — «в чем гибель Европы?» — упоминает как «соперника европеизации» атлантизм. Он выражал беспокойство тем, что «атлантизм этот был построением практически-политическим скорей, чем идейным и сердечным», а также и тем, что «его (атлантизм. — С. У.) слишком легко в себе рас-

творило то, что легло в основу ООН и ЮНЕСКО, и что ныне во Франции получило прозвище “мондиализм”» [5, с. 79]. Однако, только обозначив данную духовную и политическую проблему современного мира, Владимир Вейдле на этом останавливается и никаких уроков здесь не извлекает.

Еще один существенный изъян в историко-культурных построениях Владимира Васильевича Вейдле — его недооценка глубоких различий, которые разделили средневековую Европу на латинский Запад и православный Восток. Впрочем, он эту проблему не обходит и ясно формулирует еще в 30-е гг., в том числе в своей программной статье «Границы Европы». Однако ее решение, предлагавшееся Владимиром Васильевичем, слишком уж отличалось нормативизмом: «Противоположности нет там, где нет единства и она отнюдь не означает полной разобщенности. Если запад и восток Европы хотят считать себя совершенно разными культурами, им нужно окончательно разделить Грецию от Рима, вопреки их подлинной судьбе, одним взять Вергилия, другим — Гомера, одним присвоить себе философию, другим — юристов, и затем точно так же разделить христианство на две отдельные религии, т. е. раздвоить Христа, а на все это не может согласиться христианин». Поэтому Владимир Вейдле предлагал отказаться от «привычных предрассудков» и увидеть в противоположностях «самое глубинное выражение великого духовного богатства общей <...> родины» [3, с. 16].

Эти добрые пожелания слишком далеко расходятся с реальным многовековым опытом России и Европы. Конечно, Россия имеет глубокие исторические и духовные связи с Европой. У нее есть и общие с Европой интересы. Но все это не означает, что Россия может слиться с Европой, даже если бы и того очень желала. Хотя бы потому, что просто не поместится в этом «общеевропейском доме». Недаром же сами европейцы столь склонны к дискриминации и отторжению России. И сам Владимир Васильевич кое-что в этом роде замечал и высказывал (главным образом в своих поздних статьях). Но сделать отсюда соответствующие выводы и изменить ценностные установки своей историко-культурной модели он не пожелал или не смог. А потому и вынужден был во все большей степени усиливать «европейские» надежды. Иначе говоря, делать свою историческую концепцию все более субъективной, а значит, и уязвимой, и сомнительной в своих итогах и выводах.

Вот почему изучение исторических и культурных исканий Владимира Васильевича Вейдле представляется столь актуальным и поучительным в нынешней России. Их итоги оказываются не столько источником вдохновения для наших нынешних западников и глобалистов, сколько предостережением и поучительным комментарием к слишком оптимистическим надеждам, ожиданиям и порывам.

Библиографический список

1. Вейдле В. В. Вечерний день : отклики и очерки на западные темы. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1952. 222 с.
2. Вейдле В. В. Возвращение на Родину // Вейдле В. В. Задача России. Минск : Белорусская Православная Церковь, 2011. С. 155—167.
3. Вейдле В. В. Границы Европы // Вейдле В. В. Задача России. Минск : Белорусская Православная Церковь, 2011. С. 10—26.

4. Вейдле В. В. Из архивов Страшного Суда // Новый журнал. 1975. Кн. 119. С. 68—90.
5. Вейдле В. В. Россия. Революция. Религия : фрагменты книги // Русская литература. 1996. № 1. С. 68—128.
6. Вейдле В. В. Только в Россию и можно верить : о сборнике «Из-под глыб» // Вестник русского христианского движения. 1974. № 114. С. 240—254.
7. Вейдле В. В. Умирание искусства // Вейдле В. В. Задача России. Минск : Белорусская Православная Церковь, 2011. С. 289—440.
8. Гуминский В. Россия действительная и мнимая. URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/politica/22001/vv.htm (дата обращения: 08.09.2014).
9. Доронченков И. А. Владимир Вейдле : воспоминания : публикация и комментарии // Диаспора III. Новые материалы. СПб. : Феникс, 2002. С. 7—159.
10. Доронченков И. А. «Поздний ропот» Владимира Вейдле // Русская литература. 1996. № 1. С. 45—68.
11. Иваск Ю. Владимир Васильевич Вейдле // Новый журнал. 1979. Кн. 136. С. 213—218.
12. Кара-Мурза А. А. «Россия так же естественна в европейском целом, как Англия или Италия...». URL: http://www.rusliberal.ru/full/publikacii_doklad/vladimir_vasilevich_veidle_br_em_rossia_talk_zhe_edinstvenna/ (дата обращения: 16.09.2014).
13. Некрасов А. П. Философско-эстетические воззрения В. В. Вейдле : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 24 с.
14. Толмачев В. М. Петербургская эстетика // Вейдле В. В. Умирание искусства / сост. и авт. послесловия В. М. Толмачев. М. : Республика, 2001. С. 412—423.
15. Усманов С. М. Безысходные мечтания : русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX — начале XX века. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1998. 184 с.
16. Roh F. Kritische gedanken zum kulturpessimismus Vladimir Weidles // Neue Deutsche Hefte. Beitrage zur europaischen Gegenwart. 1959. Heft 59. Gr. 8. S. 240—247.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОВИНЦИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (На примере Владимирской и Костромской губерний)

Статья посвящена деятельности уездных земств Владимирской и Костромской губерний по строительству и ремонту местной дорожной сети. Автор рассматривает устройство регулярного гужевого сообщения по грунтовым дорогам внутри уезда, оно также было организовано земствами. Важной инновацией в жизни некоторых уездов в начале XX в. стала прокладка земских телефонных линий. Таким образом, деятельность органов общественного самоуправления способствовала модернизационным процессам в российской провинции.

Ключевые слова: земство, модернизация, местное хозяйство, дорожная сеть, местное транспортное сообщение, гужевого транспорт, дорожное строительство, телефон.

The article is devoted to the activity of Vladimir and Kostroma district councils on the local transport network building and its reparation. The author examines regular cartage-road structure which was also organized by district councils. Telephone circuits' construction was an important innovation for some district councils at the turn of the 20th century. Thus, public self-government organizations' activity has contributed to modernization processes in Russian provinces.

Key words: district council, modernization, local economy, road system, local transport network, cartage, road-building, telephone.

В 1864 г. в результате издания положения о земских учреждениях в России было положено начало формированию разветвленной сети органов местного самоуправления. Государство переложило на вновь появившиеся земские, а также городские «муниципалитеты» заботы о начальном народном образовании, здравоохранении, ветеринарии, общественном призрении, агрономической помощи крестьянам. Все функции органов общественного самоуправления делились на обязательные и необязательные. К числу последних относилось попечение о развитии народного образования и здравоохранения, но именно его земство, несмотря на его необязательность, считало приоритетным для себя. Одним из поприщ деятельности органов самоуправления в сельской местности стало поддержание в нормальном состоянии и дальнейшее развитие грунтовых путей сообщения. Основная тяжесть заботы о дорогах легла на уездные земства, что, впрочем, не исключало участия в этом деле и губернских органов общественного самоуправления. При этом нужно учитывать, что пути сообщения в провинциальной глубинке всегда были одной из самых больших проблем. К 1860-м гг. губернии Центральной России, в том числе Владимирская и Костромская, практически не имели удовлетворительных дорог местного значения.

Тема земской деятельности по развитию дорожной сети и иных средств коммуникации не привлекала пока пристального внимания исследователей. О деятельности рассматриваемых нами органов самоуправления в области народного образования, здравоохранения, ветеринарии написаны десятки диссертаций и монографий, сотни статей. Что касается дорожного хозяйства, а тем более телефонной службы, то эти темы не вызвали специального интереса у историков, которые лишь касались их в контексте более общих и смежных проблем.

В то время, как и сейчас, существовали различные категории путей сообщения. О наиболее важных путях, соединявших между собой крупные города, заботилось государство, и они финансировались из казны. Например, через Владимирскую губернию проходило шоссе из Москвы в Нижний Новгород. Земство к нему отношения не имело, но зато было обязано содержать дороги менее важные, пролежавшие между уездными центрами, а также значительными торгово-промышленными селами. Третьестепенные пути относились к категории проселочных, и ответственность за них несли волостные органы и крестьянские общины.

Среди земских трактов также не все были равнозначными в хозяйственном отношении. В связи с этим в земстве со временем возникла потребность каким-либо образом ранжировать эти дороги по степени важности. Шуйское уездное земское собрание сделало это в 1897 г., используя в качестве критерия разделения дорог на три категории интенсивность движения по ним. К важнейшим дорогам первой категории были отнесены следующие: Шуя — Лежнево, Шуя — Вязники, Шуя — Юрчаково — Перемилово — Дунилово, Кохма — железнодорожная станция «Кохма», Соковский мост в Иваново-Вознесенске — железнодорожная станция «Иваново». Этот список был рассмотрен губернским земством, и по его рекомендации он был дополнен трактом Шуя — Воскресенское (село в Ковровском уезде). Как это ни странно, но к первой категории не была отнесена дорога из Шуи в Иваново-Вознесенск. Всего в пределах уезда ко всем трем категориям принадлежали дороги общей протяженностью в 395 верст [12, с. 139—140].

Для сооружения и ремонта дорог использовались различные технологии. Асфальтовых дорог тогда в провинции не было, и самой примитивной технологией было устройство в особенно проблемных местах гатей из того, что тогда называлось «фашинником». Это название происходило от слова «фашины» — связки прутьев, использовавшихся как при исправлении дорог, так и при фортификационных, осадных работах в военном деле. Более долговечными оказывались тракты, замощенные булыжником. Однако, как отмечало земство, в условиях топей и глинистой почвы даже каменная настилка быстро изнашивалась при интенсивном движении большегрузных подвод. Поэтому в 1890-х гг. Шуйское земство признало, что целесообразнее всего осуществлять так называемое «шоссирование» дорог, несмотря на значительную дороговизну этой технологии. Она предполагала использование многослойного покрытия, в том числе того, что в земских сметах называлось «щебеночной одеждой» дороги. Шоссирование стало возможным (но далеко не везде) в самом конце XIX в., когда к финансированию дорожного строительства активно подключились губернские земства, создавшие специальные дорожные капиталы [12, с. 139]. Земские специалисты не по одному разу в год осматривали дороги и определяли, какого рода строительные и ремонтные работы необходимы на том или ином участке.

Много проблем доставляли земцам мосты, которые имелись на каждой дороге и требовали хотя бы мелкого ремонта чуть ли не каждый год. Например, на тракте, пролежавшем в Нерехтском уезде, протяженностью 30 верст от Писцова в Ярославль дорожные техники насчитали в пределах уезда 33 моста через речки, ручьи и низины, а также три трубы, по которым под полотном дороги была пропущена вода [4, с. 276; 19, с. 189; 18, с. 112].

Среди дорог в Вязниковском уезде особенно большие хлопоты доставлял земцам тракт Холуй — Палех. Он пролегал от Холуя по правому берегу Тезы и пролегал через деревни Селищи и Ирыхово, затем после переправы через эту реку дорога через село Преображенское шла приблизительно по трассе современного шоссе Палех — Южа. В 1899 г. земству пришлось на этом тракте устроить каменную мостовую в Холуе около гостиного двора, оставшегося здесь в качестве напоминания о прежних шумных ярмарках. Также исправляли мост в полуверсте от Селищ и еще один в «Медвеженском лесу» (т. е. возле деревни Медвежье).

В 1904 г. в Холуе была сделана на той же дороге мостовая протяженностью в 30 сажений. Еще одну мостовую пришлось делать в усадьбе Балиных, которая находилась рядом с селом Преображенским. Кроме того, в том же году были вырыты для осушения дороги канавы около деревни Медвежье. Попутно заметим, что тяжелые земляные работы в то время оплачивались по земским тарифам не очень щедро. Выемка одной кубической сажени земли (а это значительно больше, чем кубический метр) стоила всего 90 коп. [8, с. 242—243, 246; 9, с. 258—261, 284].

Как видно, мостовая и мосты в Медвеженском лесу продолжали оставаться «головной болью» для земских дорожных техников и членов управы и в дальнейшем. В 1913 г. на этой дороге снова пришлось укладывать камень. Также в 1913 г. поставили вдоль дороги 34 деревянные тумбы на берегу Тезы, чтобы экипажи в темное время суток случайно не свалились в реку [21, с. 121].

Еще одной проблемной дорогой в вязниковском уезде была та, которая вела из Мугреевской волости в Груздевскую. Об этом свидетельствует ходатайство, которое направили в земскую управу крестьяне двух деревень — Легкова (Мугреевская волость) и Бусина (Груздевская волость). Между ними находилось болото, через которое протекала речка Исток рядом с озером Ламна. Проезд здесь был возможен без проблем только летом и зимой, осенью болотистую местность во время дождей миновали с большим трудом, а весной во время половодья дорога просто отсутствовала, и две волости одного уезда на месяц, а то и более оказывались отрезанными друг от друга. Крестьяне Легкова и Бусина просили земство устроить насыпь длиной около 40 сажений и шириной 3 сажени при высоте в 1 сажень. Стоимость работ, по подсчетам крестьян, составила бы 360 руб.; по их словам, они такую сумму по своей бедности собрать не могут [9, с. 118—119].

Дорога между Легковым и Бусиным не входила в перечень земских трактов, но земцы сочувствовали крестьянам в их беде и пытались помочь местным жителям. В 1905 г. член Вязниковской уездной земской управы В. А. Шумилов выезжал на место вместе с земским техником. Крестьяне заявили им, что готовы срубить и привезти лес на постройку моста, готовы выполнять земляные работы и даже выражали желание заготовить камень для насыпи из карьера, который принадлежал им. В. А. Шумилов вместе со специалистами составил смету на работы, были даже изготовлены чертежи

с профилями дороги. Однако предположения крестьян о том, что все работы будут стоить 360 руб., оказались неверными. Земская смета работ на этом участке составляла около 6 тыс. руб., т. е. превосходила произведенные на глазок расчеты крестьян почти в 20 раз (!) [15, с. 45—46, 106—107]. Эту дорогу до революции построить так и не удалось.

Так как дорожное хозяйство было не только масштабной, но и очень специфической стороной деятельности земства, то для успешного ведения ее нужны были профессионалы. Общее руководство этими работами, планировку дорог и составление смет осуществлял специальный дорожный техник, который имелся в начале XX в. в каждом уездном земстве, его помощниками были десятники, которые в свою очередь руководили конкретными работами на местах [20, с. 24].

Работы велись подрядным способом. Земская управа устраивала торги, т. е. конкурс, на которые являлись потенциальные подрядчики. Выигрывал конкурс тот из них, кто предлагал наименьшую цену. Объявления о торгах печаталось в местных официозах — владимирских или костромских «Губернских ведомостях», о торгах становилось известно населению также через местные полицейские органы и волостные правления. Благодаря конкуренции между подрядчиками не раз удавалось сдавать дорожные работы частным предпринимателям по максимально низким ценам и таким образом экономить «земскую копейку». Например, в 1887 г. в Суздальском уезде право на содержание Переславльского тракта, пролежавшего из Суздаля в Переславль-Залесский, выиграл крестьянин села Рославльского Федор Лаптев. Он предложил земству 2600 руб. при стартовой цене в 3 177 руб. в год. Таким образом, на этих торгах земство сэкономило почти 600 руб. [11, с. 23—24].

В некоторых случаях подрядчики пытались устраивать сговор против земства. В том же Суздальском уезде в 1870 г. на торги, назначенные на 20 ноября, никто из местных предпринимателей, специализировавшихся на дорожном бизнесе, не явился. Никого не было и на так называемой переторжке, назначенной земской управой три дня спустя. Однако этим подрядчикам очень не хотелось упускать барыши, и уже в январе 1871 г. они изъявили согласие работать на тех условиях, которые предлагала им земская управа [10, с. 67—71].

Подрядчики, заключая договоры с земством, несли материальную ответственность за выполнение контракта, получали деньги за проделанную работу и сами расплачивались с нанятыми ими рабочими — землекопами, плотниками и др. О том, во сколько обходились земству ежегодные работы на одной, отменно взятой земской дороге, свидетельствует перечень их на тракте из Писцова в Ярославль в пределах Нерехтского уезда в 1887 г. В ходе их были исправлены трубы для пропуски воды под дорогой около деревень Тимошкино, Овсяники и Холевичи, за использованные при этом лесные материалы и работу было заплачено 16 руб., была отремонтирована труба под дорогой в 6 верстах от Писцова на 13 руб. 75 коп., другая труба в Ставровском лесу — 4 руб. 15 коп., был приведен в порядок мост через речку Черничку — 9 руб. 75 коп. Дороже всего обошлась земству поправка двух труб на дороге через пустошь Каливец — 30 руб. 25 коп. [18, с. 111].

Крупные расходы, которые приходилось производить для поддержания дорог если не в удовлетворительном, то, по крайней мере, в терпимом состоянии, были обусловлены не очень хорошим качеством работ и, судя по всему, не лучшими строительными материалами. Работниками на дорогах являлись

преимущественно местные крестьяне, которые использовали для изготовления мостов и труб деревья, срубленные в ближайшем лесу. Рубить спелый лес крестьяне не хотели, они предпочитали сохранить его для строительства своего жилья и надворных построек. Поэтому в дело шел молодой и непрочный лес, преимущественно сосновый и осиновый. В связи с этим дорожные сооружения быстро изнашивались и их приходилось чинить порой по 2—3 раза в сезон. Кроме того, земцы жаловались на гуртовщиков, которые прогоняли через Писцовскую и соседние волости большие стада скота из южных губерний на север. Иногда на не очень прочном мосту оказывалась большая масса волов, общий вес которых достигал 1500—2000 пудов. От такой тяжести мосты прогибались и, естественно, быстро портились [17, с. 59].

Между тем в некоторых уездах Костромской губернии — Костромском, Кинешемском и Юрьеveckом в начале XX в. начали использовать гораздо более передовую технологию строительства. Для пропуска воды под дорожным полотном стали укладывать бетонные трубы. Они не требовали ремонта, мало засорялись и были практически вечными [3, с. 13].

Расходы на ремонт дорог с годами постепенно возрастали. Так, в 1875 г. на эти цели Нерехтским земством было отпущено 5162 руб., а истрчено 6449 руб. В 1913 г. расходы были более чем в два раза большими — 12 055 руб. [17; 22, с. 6]. Со временем Костромское губернское земство сформировало особый капитал, из которого выдавало дотации на строительство уездным органам самоуправления. Так, в 1912 г. в Нерехтский уезд поступило 5 тыс. руб. из губернского дорожного капитала, из них 700 руб. было издержано на строительство моста через реку Уводь на Владимирском тракте [20, с. 233].

Из приведенных выше статистических данных следует, что в земском дорожном хозяйстве вращались достаточно крупные средства. У дореволюционных чиновников наверняка возник бы немалый соблазн попользоваться предоставленной возможностью, так как в строительном деле легче, чем где-либо, скрыть злоупотребления. Но земские деятели являлись не чиновниками, а общественными деятелями в лучшем смысле этого слова. Поэтому в этих органах общественного самоуправления практически не наблюдалось коррупции. Во всяком случае, в изученных нами материалах по Костромской и Владимирской губерниям данных о взятках или «откатах» мы не обнаружили. Такое положение объяснялось не только безукоризненным личным составом служащих земских управ, но и максимальной прозрачностью местных бюджетов. Любая копейка, потраченная на народное образование, здравоохранение или дорожное строительство, получала отражение в «Журналах» земских собраний «Докладах» и «Отчетах» земских управ.

Причем эта прозрачность со временем не сокращалась, а даже возрастала. Первоначально в докладах Нерехтской земской управы приводилась только общая стоимость работ по каждому объекту. В 1890-х гг. сметы стали более подробными. Например, в 1894 г. сообщалось, что на тракте из Писцова в Ярославль были отремонтированы два новых моста, и далее указывались конкретные работы, произведенные при этом: вколочено 5 новых свай, положены новые «переклады», сделана новая «слань». Здесь же приводилась стоимость материала и работ: за 60 деревьев, купленных на корню, было уплачено 84 руб., за рубку, возку леса и плотницкие работы — 75 руб., рабочим «на чай» было выдано 2 руб. [19, с. 192].

Земство внимательно следило за ходом дорожных работ, причем это делали не только специалисты, но и руководители управ. Характерен в этом

отношении отчет Шуйской управы перед земским собранием за 1899 г. В нем сообщалось, что 26 июля 1899 г. отремонтировавшееся Соковское шоссе (современный Шереметевский проспект г. Иванова) осмотрела комиссия, в состав которой входили: председатель земской управы Дмитрий Константинович Бальмонт, члены управы Д. И. Годовиков и Н. Р. Шутов, технолог Владимирского губернского земства М. В. Машков. В это время на разных участках шоссе шли следующие работы: разборка старой мостовой, устройство насыпи и кюветов вдоль нового полотна, насыпка «щебеночной одежды», заготовка булыжника. Были освидетельствованы в том числе отходы производства — бой булыжника и брак, который по терминологии «мостовщиков» (специалистов по мощению) назывался «синяк» [14, с. 172—176].

Абсолютное большинство средств, отпускаемых по статье «дорожная повинность», шло на ремонт существующих трактов, т. е. поддержание их в адекватном состоянии. Со временем земства стали уделять внимание строительству новых дорог. Как показывают приведенные выше факты по Шуйскому уезду, фактически речь шла о прокладке по уже существовавшим трассам путей совершенно иного качественного уровня — мощеного полотна вместо щебеночного.

В Кинешемском земстве очень заметный рост расходов на дорожное дело начался с 1906 г., когда развернулось строительство дорог с улучшенным покрытием. Для начала в том же году было произведено мощение булыжником тракта от железнодорожной станции «Вичуга» до промышленного села Новая Гольчиха. Это дорога протяженностью всего в три версты всегда была разбита тяжелогруженными подводами, которые постоянно курсировали по ней. Они доставляли на местные текстильные предприятия сырье, а навстречу ему везли готовую продукцию. Устройство здесь дороги с твердым покрытием было крайне важно для успешного функционирования местных промышленных предприятий. Затем три года подряд — с 1907 по 1909 г. булыжная мостовая была положена на гораздо более протяженном тракте от той же железнодорожной станции до Каменки. По ней шли различные грузы для предприятий, расположенных в промышленных селах Вичуга, Новописцово, Каменка. Всего на строительство этой дороги было истрачено 18 тыс. руб. [16, с. 245].

Через 2—3 года вследствие интенсивного движения по каменскому тракту булыжная мостовая изнашивалась, и пришлось делать ее заново. На этот раз около 25 % суммы на строительные работы внесло «Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с Сыном», которому принадлежали крупные текстильные фабрики в Бонячках (около железнодорожной станции) и Каменке. Строительство обошлось очень недешево, на него было потрачено 270 тыс. руб. С учетом того, что протяженность дороги составляла 23 версты, каждая верста здесь стоила 12 тыс. руб. По отзывам специалистов, это была лучшая дорога, проложенная земством во всем Кинешемском уезде. О качестве ее красноречиво свидетельствует тот факт, что мост через речку Жировку, возведенный на бетонных устоях и с использованием бетонных плит, успешно простоял вплоть до 1975 г. [1, с. 72].

Очень значительные затраты Кинешемского земства на новое дорожное строительство объяснялись тем, что оно было одним из самых богатых в России. Степень состоятельности того или иного уездного органа общественного самоуправления во многом определялась наличием на его территории промышленных предприятий, налоги с которых в земский бюджет были весьма значительными. Существовала прямо пропорциональная зависимость

между степенью индустриального развития уезда и «богатством» его органов общественного самоуправления. В Кинешемском уезде в конце XIX — начале XX в. действовали многочисленные и крупные текстильные предприятия в Кинешме, Вичуге, Бонячках, Тезине, Гольчихе, Наволоках, Каменке, Новописцове, налоги с них очень заметно пополняли бюджет местного земства. Для сравнения укажем, что, например, в северных уездах той же Костромской губернии, в Гороховецком или Суздальском уезде соседней Владимирской губернии промышленные предприятия были очень немногочисленны и невелики по размерам. Соответственно, действовавшие в них уездные земства были бедными по сравнению с Кинешемским.

Земство ведало не только дорогами и мостами, но и паромными переправами через реки там, где мостов не было. В Вязниковском уезде их было несколько. Один из них назывался Холуйским, хотя находился не в одноименном селе, а несколькими верстами южнее его на реке Клязьме. Здесь пролегла дорога на Мстеру и дальше на Вязники. Второй именовался Ирыховским и находился возле деревни Ирыхово, здесь путники, направлявшиеся их Холуя в Палех и обратно, переезжали на пароме через реку Тезу. Для пеших, конных и экипажей переправы были бесплатными, зато земство тратило на содержание этих перевозов немалые деньги. В конце XIX в. содержал паромы на Клязьме и Тезе местный житель Кобякин, он должен был перевозить всех путников, которые направлялись по упомянутым выше земским трактам [8, с. 244; 6, с. 14].

Органы местного самоуправления сумели не только существенно улучшить качество местных путей сообщения, но и организовали по ним то, что тогда называлось «правильным сообщением». До появления земских органов путник, у которого не было собственного экипажа, сталкивался с серьезными проблемами, если ему нужно было проехать несколько десятков верст. Нужно было договариваться с владельцем частного экипажа и платить за это. Сразу следует констатировать, что земство организовало гужевое сообщение между крупными населенными пунктами своего уезда, прежде всего, не для удобства посторонних, а для своих собственных нужд — для того, чтобы земский врач или фельдшер мог быстро добраться до больного, агроном или землемер — до деревни, в которой ему предстояло помочь крестьянам в их хозяйственных заботах, и т. д. Довольно часто разъезжали по делам председатели и члены земских управ. Земства по закону должны были предоставлять экипажи представителям властей в их служебных разъездах — уездному исправнику, станovým приставам, судебным следователям и др. Все эти категории должностных лиц имели право пользоваться земскими лошадьми и подводами бесплатно. Все прочие должны были вносить за это удовольствие определенную плату — так называемые «прогоны». В крупных населенных местах уезда были созданы «ямские пункты», на которых имелись лошади и извозчики, готовые отвезти в нужное место земского функционера, врача, ветеринара, учителя или агронома.

Содержатели этих пунктов (в то время их называли «пунктовщиками») были обязаны предоставить лошадей по первому требованию представителям местной власти, причем здесь существовала своя иерархия. Уездному исправнику или судебному следователю запрягали для быстрого передвижения тройку, а пристав или полицейские, сопровождавшие почту, обходились только парой лошадей [6, с. 65—66].

Все лица, бравшие лошадей, а также направления их передвижения записывались в так называемые «пунктовые книги», которые имелись на каждой

земской ямской станции. Движение по местным дорогам на земских лошадях нельзя назвать очень интенсивным. Например, за год с 1 августа 1897 г. по 1 августа 1898 г. в Иваново-Вознесенске земские подводы брали 1011 раз (в среднем около трех раз в день), в том числе 691 — должностными лицами и 320 — «проезжающими», т. е. посторонними [13, с. 116].

В Нерехтском уезде сначала такие пункты содержали волостные правления, которые сами нанимали или назначали пунктовщиков, ответственных за «ямскую гоньбу» в пределах вверенного им участка. Земства выплачивали деньги за содержание ямского пункта волостным правлениям, а они, в свою очередь, расплачивались с владельцами лошадей, занимавшихся извозным промыслом. Например, в 1875 г. Нерехтская уездная управа уплатила по этой статье 443 руб. Писцовскому волостному правлению [17, с. 28].

В дальнейшем Нерехтское земство изменило эту систему: оно стало заключать договоры не с волостными органами крестьянского самоуправления, а с отдельными лицами, которые предоставляли земству лошадей с подводами и за это получали заранее оговоренную плату. Естественно, что этот вид предпринимательства был выгоден для них, иначе они не стали бы сотрудничать с земством. Как нам представляется, такая система была выгодна и для земства, так как теперь перед ним несли ответственность за порученное дело не волостные правления, а конкретные лица, с которых можно было строго спросить за имевшиеся недостатки.

В начале XX столетия в Нерехтском уезде существовала разветвленная сеть ямских земских пунктов, которая охватывала всю его территорию. Они располагались в двух городах уезда — Нерехте и Плесе, а также в крупных промышленных и торговых селах: Арменки, Середка, Яковлевское, Острецово, Сидоровское, Емсна, Марьинское, Блазново, Рождествено, Золотилово, Игнатовское, Слабунино, Никитское, Митино, Губино, Щербинино, Горкино, Поемичье [20, с. 14].

Одним из первых ямских пунктов, появившихся в уезде в первые годы деятельности Нерехтского земства, располагался в крупном торгово-промышленном селе Писцове. В 1912 г. аналогичный пункт был открыт в селе Сорохта [20, с. 4]. Как видно, интенсивность разъездов земских служащих в юго-западной части Нерехтского уезда была настолько велика, что ямщиков в Писцове для этого было недостаточно. Поэтому потребовалось открыть пункт в Сорохте, которая располагалась сравнительно недалеко от Писцова.

Содержателем ямского пункта в Писцове в начале XX в. являлся В. Н. Ларионов, при открытии аналогичного пункта в Сорохте подряд на «ямскую гоньбу» взял В. А. Вицин. Для эффективного и аккуратного обеспечения работы пунктовщиков земство обязывало их вносить залогов. В 1911 г. залог В. Н. Ларионова составлял 91 руб., в 1912 г. он пополнил его до 113 руб. [22, с. 111; 20, с. 222].

Интенсивность движения зависела от количества населения, от наличия в том или ином селе больницы, земской школы, агрономического пункта, конторы урядника или станowego пристава. Поэтому земцы устанавливали количество содержащихся лошадей для каждого ямского пункта строго индивидуально. Например, в Вязниковском уезде в Холуе находилось 12 земских лошадей, содержанием этого пункта являлся Н. Аржанов. В селе Мугреево всего 4 лошади содержал В. Морунов, в Юже П. Шорин — 3 лошади, а в селе Рыло была всего одна лошадь, здесь земцев обслуживал Ф. Сергеев [21, с. 110].

В Суздальском уезде первоначально монополистом в «ямской гоньбе» выступал отставной чиновник Добролюбов. Он заключал договор с земской

управой за все ямские пункты, а на них нанимал «субподрядчиков» — местных жителей, с которыми расплачивался. На «ямскую гоньбу» в Суздальском уезде поступало довольно много жалоб, они касались, прежде всего, качества использовавшихся на пунктах подвод. На неоднократные вызовы в земскую управу Добролюбов не являлся. Поэтому члены Суздальской управы Лялин и Сурков вынуждены были сами прийти на ямской пункт в уездном городе, провести беседу с подрядчиком, осмотреть лошадей и подводы, которые оказались в неудовлетворительном состоянии. В результате, Добролюбов был отстранен от исполнения обязанностей и они были переданы тем субподрядчикам (в большинстве своем — местным крестьянам), которые обслуживали ямские пункты на территории уезда в посаде Гавриловском, Торчине, Золотниковской пустыни, Крапивнове и других населенных пунктах [10, с. 40—42].

Содержатели пунктов получали оплату в зависимости от числа находившихся на них лошадей. В Нерехтском уезде не было единой таксы, и поэтому в разных пунктах плата за содержание одной лошади была различной. Например, в Писцове она равнялась 142 руб. в год, в Сорохте — 150 руб. Дороже всего обходилась лошадь в Нерехте — 310 руб. [22, с. 111]. Это объяснялось, вероятно, тем, что жизнь в городе, в том числе продовольствие для ямщиков и фураж для лошадей, стоили больше, чем в сельской местности. Кроме того, логично предположить, что лошади в уездном центре эксплуатировались интенсивнее, чем в селах.

Пунктовщики регулярно осаждали уездную земскую управу просьбами увеличить плату за принадлежавших им лошадей. Например, в 1907 г. содержатель пункта в селе Холуй Вязниковского уезда Николай Аржанов ссылаясь на высокие цены на фураж и возросшую интенсивность ямской гоньбы. Явно лукавя, он утверждал, что из-за этого содержание пункта для него не только бездоходно, но и разорительно [7, с. 43].

В то же время следует признать, что содержатели земских пунктов время от времени сталкивались с серьезными проблемами в своей деятельности. По мере увеличения числа земских служащих (врачей, агрономов, землемеров и др.) увеличивалась интенсивность их разъездов. Между тем число содержащихся на пунктах лошадей оставалось прежним или увеличивалось незначительно. В связи с этим интенсивность эксплуатации конского состава увеличивалась. Часто за день клиенты разбирали всех лошадей, которые возвращались под вечер и к следующему утру не успевали восстановить силы. Кроме того, не все нанятые содержателями ямщики были умелыми и добросовестными. Из-за их неаккуратности лошади иногда погибали, что приносило содержателям пунктов серьезные убытки. Например, пунктщик из Шуи А. В. Никольский в 1897 г. подал в уездную управу заявление о том, что у него за последнее время пали 4 лошади, стоившие все вместе 250 руб. Предприниматель просил земских гласных если не компенсировать убытки, то, по крайней мере, оказать возможную материальную помощь. Многие гласные Шуйского уездного собрания хорошо знали Никольского и свидетельствовали о том, что он говорит правду об обстоятельствах падежа своих лошадей. Некоторые из тех депутатов, которые особенно сочувствовали пунктщику, предлагали отпустить ему 200 руб. в виде материального вспомоществования, но собрание большинством голосов выделило только 100 руб. [12, с. XVI, 187, 214].

Содержатели пунктов в Вязниковском уезде также обращались к управе в тех случаях, когда с лошадьми случались какие-либо несчастья. Морунов из Мугреева в 1900 г. писал в уездную управу о том, что одна из его лошадей

была «испорчена». Во время поездки по делам лошади чего-то испугались и понесли. Ямщик на ухабах оказался выброшенным из повозки, а коренник из-за бешеной скачки повредил задние ноги. Проситель ходатайствовал о компенсации за материальный ущерб, причиненный ему, хотя в данной ситуации, по видимому, был виноват ямщик, не сумевший сдержать лошадей. В том же году Аржанов из Холуя просил выплатить ему 245 руб. компенсации за двух погибших лошадей. По его словам, они пали от непосильной работы. Однако управа констатировала, что лошади погибли не от работы, а из-за дурного обращения. В докладе управы отмечалось, что Аржанов содержал лошадей неаккуратно и не раз подвергался взысканиям со стороны земства. В результате обоим просителям — из Мугреева и Холуя — уездное земское собрание отказалось выплачивать какую-либо компенсацию за ущерб [8, с. 222—223].

В конце XIX в. в повседневную жизнь людей вошло совершенно новое средство коммуникации — телефон. Первый аппарат был сконструирован еще в 1860-х гг., но в 1878 г. Томас Эдисон усовершенствовал его таким образом, что связь с невидимым собеседником, находившимся за десятки верст, стала удобной и уверенной. Первые телефонные станции в России были построены в Петербурге и Москве в 1881 г. [2, с. 153]. В Иваново-Вознесенске первые телефоны появились в 1890-х гг., а в начале XX в. была установлена связь с Москвой, Владимиром, Шуей и другими городами. Телефон представлял собой удобство, доступное лишь для очень состоятельных людей, поэтому на рубеже прошлого и позапрошлого столетий большинство сельских жителей никогда не говорили по телефону и даже не слышали о нем. Несомненной заслугой органов общественного самоуправления является устройство первых телефонных линий в провинциальной глубинке, земские проводные линии охватывали не только города, но и многие сельские поселения в ряде уездов центральной России.

Впервые вопрос об устройстве телефонной связи был поставлен на собрании гласных Вязниковского земства в 1902 г. Здесь говорилось, что в некоторых соседних уездах и губерниях телефонная сеть уже есть и следует быстрее внедрить это полезное новшество в уезде. Планировалось устроить несколько линий общей протяженностью около 200 верст, в том числе: Мстера — Холуй — Палех — 75 верст, Холуй — Груздево — 20 верст, Южа — Мугреевское — 26 верст. Предполагалось также соединить волостной центр Порзамка с селом Рыло линией протяженностью в 22 версты [6, с. 76, 78].

Однако понадобилось более десяти лет для того, чтобы планы земства осуществились. Земская телефонная сеть в Вязниковском уезде начала функционировать в 1913 г. На ее устройство были потрачены значительные средства — 11,6 тыс. руб. Аппараты для переговоров были закуплены у немецкой фирмы «Сименс и Гальске» на 4243 руб. Телефонные станции были устроены в уездном центре, а также в Никологорах, Мстере, Холуе и Палехе. Телефоны были поставлены в крае на крупных промышленных предприятиях, а на дому только важным должностным лицам. Например, в Холуе аппарат стоял только у Н. П. Костерина, так как он являлся членом Вязниковской уездной земской управы, а в селе Преображенском связь провели лишь проживавшему здесь становому приставу [21, с. 158].

В Кинешемском уезде к формированию телефонной сети приступили значительно раньше — в 1903 г. К началу 1909 г. стоимость всего ее оборудования, находившегося в эксплуатации, составляла 45 755 руб., а на начало 1912 г. — 65 656 руб. За десять лет (1903—1912) было получено абонентской

платы 64 873 руб., почти все эти средства пошли на дальнейшее развитие телефонной сети. К 1912 г. протяженность телефонных линий в Кинешемском уезде составляла 480 верст [16, с. 390].

Как справедливо отмечал будущий выдающийся российский экономист Н. Д. Кондратьев, земство было озабочено, прежде всего, не столько получением доходов от телефонной сети, сколько «ее культурной пользой населению и тем, чтобы телефоном могло пользоваться население в его массах». Еще в начале XX в. в Кинешемском уездном земстве возник проект повсеместной телефонизации данной территории, чтобы новое средство связи имелось в каждой (!) деревне. Поэтому земцы включили в правила пользования телефонной сетью особый пункт, допускавший существование коллективных абонентов — жителей целого селения, стоимость его составляла всего 10 руб. в год. При этом земство признавало, что единовременный расход крестьянской общины на прокладку линии и установление аппарата был довольно обременительным для крестьян, составляя около 300 руб. Для облегчения этих расходов земская управа предложила выдавать крестьянам ссуду на 10 лет на самых выгодных условиях ее погашения [16, с. 390]. К сожалению, проект повсеместной телефонизации в рамках отдельно взятого уезда так и остался нереализованным.

Более чем за полувековую историю существования земств в России в социокультурной сфере и в повседневной жизни деревни произошли важные и необратимые изменения. Появились многочисленные начальные школы, амбулатории и больницы, ветеринарные пункты, склады сельскохозяйственной техники. Немаловажным достижением органов общественного самоуправления было то, что в конце XIX — начале XX в. в провинции основные грунтовые пути сообщения поддерживались в удовлетворительном состоянии большую часть года, по ним имели возможность передвигаться должностные лица, в первую очередь — земские служащие. В начале XX в. один уезд за другим охватывала земская телефонная сеть — совершенно новый вид коммуникации. Таким образом, земства в начале XX в. в немалой степени способствовали модернизации российской провинции. Эти органы сделали очень много для того, чтобы повысить качество жизни сельского населения.

Библиографический список

1. Балдин К. Е. Вичугская сторона. Иваново : Иван. газ., 2002. 248 с.
2. Виргинский В. С., Хотеев В. Ф. Очерки науки и техники, 1870—1917 гг. М. : Просвещение, 1988. 304 с.
3. Доклады Нерехтской уездной земской управы к очередному земскому собранию сессии 1911 года. Кострома, 1911. Ч. 2. 138 с.
4. Доклады Нерехтской уездной земской управы к очередному уездному земскому собранию сессии 1912 года. Кострома, 1912. 282 с.
5. Журналы Вязниковского уездного земского собрания очередной сессии 1914 г. с приложениями. Вязники, 1914. 32 с.
6. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1902 г. Владимир, 1903. 174 с.
7. Журналы очередного и чрезвычайного Вязниковского уездного земского собрания 1907 г. Владимир, 1908. Т. 2. 216 с.
8. Журналы очередного и экстренного Вязниковского уездного земского собрания 1900 г. Владимир, 1901. 198 с.
9. Журналы очередного и экстренного Вязниковского уездного земского собрания 1904 г. Владимир, 1905. 204 с.

10. Журналы очередного Суздальского уездного земского собрания 1871 г. Владимир, 1872. 156 с.
11. Журналы очередного Суздальского уездного земского собрания 1887 г. Владимир, 1888. 82 с.
12. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1897 г. Владимир, 1898. 224 с.
13. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1898 г. Владимир, 1899. 238 с.
14. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1900 г. Владимир, 1900. 304 с.
15. Журналы экстренного и очередного Вязниковского уездного земского собрания 1905 г. Владимир, 1906. 196 с.
16. *Кондратьев Н. Д.* Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии : (социально-экономический и финансовый очерк). Иваново : Иван. газ., 2002. 496 с.
17. Отчет Нерехотской уездной земской управы за 1875 год. Кострома, 1876. 66 с.
18. Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1887 год. Кострома, 1888. 196 с.
19. Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1894 год. Кострома, 1895. 282 с.
20. Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1912 год. Кострома, 1912. 358 с.
21. Отчеты Вязниковской уездной земской управы за 1913 г. с приложениями. Вязники, 1914. 292 с.
22. Смета доходов и расходов Нерехтского уездного земства на 1913 г. Кострома, 1913. 210 с.

ББК 63.3(2)613-421

Н. А. Бурова

ОРГАНИЗАЦИОННО-КАДРОВАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ПРОФСОЮЗОВ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (1921 — середина 1920-х гг.)

Статья посвящена проблеме перехода отраслевых профсоюзов Верхнего Поволжья (1921 — середина 1920-х гг.) на новый политический и экономический курс, связанный в первую очередь с начавшимся процессом демократизации профсоюзных органов. В принципах «рабочей демократии» наблюдается робкая попытка внести конструктивную струю в решение вопроса о «даровании» независимости, свободы и самостоятельности отраслевым профсоюзам.

Ключевые слова: профсоюзы, демократизация профсоюзных органов, принципы «рабочей демократии».

This article is devoted to the problem of the Upper Volga Region trade unions' transition (1921—1922) to a new political and economic policy, associated primarily with the beginning of trade union bodies' democratization process. In the principles of the «workers' democracy» there are timid attempts of contributing to the solution of the question on «granting» independence, freedom and self-sufficiency to the branch trade unions.

Key words: trade union, democratization of trade union life, principles of the «workers' democracy».

© Бурова Н. А., 2014

В 1921—1922 гг. профсоюзы берут новый курс, соответствующий изменившимся политическим и экономическим условиям. В рамках этого перехода главным направлением их деятельности стало решение не только воспитательных, организационных и хозяйственных задач, но и идейно-политических и кадровых вопросов. Наблюдается явная демократизация принципов профсоюзной жизни.

В нашем исследовании мы рассмотрим процесс демократизации профсоюзных органов, который был связан в первую очередь с размежеванием полномочий между губернским профсоветом (ГСПС) и отраслевыми профсоюзами, а также с более широким использованием института общих и делегатских собраний.

Известно, что начавшийся переход от военно-коммунистического диктата со стороны ГСПС и послушания со стороны профсоюзов к тесному сотрудничеству был предопределен. Уже на IV Всероссийском съезде профсоюзов (Москва, 17 мая 1921 г.) была озвучена мысль о необходимости децентрализации союзных органов.

Среди всех вопросов, обозначенных в повестке дня этого съезда, выделялся организационный вопрос, поскольку от уровня и качества его решения зависела дальнейшая линия развития и становления профсоюзов. Выступавший на утреннем заседании 21 мая (в рамках организационной секции) секретарь ВЦСПС А. А. Андреев отметил: «...необходимо перейти к наиболее важному вопросу — вопросу об установлении взаимоотношений между различными органами союзных организаций... <...> В то время когда советские органы, хозяйственные органы идут по этому новому пути некоторой децентрализации, перемещения части своей работы на плечи местных организаций, в то время когда на этот путь вступили партийные организации, — должны ли в это время профессиональные союзы сохранить старое централизованное управление или же профессиональные союзы также должны изменить свои организационные принципы в сторону создания таких союзных отношений, которые более соответствовали бы нашей новой хозяйственной структуре, более соответствовали бы новым принципам управления нашим хозяйством?» [4, с. 175]. А. А. Андреевым были представлены сведения об отношении к данному вопросу вышестоящих профструктур. Последние сошлись во мнении, что необходимо «установить соответствие между организационным строением хозяйственных органов и профсоюзов»: «Пока мы лишь втянули если не весь пролетариат, то по крайней мере 90 % в союзы; основную нашу работу по перевоспитанию, по перевариванию всей этой массы в котле наших союзных отношений, мы, конечно, еще не проделали. Поскольку период работы по собиранию, объединению пролетариата вокруг и внутри его союзов можно сейчас считать уже законченным, перед нами, так же как и в области народного хозяйства, возникает необходимость некоторой разгрузки центров профессионального движения путем переложения части союзных работ на плечи местных профорганизаций» [там же].

Затронул вопрос о децентрализации и член Президиума ВЦСПС С. В. Коссиор, занимавший в 1920—1921 гг. должность председателя Всеукраинского совета профсоюзов: «Говоря о недочетах, мы имеем в виду не то, что там сидят плохие люди, нет, мы говорим лишь, что нельзя из центра точно учесть все своеобразие местных условий» [4, с. 192].

Его поддержал заведующий организационным отделом ВЦСПС, председатель ЦК Союза горнорабочих А. Г. Ремейко: «Мы думаем, что необходимо

усиление самостоятельности профессиональных организаций, ибо если до сего времени была однотипная, однообразная система работы, то теперь положение резко меняется. Работа усложняется, видоизменяется, в связи с чем должен быть предоставлен некоторый простор профессиональным организациям. Мы полагаем, что в производственном направлении надо предоставить большую самостоятельность ЦК от ВЦСПС, губотделам от губпрофсоветов, но с другой стороны, мы считаем, что и губпрофсовет должен обладать большей самостоятельностью в разрешении местных вопросов от ВЦСПС...» [4, с. 181].

По организационному вопросу разгорелась дискуссия. После долгих прений были одобрены тезисы т. Андреева и Ремейко. Однако резолюцию по данному вопросу съезд не принял.

К теме переноса центра тяжести на отраслевые профсоюзы вернулись на V Всероссийском съезде профсоюзов, который открылся 17 сентября 1922 г. в Колонном зале Дома союзов.

Выступающий на утреннем заседании 21 сентября член Президиума ВЦСПС Н. К. Антипов заметил, что «экономическая обстановка поставила перед союзами во весь рост защиту экономических интересов своих членов, которая требует от союзов чуткого и внимательного изучения положения и нужд рабочих» [5, с. 287]. В то же время он указал на то, что «расширение самостоятельности и инициативы местных союзных органов нельзя рассматривать как допущение федерализма: «С подобного рода уклонами профессиональное движение в новых условиях должно бороться еще решительнее, чем раньше, отстаивая единое централизованное профдвижение всей советской федерации...» [5, с. 289]. Это нашло отражение в пункте резолюции съезда, которая была принята по итогам доклада Н. К. Антипова: «Развитие самостоятельности и инициативы не должно означать ослабление в какой бы то ни было мере союзной дисциплины. Члены союза и организации, не приводящие (не воплощающие в жизнь. — *Н. Б.*) постановлений высших союзных органов или не выполняющие обязательств перед ними, ставят себя вне союза или объединения...» [5, с. 515].

Единогласное принятие данной резолюции в ходе голосования означало лишь одно: под размежеванием профсоюзных органов понималось не наделение автономными полномочиями отраслевых профсоюзов, а только передача центром ответственности за решение текущих социально-экономических вопросов в рамках предприятия местным профсоюзам.

Почему же так трудно и с такими сложностями происходил переход по разделению полномочий между профструктурами? Это было обусловлено нежеланием вышестоящих структур профсоюзной организации отдавать бразды правления и привычкой к подчиненности со стороны самих местных профсоюзов.

На местах с одобрением восприняли дискуссию и резолюцию об изменении статуса низовых профорганизаций, порой вкладывая в него то содержание, которое действительно хотели видеть сами отраслевые профсоюзы. С их точки зрения, решение съезда касалось проблем обеспечения автономности низовых профорганизаций и поднятия их авторитета на должную высоту. Так, уполномоченный Иваново-Вознесенского губпрофсовета в отчете о деятельности данного совета за 1921 г. отмечал, что «перенос центра тяжести на места» был бы очень правильным решением, ибо профсоюзы ближе всех стоят к беспартийному рабочему и лучше знают, что ему необходимо

[1, д. 1010, л. 3]: «Союзы нужны рабочему, поскольку они организуют его целиком, поголовно как класс; они являются наиболее свободными демократическими организациями рабочего класса. Именно союзы стоят ближе к массовику рабочему и наиболее полно и всесторонне отражают его мнение и волю. Профсоюзы должны наметить план работы на ближайшее время и в первую очередь должны привлекать пролетарские массы в состав членов союза. Кроме этого, каждый профсоюз должен заботиться об охране труда, о здравоохранении, о заработной плате, о состоянии предприятий в санитарно-техническом смысле, о поднятии культурного уровня своих трудящихся» [1, д. 291, л. 13].

Несмотря на долгий путь к самостоятельности и независимости, союзы, став более автономными, смогли добиться значимых результатов, в частности найти практический выход своим решениям. Если в 1921—1922 гг. союзы рассматривались как организации, которые не имели права голоса и находились под влиянием вышестоящих профсоюзных структур, то с 1923 г. ситуация в корне изменилась. Результатом начавшегося процесса децентрализации явилось движение к демократизации внутрипрофсоюзной жизни, в котором основное внимание уделялось повышению политической и трудовой активности рабочих.

Это было время организационного укрепления союзов Верхней Волги. Однако процесс децентрализации союзных органов проходил не без определенных трудностей, они были связаны в первую очередь с оставшейся у ГСПС привычкой давления на отраслевые профсоюзы при решении вопросов. Так, в отчете о деятельности Иваново-Вознесенского профсоюза текстильщиков за 1923 г. сказано, что одним из подтверждений автономности союза были следующие показатели: открытие шести школ и подготовка к открытию еще четырех, ежемесячное проведение переписи по выявлению количества безграмотных, агитация среди рабочих с целью их вовлечения в число обучающихся, а также отмечалось: «Подобные мероприятия проходили в тесной взаимосвязи с культотделом ГСПС. Однако “последнее слово” в решении того или иного вопроса оставалось за ГСПС. Губпрофсовет требовал, чтобы все сведения поступали в культотдел, и уже там на основе полученных данных представители губпрофсовета решали вопрос о принятии административных мер» [1, д. 585, л. 17].

Другой принцип «рабочей демократии» — организация на предприятиях института общих и делегатских собраний. Данный вопрос стал центром внимания IV Всероссийского съезда профсоюзов. На утреннем заседании 21 мая 1921 г. А. А. Андреев отметил: «Какими же практическими путями могут союзы пойти для вовлечения наиболее широкой массы своих членов в союзную и хозяйственную работу? Тут, товарищи, Америки открывать не придется. Делегатские собрания и общие собрания по предприятиям, регулярно проводимые, являются самым основным условием вовлечения широкой массы в союзную работу... Устройство делегатских и общих собраний по предприятиям с предварительной тщательной их подготовкой, дабы эти собрания не имели хаотического характера и чтобы они не набили скоро оскомину тем, кто приходит на эти собрания, — вот что стоит сейчас в порядке дня» [4, с. 175]. Но, несмотря на понимание важности данной кампании, в одобренных тезисах IV Всероссийского съезда профсоюзов указанный вопрос не нашел отражения. Это объясняется превалированием проблем более широкого ракурса, таких как проблемы размежевания и дальнейшего

взаимоотношения центральных и региональных профструктур, финансирования, профессиональной печати, структуры союзной организации и руководящих союзных органов. Однако роль и значение IV съезда не следует преуменьшать: именно он изначально поставил проблемы организационного характера внутрипрофсоюзной жизни на обсуждение, дав тем самым импульс для их осмысления как в центре, так и в регионе.

V Всероссийский съезд профсоюзов, опираясь на первоначальный опыт IV съезда, попытался конкретизировать организационный вопрос, а именно наладить проведение общих и делегатских собраний. С данной задачей съезд справился, сделав эту проблему центром особого внимания со стороны присутствующих делегатов. Об этом свидетельствуют многочисленные вопросы, задаваемые выступающему на утреннем заседании 21 сентября 1922 г. Н. К. Антипову, а также замечания и дополнения по докладу, итогом которого явилось принятие следующего решения: «Вся постановка организационной работы союзов должна быть направлена к тому, чтобы вовлечь в общесоюзную работу широкие круги членов союза. Одним из основных способов в этом отношении надо признать предварительное обсуждение всех важнейших союзных вопросов на широких собраниях (общих и делегатских) членов союза. Причем вопросы должны ставиться не в отвлеченной форме: они должны быть связанными с вполне оформленными практическими предложениями, понятными каждому рабочему» [5, с. 308].

Дискуссия затронула и вопрос о полномочиях правления союзов и президиумов собраний. Однако предложения ряда делегатов повысить статус президиума до руководящих должностей так и не нашли ответа и понимания со стороны ВЦСПС (в лице которого на съезде выступал Н. К. Антипов). Стоит сказать, что в резолюции, принятой по докладу Антипова, ни одно из замечаний и дополнений, предложенных в прениях, не было учтено. Это еще раз свидетельствует о декларативности принципов демократии, нежелании сотрудников ВЦСПС и ГСПС отдавать власть и лишаться статуса последней инстанции.

Подобная ситуация — нерегулярность проводимых собраний и потеря всякого интереса к ним со стороны членов профсоюза — сложилась и в Иваново-Вознесенском регионе. Об этом говорится в одной из заметок, опубликованных в «Рабочем крае» за 27 января 1921 г. На наш взгляд, отсутствие интереса к таким мероприятиям было вызвано малограмотностью, невыносимыми условиями труда, быта, высоким уровнем заболеваемости и смертности, явившихся следствием только что окончившейся Гражданской войны. Неудивительно, что производственные и хозяйственные вопросы были оттеснены проблемами личного и семейного характера. Другая причина была обусловлена спецификой нашего края — преобладанием женщин-текстильщиц, для которых в первую очередь важны были вопросы материнства и детства, забота о быте, семье.

Для того чтобы выйти на должный политический и общественный уровень, местным властям, в частности, необходимо было активизировать работу общих и делегатских собраний. В этих целях была организована Всероссийская неделя профдвижения, в течение которой собрания проводились на таком уровне, на каком они, по мнению местных руководителей, должны были проходить. На них решались вопросы политического и экономического характера, вопросы ФЗМК, вопросы о изменении роли и задач профсоюзов.

Однако после прошедшей Недели ситуация с нерегулярностью проведения собраний вновь повторилась, что вышестоящие профструктуры объясняли

сложностями переходного периода, который переживала страна, и регион Верхней Волги не был исключением в этом отношении. Из отчета Иваново-Вознесенского ГСПС за 1-й квартал 1922 г., опубликованного в газете «Рабочий край», следует, что общие собрания в нашем городе были чрезвычайно редки. Все вопросы профсоюзной жизни рассматривались и решались исключительно на закрытых совещаниях, заседаниях и конференциях. Общие объективные условия не давали возможности «перенести профсоюзную работу целиком и полностью в самую массу членов союза». Важность связи профсоюзов с массами всем была понятна, однако складывается впечатление, что 1922—1923 гг. ушли на осмысление кампании и самой идеи внедрения общих и делегатских собраний.

Забегая вперед, скажем, что относительной регулярности проведения делегатских и общих собраний добились лишь к 1924 г. До этого, как показывают отчеты ГСПС и отраслевых профсоюзов, подобные виды массовой работы на практике использовались бессистемно. При этом о важности упорядочивания деятельности данных собраний неоднократно говорилось и в вышестоящих инстанциях.

Интересно, что в нашем регионе организация массовой работы имела ряд особенностей. Иваново-вознесенские профсоюзы строили ее путем проведения широких кампаний, тщательно продумывали повестку дня общих, делегатских, производственных собраний (в отличие от профсоюзов Ярославской губернии, которые практиковали лишь профсоюзные дни с постановкой вопросов практического значения — вопросов труда, быта, зарплаты, производственной работы, вопросов профессионального характера). Правильным шагом в этом направлении была организация вечеров вопросов и ответов. За несколько дней до проведения подобных вечеров рабочие готовили интересующие их вопросы и кидали их в специально установленные ящики. Организатор просматривал эти вопросы, после чего в указанный вечер давал собравшимся четкие ответы на них. Вечера вопросов-ответов привлекали рабочих, поскольку здесь они могли получить конкретные ответы. Внедрение такой формы массовой работы, как собрания, конференции, совещания рабочих по организационным, производственным, хозяйственным и личным вопросам, уже в ближайшее время принесло свои плоды.

Заметим, что вопрос о массовой работе в губерниях Верхнего Поволжья решался по-разному, об этом говорят периодичность и разноплановость реализации данных мероприятий. Так, если в Иваново-Вознесенской губернии за год проходило в среднем 250 собраний (показатель за 1924—1925 гг.), то в Костромской губернии массовая работа велась через общие и делегатские собрания. Собрания делегатов обычно проходили один-два раза в месяц [3, с. 19].

Выход на стабильную практику проведения собраний стал наблюдаться лишь к концу 1925 г. Какие же вопросы поднимались на собраниях? Ответ находим в следующих данных: «За отчетный год (1925) по текстильным предприятиям Владимирской губернии проведено 352 делегатских собрания, на которых обсуждено 965 вопросов, из них: массовой работы — 347 вопросов (или 35,9 %), вопросов, связанных с трудом, бытом и зарплатой, — 296 (или 30,7 %), связанных с работой производства — 68 вопросов (7 %), культурных — 39 вопросов (4 %) общесоюзных — 52 (5,4 %)» [2, с. 34].

При рассмотрении трудностей проникновения принципа общих и делегатских собраний в профсоюзную жизнь центра и регионов возникает вопрос: почему же этот принцип «рабочей демократии», объявленный в 1921—

1922 г., получил практическое значение лишь к середине 1920-х гг.? Это говорит в первую очередь о несвоевременности его провозглашения в переходный период, когда государство ставило во главу угла такие задачи, как восстановление промышленности и сельского хозяйства. Вопросы же поднятия культурного уровня трудящихся (в том числе через организацию собраний, совещаний, съездов), правильной постановки массовой работы уходили на второе, третье место.

Военно-политический диктат показал бесперспективность казарменных методов руководства профсоюзными структурами рабочего класса. Именно понимание этого и вызвало дискуссию о профсоюзах, которая вышла за рамки внутрипрофсоюзной жизни, касаясь проблем взаимоотношения рабочего класса и партии. О масштабности прошедшей дискуссии говорит тот факт, что она затронула не только центр, но и регионы. Верхнее Поволжье не являлось исключением. Среди руководства было разное мнение об оптимальном решении вопроса о дальнейшей судьбе профсоюзов. Ярким тому примером служат прошедшие дискуссии в Иваново-Вознесенске на XIII и XIV губпартконференциях, направленные на возвращение в партию первоначальных традиций и принципов внутрипартийной жизни. Уже сам факт гласности и публичности дискуссии был первым шагом на пути к демократизации внутрипрофсоюзной жизни.

Несмотря на то что принципы «рабочей демократии» на текущий момент были декларативными, не имевшими практической почвы, в них можно было рассмотреть рациональное зерно — направленность на решение проблемы построения социалистического общества через сотрудничество с рабочим классом. Таким образом, в первой половине 1920-х гг. делается робкая попытка внести конструктивную струю в решение вопроса о «даровании» независимости, свободы и самостоятельности отраслевым профсоюзам.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-765. Оп. 1.
2. Отчет о работе правления Владимирского губернского отдела профсоюза текстильщиков (октябрь 1925 — октябрь 1926 гг.) / изд. ВЦСПС. Владимир, 1926. 163 с.
3. Профессиональные союзы Костромской губернии, 1923—1924 гг. : отчет Костромского ГСПС к 6-му губсъезду профсоюзов / изд. ВЦСПС. Кострома, 1924. 91 с.
4. Стенографический отчет IV Всероссийского съезда профессиональных союзов, 17—25 мая 1921 г. / изд. ВЦСПС. М., 1921. 442 с.
5. Стенографический отчет V Всероссийского съезда профсоюзов, 17—22 сентября 1922 г. / изд. ВЦСПС. М., 1922. 637 с.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАНЬ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Дается ретроспективный исторический обзор становления и развития народного образования в ивановском крае за период 1917/18—2006/07 учебные годы. Акцент сделан на показ первых лет становления советской системы образования (1917/18—1922/23 учебные годы). Ценные факты и статистика даются по социальному положению местного учительства, его отчаянным усилиям выжить в тех чрезвычайных условиях.

Ключевые слова: революция, губерния, народное просвещение, кризис, нищета, выживание учительства, власти, население, меры по спасению сферы образования.

The article gives a retrospective historical review of public education formation and development in the Ivanovo region over a period covering 1917/18—2006/07 academic years. The emphasis is on showing the first years of the Soviet educational system establishment (1917/18—1922/23 academic years). Valuable data and statistics are given on the social situation of the local teaching, its desperate efforts to survive under those extreme conditions.

Key words: revolution, province, national education, crisis, poverty, survival of teaching, government, population, measures to rescue education.

Обращение к данной проблеме не есть просто дань приближающему 100-летию юбилею образования Иваново-Вознесенской губернии. Скорее, побудительным мотивом к рассмотрению истории народного образования края является схожесть процессов, их последовательность и логика развертывания явлений в системе просвещения в первое пятилетие Советской власти и в постсоветский период, в частности на рубеже XX—XXI вв.

Именно в эти периоды с опозданием, ввиду решения властями неотложных политических и военных проблем, а затем и с последующим форсированием темпов, со всевозможными издержками и потерями «высекались» соответствующие ценностям и взглядам правящих элит модели народного образования в стране.

Наконец, именно с 1922/23 учебного года, т. е. более 90 лет назад, начали, хотя и весьма скромно, проявляться тенденции стабилизации на «фронте просвещения». С этого года начала складываться и последовательно развиваться советская система народного образования, замечательная в своем роде, отвечавшая духу своего времени. Что-то похожее, правда вчерне, наблюдается и сейчас. Идущий сверху импульс ясен, направление определено: курс на складывание постсоветской модели просвещения, которая обслуживала бы новый строй и новую элиту.

К сожалению, принципиально разные по сути коммунистическая и посткоммунистическая системы просвещения и воспитания подрастающего поколения объединяет одно: убогость социального и материального статуса «мозга и души» школы — народного учительства.

Итак, посмотрим в прошлое. 20 июня 1918 г. Коллегия НКВД решила «вследствие явно выраженному гражданами Иваново-Вознесенского района

и других тяготеющих к нему населенных пунктов пожелания, постановлением III съезда Советов Р., С. и К. Д. района образуется новая Иваново-Вознесенская губерния с губернским центром в г. Иваново-Вознесенске» [1]. Но еще до официального признания нового административно-территориального региона в крае разворачивается сеть отделов народного образования при местных Советах (3 марта 1918 г. — губернский комиссариат народного просвещения во главе с Д. А. Фурмановым, с 8 апреля — И. Е. Любимовым; 10 апреля 1918 г. — Иваново-Вознесенский городской отдел народного образования и др.). А уже на III губернском съезде Советов (21—24 апреля 1918 г.), кстати окончательно определившим границы новой губернии, был заслушан доклад И. Е. Любимова об организации народного образования в крае. В частности, докладчик предлагал для утверждения проект об организации при губернском комиссариате и низовой сети подотделы: дошкольного воспитания, школьного, внешкольного образования, художественный. 11—12 мая 1918 г. Губернский комиссариат проводил совещание работников просвещения и культурно-просветительских учреждений края. 15 мая 1918 г. он же провел совещание по выработке программы курсов для учителей [2, с. 37—38].

Заслугой руководителей сферы народного образования (и лично И. Е. Любимова) было то, что изначально им удалось привлечь к сотрудничеству подавляющее большинство местного учительства, особенно районных и сельских школ. 17 марта 1918 г. Родниковский районный съезд учителей выразил «полное подчинение» Советской власти и осудил решения Всероссийского малого съезда, не признавшего новую власть. 2 июля 1918 г. аналогичное постановление принял Кинешемский уездный съезд по народному образованию. Кроме того, на нем положительно был решен вопрос об организации подвижного народного университета. Существовавшие в крае в тот момент органы школьного самоуправления также проявляли к новой власти лояльность, готовность к сотрудничеству. 2 марта 1918 г. Шуйский уездный земский школьный комитет принял резолюцию о необходимости преподавания в начальной школе Закона Божия, вместе с тем считать его необязательным предметом.

Хроника событий первого года Советской власти (1917—1918) свидетельствует о том, что учительство было полно надежд на конструктивные изменения в системе народного образования, выражало готовность помогать новой власти в деле наполнения программы востребованными обществом знаниями и трудовыми навыками за счет светского принципа образования, преодоления разрыва начального звена школы от среднего образования.

Правда, культурно-просветительские уклоны в деятельности рядового учительства весьма существенно корректировались губернской властью в сторону политико-просветительского уклона преподавания дисциплин, подчеркивания решительного ухода от классовой к трудовой, пролетарской школе. Вот лишь некоторые факты. 24 февраля 1918 г. Перед читателями иваново-вознесенской публичной библиотеки был прочитан доклад на тему: «Долой современную школу». 19 декабря 1918 г. В газете «Рабочий край» было помещено сообщение о скором увольнении технических служащих учебных заведений, их обязанности теперь должны были выполнять сами учащиеся. 24 октября 1918 г. в Иваново-Вознесенске была открыта первая советская школа. 15 сентября того же года губернский отдел образования сообщил, что намерен развернуть в крае сеть из 40 районных библиотек и организовать большой книжный склад.

Незаурядным явлением в культурной жизни текстильного края является зарождение системы высшего образования в г. Иваново-Вознесенске в лице политехнического института (декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 6 августа 1918 г.) и педагогического института (его открытие состоялось 23 декабря 1918 г.). В этом деле исключительную роль сыграли председатель губернского исполкома М. В. Фрунзе, председатель губернского отдела образования И. Е. Любимов и его заместитель Д. А. Фурманов.

И все же запланированный руководством губернии и поддержанный учительством, родителями учащихся и общественностью «Октябрь» в сфере народного просвещения был трудно реализуем в тех условиях. Его осуществлению мешали многие причины: отсутствие опыта, скудость интеллектуальных, организационных, материально-технических и финансовых средств, масштабность одновременно иницилируемых культурных мероприятий. И это на фоне стремительно набравшего обороты структурного кризиса социально-экономической жизни страны, к тому же столкнувшейся с «айсбергом» бескомпромиссной гражданской войны и интервенции.

Затянувшееся вооруженное противостояние (1918—1922) сорвало задуманное, более того привело в действие тенденцию регресса в сфере народного просвещения. А вместе с ней началось погружение учительства края в трясины абсолютной нищеты.

Прежде всего кризис проявился в сокращении сети общеобразовательных учебных заведений.

Таблица 1

Динамика сети общеобразовательных школ и численности учащихся края за 1914/15—1922/23 учебные годы

	1914/15	1918/19	1920/21	1921/22	1922/23	Уменьшение (-), прирост (+), %
Число школ						
Всего	1174	774	782	804*	753	-36
В том числе:						
начальные	1141	н. д.	693	764	720	-37
неполные						
средние	20	н. д.	н. д.	8	13	-35
средние	13	н. д.	89	32	20	+54
Количество учащихся	83 900	77 900	80 300	90 500	90 800	+8

Примечание. В учет 1921/22 учебного года вошли учебные заведения вновь присоединенных к Иваново-Вознесенской губернии 12 волостей упраздненного Ковернинского уезда и Макарьевского уезда Костромской губернии.

Из таблицы 1 следует, что сокращение сети школ шло за счет ее начального звена. Несмотря на невероятные трудности гражданской войны удалось в среднем на 20 % выше удержать численность учащихся по сравнению с 1914/15 учебным годом. Контингент учащихся края к 1922 г. находился примерно на уровне 1913/14 учебного года. Утешало местные власти и то обстоятельство, что темпы сокращения сети образовательных учреждений были ниже, нежели в других регионах (для сравнения, во Владимирской

губернии к 1921/22 учебному году сеть школ уменьшилась на 40 %, Костромской губернии — на 43,8 %, Иваново-Вознесенской губернии — на 30 %).

По признанию руководителя губернского отдела образования Латышева на X съезде Советов Иваново-Вознесенской губернии (июнь 1921 г.) общий развал школьной системы проявился также в нищенской материально-технической базе, отсутствии дисциплины, отстраненности учеников от учителей, перебоях в занятиях, низких показателях успеваемости детей. А руководитель Иваново-Вознесенского уездного отдела народного образования М. Н. Кадыков заявил на III уездном съезде (декабрь 1921 г.), что все 107 школ в уезде пришли в упадок: нет достаточного отопления и освещения, не произведен их ремонт. В 30 % школ занятия невозможны в силу необходимости их капитального ремонта, 70 % школ пришли в частичную негодность. Школьное имущество невероятно расхищается. Много вреда нанесли военные учреждения. Были случаи массового сжигания их работниками парт в печах. М. Н. Кадыков отметил и катастрофическую нехватку учебных пособий. По его мнению, итог всего этого закономерен: «К 12 годам в наших школах дети еле-еле выучиваются читать, не говоря уже о трудовом воспитании...» [3, 1921, 10 дек.].

Сложившаяся в системе народного образования ситуация волновала руководство и общественность края. Председатель губернского исполкома М. Чернов в статье «Народное образование в опасности» отмечал, что «...школы находятся в полуразрушенном состоянии: нет стекол, не топят печи за отсутствием дров». Кстати, заметим, что из 149 695 детей школьного возраста общеобразовательные учреждения посещали 80 308 человек, т. е. 60,2 % общего числа (данные на июнь 1921 г.) [3, 1921, 18 июня, 1 дек.].

Резкое ухудшение показателей работы системы народного образования губернии болезненно сказывалось на физическом самочувствии и душевном состоянии преподавателей. По данным статистики, численность учителей края мало изменилась за рассматриваемый период: 1914/15 учебный год — 2 456 человек, 1920/21 учебный год — 2 396, 1921/22 учебный год — 2 952, 1922/23 учебный год — 2 577 человек. Но это лишь на первый взгляд, на деле шел процесс количественного сокращения и качественного ухудшения педагогического состава губернии в эти годы. Уже в 1920/21 учебном году не хватало 800 учителей. За счет сокращения школ, перегруппировки и уплотнения трудового режима кадров, присоединения 12 волостей Ковернинского уезда и Макарьевского уезда Костромской губернии удалось уменьшить дефицит в 1921 и 1922/23 учебном году соответственно до 200 и 600 учителей. Особенно большой урон в кадрах понесли школы II ступени в силу сокращения их сети и ухода педагогов в другие сферы занятий. Последствия этих изменений были печальны. Из выступления руководителя губернского отдела Латышева на X губернском съезде Советов (июнь 1921 г.): «...школьный состав — плох. Отсутствие живой силы. Школьные работники изнывают от перегрузок... Дети не приобретают ни трудовых знания, ни знаний...» [3, 1921, 18 июня].

Катастрофическим было материальное положение учителя. С осени 1917 г. материальный статус педагогов стал стремительно падать, что проявилось в явлении хронического недоедания школьных работников. К 1919 г. материальные накопления учительской семьи исчезли в круговерти базарной барахолки. Имея жалованье 18 590 руб. в месяц, учитель мог надеяться на покупку лишь одного пуда муки. Государственные структуры Наркомпрода обошли его в наделении продовольственным пайком. Только с декабря 1920 г. учитель получил право на продовольственную карточку рабочего

(литер «А»). Но отоваривание карточки стало проблемой зимой 1920 г.: хлеб поступал с перебоями и выдавался не полностью. Лишь с весны 1921 г. по распоряжению центра в губернии учителям стали выдавать 3 300 твердых пайков, но лишь тем из школьных работников, у кого стаж был более двух лет. Тогда жалование учителя составляло 12 000 руб. в месяц. Но изменений к лучшему в их материальном положении не произошло. Начавшийся в стране голод отнял у них и этот паек: выдача продовольствия школьным работникам была временно прекращена с июня по октябрь 1921 г. Не приходилось надеяться и на жалование. Оно выдавалось работникам школы нерегулярно, с задержками в 3—4 месяца [3, 1921, 10 дек.]. И это на фоне резко увеличивавшейся педагогической нагрузки на учителя. За три года Советской власти учитель губернии получил всего одну пару обуви и 20 аршин мануфактуры. Но несмотря на такие тяжелые материальные условия жизни, учителя ни на один день не прекращали работать с детьми.

Переход к НЭПу, как признал IV губернский съезд работников просвещения и искусств (январь 1922 г.), — «более всего ударил по учителю, его приспособление идет более болезненно...» [3, 1922, 29 янв.]. На III съезде Советов Иваново-Вознесенского уезда (декабрь 1921 г.) было заявлено ответственным работником народного образования: «...Учителя побираются; они не могут уделять детям достаточного времени. Даже более! Нужда толкает их на самое страшное и унижительное. На днях один проголодавшийся учитель повесился на сцене в своей школе...» [3, 1922, 3 янв.]. Уездный отдел народного образования задолжал учителям 118 млн руб., так как с августа 1921 г. не выдавал им жалование. А общая задолженность в зарплате учителям уезда, учитывая невыплаты с 1920 г., составила сумму в 230 млн руб. [3, 1921, 10 дек.].

Ситуация с деньгами и продовольственным обеспечением работников школ не улучшилась и в 1922 г. В статье «Голос отчаяния» читаем: «...за истекшие 3 месяца 1922 г. просвещенцу было выдано в среднем по 3 млн рублей и по 5 аршин мануфактуры (техническому персоналу и того меньше). А требовалось бы выдать по 12, 44 млн рублей..., суммарная задолженность — 30 млрд рублей, не считая долга за 1921 г...». Шуйские учителя заявили: «Пусть нас научат, как жить, ничего не получая». С января 1922 г. они получали на руки по 0,5—1,5 млн руб. [3, 1922, 13 апр.].

В еще худшем положении оказалось сельское учительство. Из материалов IV губернского съезда работников просвещения и искусств: «Если городской учитель кое-как обеспечен, то сельский учитель предоставлен сам себе. Он остался без поддержки Советской власти» [3, 1922, 28 янв.]. III съезд Советов Иваново-Вознесенского уезда (декабрь 1921 г.) печально констатировал: «Ничего практически не дал и декрет о самообложении: учителя еще голодают... Крестьяне на съездах выносят резолюции, в которых отказываются содержать учительский персонал...» [3, 1921, 15 дек.]. А вот выдержка из письма сельской учительницы: «Мы в деревне одиноки. Крестьяне с презрением смотрят на голодающую, ходящую по снегу в белых туфлях учительницу...» [3, 1921, 1 дек.]. В Тейковском уезде были отмечены случаи голодной смерти детей школьных работников и проституции [3, 1922, 4 мая].

Из статьи в газете «Рабочий край» за 5 октября 1922 г. «Последний эшелон»: «...в шикарном здании Н-ской гимназии собралось обезжиренное костлявое учительство... Мужчин было мало, да и то все пожилые с подвзанными от флюса щеками, небритые. Обросшие щетиной серо-желтые лица их были во вкусе испанского художника Рибейры, который любил рисовать по стенам монастырей пляски мертвецов... Учительницы выглядели наряднее

в своих убогих старых шляпах и косынках... в зале пахнет бедностью, учителя пролетариата бедны...» [3, 1922, 5 окт.].

Активная часть учительства нашла силы для осознанного протеста против проводимой властями политики в школьном деле, униженного положения просвещенцев. Власти же на эти требования привычно отвечали насилеием. Свидетельством чему является печально известный процесс над народным учителем Усовым в марте 1921 г., критиковавшим действия Советской власти на шуйском уездном съезде учителей в августе 1920 г.

Весной 1922 г. были зафиксированы массовые стихийные волнения среди работников просвещения [3, 1922, 4 мая]. В июле 1922 г. протестные настроения учительства были организационно оформлены в резолюциях на уездных конференциях в г. Шуе и г. Тейкове. 17 августа 1922 г. состоялось собрание школьных работников г. Иваново-Вознесенска, где был принят проект коллективного договора, разработанный ЦК союза просвещения. Рассматривался на нем и вопрос о задолженности зарплаты. Было предложено губернскому исполкому срочно погасить ее, иначе к субботе следующей недели будет общегородское собрание, где будет принята инструкция о проведении забастовки и направлена просьба губернскому правлению Союза и губпрофсовету об осуществлении этой акции [3, 1922, 22 авг.].

Возникла угроза срыва занятий в новом 1922/23 учебном году. Срочно созывается расширенный пленум губернского исполкома (август 1922 г.). М. Чернов выступил с докладом о мерах по нормализации ситуации в школьном деле. Были задействованы следующие пути стабилизации ситуации в крае:

1. Сокращение сети школ II ступени (с 20 до 16) и семилеток (с 13 до 6).
2. Сократить срок обучения в начальном звене: с 5 до 4 лет, с 4 до 3 лет.
3. Увеличить нагрузку на учителя I ступени (с 40 до 65 детей).
4. Ввести платность обучения для учащихся II ступени начиная с 5 класса. Право освобождения до 50 % учащихся из семей педагогов, рабочих и крестьян.
5. Не допустить падения сети школ ниже уровня 1913/14 учебного года. С этой целью изыскать необходимые средства для поддержки образования: а) ввести процент отчисления от единого натурального налога в пользу учительства; б) увеличить подоходно-поимущественный налог; в) ввести целевой налог на поддержку образования в городах; г) ввести платность обучения в школах II ступени; д) 25 % затрат на содержание школ в уездах возьмет на себя губернский исполком.

Совещание руководителей уездных отделов народного образования, собравшееся в Иваново-Вознесенске в октябре 1922 г., приняло резолюцию, где давались дополнительные рекомендации по стабилизации системы народного образования на местах: а) обязать уездные отделы категорически настаивать перед уездными исполкомами о своевременном и полном удовлетворении школ средствами сообразно смет; б) активно сотрудничать со школьно-хозяйственным активом и местным населением для оказания последним посильной помощи образовательным учреждениям; в) рекомендовать губернскому отделу образования обратиться с ходатайством в губернский исполком о закреплении за народным образованием определенной постоянной цифры или доли в бюджете [3, 1922, 25 окт.].

Произошли сдвиги и в материальном положении учительства: в августе — октябре 1922 г. началась кампания по заключению коллективных договоров между педагогическими коллективами и властями на условиях, разработанных ЦК Союза просвещения. Ставка определялась перечнем продуктов, отнесенных к VI разряду и составляла 45 % тарифной ставки этого разряда (стоимость продуктов в ценах — 24 млн руб.) [3, 1922, 22 авг.].

Указанные меры несколько разрядили обстановку в учительской среде. Пришли в действие стабилизационные процессы. Власти и общественность зафиксировали начало действия позитивных моментов в школьной системе края уже в начавшемся 1922/23 учебном году. Наконец-то началась конструктивная работа по созданию и развитию знакомой нам по недавнему прошлому советской классической системы народного образования. На данном пути было много трудностей и преград, но они разрешались и весьма успешно.

Таблица 2

Сравнение показателей за 1966/67—2006/07 учебные годы

Показатель	1914/15	1966/67	2001/02	2006/07	Прирост 1966/67— 2006/07 (-, +), %
Число общеобразовательных школ	1 174	1 176	524	432	-63,0
В том числе:					
начальные	1 141	674	114	58	-91,0
семилетки	20	—	—	—	
неполные средние	—	247	127	91	-63,0
средние	13	163	283	283	+74,0
Количество учителей	2 460	11 430	11 400	9 500	-17,0
Количество учащихся	83 900	227 000	143 200	97 700	-57,0
Количество средних специальных учебных заведений	1	32	31	28	-13,0
Количество учащихся	40	32 200	18 200	16 700	-48,0
Вузы	—	7	10	13	+86,0
Количество учащихся	—	23 400	45 000	56 100	+140,0

Как следует из таблицы, за вышеуказанный период идет перманентный процесс сворачивания в крае сети общеобразовательных школ. Сокращение идет главным образом за счет начальных школ, причем стремительными темпами за 2001/02—2006/07 учебные годы. Резкий рост численности средних школ не смог погасить данный негативный процесс. Кстати, и в среднем звене образования в 2001/02—2006/07 учебных годах уже наблюдается застой.

Тревожит ситуация с показателями численности учителей и учащихся: идет стремительное сокращение данных категорий населения, особенно детей школьного возраста.

Наблюдается тенденция эволюционного перелива студенчества из звена среднего специального образования в высшую ступень образования.

Библиографический список

1. Ивановская область в 2006 г. : статистический сборник. Иваново, 2007. 160 с.
2. Ивановская область за 50 лет : статистический сборник. Иваново, 1967. 270 с.
3. Рабочий край : орган Иваново-Вознесенского губернского и городского Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, губкома ВКП(б) и губпрофсовета.
4. *Чернобровцев С.* Ивановская область за годы Советской власти. Иваново, 1959. 64 с.
5. Рождение губернии. Иваново, 2003. 98 с.

ББК 63.3(2)613.2

*И. А. Комиссарова***СИСТЕМА ПРЯМОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
В ЛИТЕРАТУРЕ 1920-х гг.:
СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ И ОБЩИЕ ОЦЕНКИ**

Рассматриваются история, особенности, основные аспекты изучения прямых налогов и системы налогообложения в советском государстве в годы новой экономической политики. Дается оценка вклада авторов 1920-х гг. в исследование проблемы налогообложения.

Ключевые слова: историография, прямые налоги, П. П. Маслов, А. А. Соколов, Ю. Ларин, П. П. Гензель, Г. Я. Сокольников, Н. Д. Кондратьев.

The article examines the history, features, basic aspects of direct taxation and taxation system study in the Soviet Union during the New Economic Policy. The 1920-s authors' contribution to the study of taxation is esteemed.

Key words: historiography, direct taxes, P. P. Maslov, A. A. Sokolov, Y. Larin, P. P. Hansel, G. Y. Sokolnikov, N. D. Kondratiev.

В официальном перечне прямых налоговых платежей в 20-х гг. XX в. числились: промысловый налог, подоходный налог, сельскохозяйственный налог, налог на сверхприбыль и некоторые другие платежи. Совокупность названных платежей, взимаемых на территории страны в соответствии с законодательством, составляет систему прямых налогов. В 1920-х гг. прямым платежам уделяли особое внимание, их структура, назначение и роль в экономике страны неоднократно обсуждались на самом высоком уровне. Помимо этого, в течение всего периода велось реформирование налогообложения, сложившаяся в результате преобразований система прямых налогов определила содержание политики государства в соответствующей области на протяжении всей истории СССР.

Многоплановость и значимость налога как явления расширили круг исследователей проблем прямого обложения: к ним неоднократно обращались экономисты, правоведы, политики, историки. При этом всеми без исключения отмечалась важность налоговых реформ 20-х гг.

В то время проблемы прямого обложения изучались очень активно. В периодических изданиях разного уровня появляются статьи, заметки, обзоры состояния налогового дела в государстве. Тема финансов волнует

© Комиссарова И. А., 2014

в первую очередь работников различных наркоматов, так или иначе заинтересованных в унификации обложения (Наркомзем, Наркомфин, НКТорг, Высший совет народного хозяйства и др.). Каждый из наркоматов имел свой печатный орган, на страницах которого разворачивались дискуссии об итогах налоговой кампании или по вопросам необходимых реформ прямого обложения. Оценка сложившейся системы была дана представителями различных направлений экономической мысли. Несмотря на разнообразие точек зрения, можно выделить общие, присущие всем работам этого периода черты.

Во-первых, большинство публикаций нельзя назвать чисто исследовательскими, они находятся на грани источника и исследования, в силу того что были написаны в изучаемый период. Во-вторых, большая часть их авторов подходила к проблеме прямого обложения с точки зрения своих узких профессиональных интересов (как финансисты, аграрники, чиновники государственного аппарата). В-третьих, цифры, на которые опирались исследователи в своих изысканиях, являются результатом собственных вычислений, предположений, в лучшем случае — результатом статистических обследований отдельных наркоматов, владеющих ситуацией в стране в целом. В-четвертых, большинство работ носит дескриптивный характер, что может как отражать истинное содержание описываемых процессов, так и искажать их. В-пятых, во всех статьях, опубликованных с 1921 по 1929 г., помимо анализа существующего положения, приводятся рекомендации по усовершенствованию системы.

Наибольший интерес с историографической точки зрения представляют работы П. П. Маслова, профессора А. А. Соколова, сотрудников Наркомфина Ю. Ларина, П. П. Гензеля, Г. Я. Сокольникова, профессора Н. Д. Кондратьева, а также статьи ряда авторов, включенные в сборники трудов по отдельным экономическим вопросам.

Н. Д. Кондратьев возглавлял работу Конъюнктурного института, который с 1922 г. входил в ведомство Наркомфина. В работах «К вопросу о дифференциации деревни» (1927), «О принципах построения единого сельскохозяйственного налога» (1924) он пишет о системе обложения деревни, подчеркивает, что налоговый аппарат обязан учитывать своеобразие сельскохозяйственного производства и бережно относиться к крестьянству [2, с. 364—375]. Кондратьев оценивал сельскохозяйственный налог в первую очередь как орудие финансовой политики, критиковал сложившуюся высокопрогрессивную шкалу обложения, подчеркивая ее негативное влияние на зажиточное крестьянское хозяйство, которое, по его мнению, составляло основу будущего процветания советского государства. Как работник Наркомфина, Н. Д. Кондратьев имел доступ ко многим данным о состоянии обложения на местах. Обработка этого материала позволяла обобщить сведения о сельхозналоге вплоть до 1925 г. К сожалению, вопрос о налогообложении в деревне не рассматривался Н. Д. Кондратьевым специально, поэтому нет его полноценного систематического исследования. Однако выводы автора о бережном отношении к крестьянству, фискальном приоритете прямого обложения в деревне, критика современной ему системы не утратили своей актуальности до сегодняшнего дня.

Г. Я. Сокольников с осени 1922 по январь 1926 г. являлся наркомом финансов, т. е. фактически был одним из подлинных творцов нэпа. Это оказало двойное влияние на его исследовательскую работу. С одной стороны, Сокольников имел возможность использовать данные, стекавшиеся в Наркомфин со всех территорий России и из различных наркоматов. С другой стороны, он, как чиновник, представитель власти, придерживался официальной точки зрения.

У Сокольниковых нет отдельных работ, посвященных прямым налогам, но некоторые аспекты обложения затрагивались наркомом финансов практически в каждом публичном выступлении, в каждой публикации. Г. Я. Сокольников был сторонником разумных денежных налогов. Он один из первых обратился к проблеме платежей как главной статье дохода государственного бюджета. Занимался вопросами сравнения выгод для финансового хозяйства от использования налогов, а не денежной эмиссии. Среди существующих видов обложения он отдавал предпочтение прямым платежам. Сокольников одним из первых публично обозначил необходимость совершенствования практики обложения и формирования действительно дееспособного налогового аппарата [12]. Однако он был очень осторожен в оценке влияния налогов на экономику и в этом вопросе ограничивался констатацией факта поступления того или иного платежа в бюджет. Как официальное лицо, Сокольников поддерживал решения XI съезда партии о классовом назначении прямых налогов, хотя в некоторых выступлениях делал замечания о значительном напряжении налогового пресса. Такая двойственная позиция характерна для деятелей первой половины 1920-х гг.

Оригинальную позицию в оценке налогов занимал Ю. Ларин. Им был опубликован целый ряд статей, собранных в сборники «Итоги. Пути. Выводы. НЭП» (1923), «Уроки кризиса и экономическая политика» (1924), «Частный капитал в СССР» (1927) [3—5].

В сборник «Итоги. Пути. Выводы. НЭП» вошли работы, как уже опубликованные в печати, так и написанные между февралем и мартом 1923 г. Третья глава посвящена обложению в деревне и хлебным ценам. Автор, подводя итог анализу налогового обложения в деревне, делает вывод о том, что «некрестьянин» несет на себе вдвое больший процент государственного бремени, нежели крестьянин. Он заключает, что обложение в деревне надо увеличить [3, с. 119]. Заслуга Ю. Ларина в том, что он один из первых делает попытку сравнить тяжесть обложения в городе и деревне.

Во второй сборник вошли статьи, ранее опубликованные в «Правде», частично дополненные и исправленные. Автор сборника отмечает: нормы замены натурой деньгами были установлены таким образом, что крестьянам почти везде оказывалось выгоднее платить деньгами, следствием чего явилось невыполнение государственных заготовок хлеба по натуральной части налога [4, с. 49]. Выводы, сделанные автором, ставят перед исследователями еще одну интересную проблему — зависимости несовершенства налоговой системы и кризисов экономики.

В третьем сборнике статей Ю. Ларин делает попытку оценить роль частного капитала в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, на денежном рынке, в том числе долю частного сектора в налоговых платежах. Несмотря на идеологические штампы и положительную оценку сложившегося положения в налоговой сфере, вывод, который делает Ю. Ларин, имеет значение и для современных исследователей: «Капиталистическая группа платит часть не только большую ее доли в населении, но и большую ее доли в доходах» [5, с. 263].

В целом, давая оценку работам Ларина, необходимо отметить, что многие положения ученого выдвинуты без надлежащих доказательств. В его практических предложениях наблюдается явная склонность к радикальным мерам. В отличие от других исследователей все материалы Ларин оценивал с классовых позиций.

В период с 1924 по 1928 г. Финансовое издательство опубликовало восемь работ профессора П. П. Гензеля, посвященных налоговой системе

советского государства. Одна из этих работ — «Прямые налоги. Очерки теории и практики» — уникальна с точки зрения историографии, так как является единственным трудом, посвященным непосредственно прямым налогам в 20-х гг. [1]. Однако этим уникальность работы и ограничивается. Содержание исследования обусловлено идеологическими рамками классового подхода. Критика автором существующей системы прямого обложения не идет дальше официально признаваемых недостатков и сводится к осторожной оценке неправильно определенных средних норм обложения по сельскохозяйственному налогу. Теоретические изыскания П. П. Гензеля ограничиваются уточнением классификации прямых налогов по объектам обложения. Деление прямых налогов на реальные и личные, предлагаемое профессором, имеет чисто теоретический характер, мало связанный с реальной практикой обложения.

С точки зрения удачной связи теории и практики нельзя не отметить труд А. А. Тривуса [13]. Эта работа интересна в первую очередь тем, что все теоретические выводы проиллюстрированы конкретными примерами последствий действия того или иного положения. Автор детально ознакомился с существующим на тот период законодательным налоговым материалом. Исходя из анализа декретов, А. А. Тривус объясняет причины сокращения сельскохозяйственного производства, миграции труда и предлагает к руководству основные принципы, на которых должна строиться система обложения (по аналогии с классическими принципами идеальной налоговой системы Адама Смита). Определяющими для построения системы обложения среди перечисленных принципов, по мнению автора, являются экономические интересы. Налоги должны побуждать совершенствовать производство, стимулировать повышение производительности.

Предложенное автором практическое руководство к построению налоговой системы было не осуществимо в условиях делавшегося официальной властью упора на классовый подход к обложению и превалирование государственных интересов над экономическими. Однако для исследователя системы прямых налогов в годы нэпа эта работа представляет несомненный интерес не только как теоретический труд: в ней затронута проблема влияния налогов на развитие производства и повышение производительности труда.

Теорией налогов в 20-х гг. занимались П. П. Маслов и А. А. Соколов [6, 11]. Авторы предприняли попытку связать основные принципы экономической политики с конкретным экономическим строительством. В отличие от Соколова Маслову удалось абстрагироваться от довлеющего над налогами классового подхода и дать объективную оценку интересам государства и требованиям народного хозяйства к налогам. А. А. Соколов не признавал за налогами другой функции, кроме как расширение сферы обобщественного сектора за счет сферы частного хозяйства.

Маслов отмечал, что интересы государства в области прямых налогов могут не совпадать с нуждами народного хозяйства. Поэтому необходимо находить разумный компромисс между классовым подходом и накоплением в частном секторе. Маслов обращался также к проблеме переложения налогов, указывал, что прямые налоги в значительной мере могут быть переложимы на потребителя.

В целом курс лекций А. А. Соколова интересен для современного исследователя как теоретические изыскания периода 20-х гг. XX в. Выводы же, сделанные П. П. Масловым, могут быть достойны внимания не только историков, исследователей его творчества, но и широкого круга специалистов.

Специфика изучения проблем налогообложения в 20-х гг. состояла в непрекращающихся дискуссиях. Итоги споров подводились или в периодической печати, или в сборниках трудов участников обсуждения той или иной проблемы. Подобные сборники выходили достаточно регулярно (1923, 1925, 1927, 1929 г.). Тематика их статей определялась центральной проблемой (экономика, частный капитал, социалистическое строительство, итоги нэпа и др.). Вопросы налогообложения затрагивались практически каждым автором. Так, например, во втором выпуске сборника «На новых путях. Итоги НЭПа, 1921—1922 гг.» [8] налогам посвящена статья Ф. Менькова «Налоги и налоговая политика советской власти». Автор статьи много внимания уделяет истории развития системы налогообложения с 1917 по 1922 г. По мнению Менькова, советская налоговая политика прошла в своем развитии три этапа: 1-й — до 1918 г., сохранение дореволюционной налоговой системы; 2-й — до середины 1920 г., превращение налогов во временное орудие пролетариата; 3-й — до марта 1921 г., отмирание денежных налогов. Развитие по данному пути предопределило построение упрощенной системы обложения и слабое поступление налогов в бюджет. Автор, отмечая несовершенство налогового аппарата, не умаляет возможностей налоговой системы в урегулировании кризисных процессов в экономике (эмиссии, дефицита бюджета и некоторых других). Помимо прочего, Меньков приводит ряд таблиц о поступлении денежных налогов в бюджет в 1921 г. и за 8 месяцев 1922 г. Цифровой материал подобран по 12 губерниям, взят из текущих сводок Наркомфина, поэтому говорить о его абсолютной достоверности нельзя в силу неточной информации, поступающей от разных ведомств с многочисленными дополнениями и уточнениями. В целом ситуация, обозначенная Меньковым в налоговой сфере до 1923 г., описана достаточно объективно, без приукрашивания действительности и преувеличения роли партии. К тому же Меньков, в отличие от предшественников, подходит к изучению проблемы с исторической точки зрения, видит корни ошибок начала 20-х гг. в первом послереволюционном периоде и делает попытку периодизации истории развития налогов в советской России.

К середине 20-х гг. актуальной становится проблема оценки роли частного капитала в экономике советского государства. К ее изучению обращаются ученые и экономисты-практики. Результаты исследований были опубликованы в сборнике «Материалы по обследованию роли частного капитала в хозяйстве Союза» [7]. Налоги рассматриваются с позиции доли доходов от частного в государственном бюджете. Причем опубликованный материал можно назвать исследованием весьма условно, так как большая часть цифровых данных приводится без какого-либо комментария. Выход в свет данного сборника сыграл свою положительную роль для исследователей в последующие годы. Так, в 1927 г. были опубликованы два сборника [9, 10]. Еще одной причиной, побудившей обратиться к проблеме частного, стало выступление оппозиции в лице Троцкого, Преображенского и борьба с ними партии большевиков в вопросе об источниках индустриализации. По сути, основной целью сборников было дать объективный, с точки зрения авторов, материал по основным вопросам из тех, что обсуждались на XV конференции ВКП(б). Прямым налогам посвящена статья М. Лифшица «Тяжесть нынешнего сельскохозяйственного налога для отдельных групп крестьянства» [9]. Автор делит крестьянство на группы в зависимости от разряда по уплате сельхозналога и замечает, что тяжесть обложения средних и зажиточных слоев крестьян достигла максимальной ставки и дальнейшее повышение может привести к раскулачиванию. Это ставит под сомнение экономическую и политическую целесообразность сельхозналога.

Для доказательства своих положений автор пользуется данными, поступившими в Наркомфин с мест, с оговоркой, что они не окончательные, и анализом ставок налога, обозначенных в законе. Выводы, сделанные Лифшицем, достаточно аргументированы, хотя, по сути, являются заказом партии для подтверждения позиции большевиков в дискуссии. Поддержке этой же точки зрения была посвящена статья А. Рыкова «Хозяйственное положение и задачи партии» [10, с. 20—59]. В частности, автор замечает, что предел обложения достигнут, но в отличие от Лифшица его недочеты видит не в построении законов, а в их конкретном воплощении на практике. Главной слабостью, по мнению автора, в отношении частного капитала является недостаток учета и контроля. Это положение становится определяющим для многих исследователей в оценке прямого обложения частника в 20-х гг. Причем ни Рыков, ни другие авторы не заботятся о документальном подтверждении данного положения. Вывод принимается на веру как аксиома, без доказательств.

Своеобразный итог изучения проблемы обложения населения был подведен комиссией СНК СССР под председательством М. И. Фрумкина. На основе многочисленных вычислений работников ЦСУ, НКФ СССР и материалов заседания собственно комиссии, в состав которой входили сотрудники НКФ, НКЗ, ВСНХ, РКИ, был опубликован совместный доклад «Тяжесть обложения в СССР (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР) в 1924/1925, 1925/1926, 1926/1927 годах» [14]. В работе нашли свое отражение такие проблемы, как тяжесть обложения различных групп населения (сельскохозяйственного и несельскохозяйственного) и слоев общества (рабочие, капиталистические элементы и др.), переложение налогов, участие различных групп и слоев населения в уплате налогов и доля их участия в бюджете в сравнении с общей численностью населения и доходами на душу населения. Все необходимые исчисления были сделаны по справкам отделов и подотделов Наркомфина, на основе инспекторских и ревизионных материалов РКИ, статистических данных других наркоматов. Однако авторы оговариваются, что в силу плохо поставленной отчетности мест было допущено много предположений, некоторые данные взяты на веру без соответствующей проверки. Поэтому ко всем цифровым показателям следует относиться осторожно, истиной в последней инстанции они не являются. С учетом сложившихся к 1929 г. аксиом и вполне допустимых преувеличений или утаек при отчете центру отметим, что приведенные в докладе данные демонстрируют общую динамику развития налогообложения, но основой для окончательных выводов об обложении населения в рассматриваемый период служить не могут.

Изучив имеющийся материал, комиссия пришла к выводу, что центр тяжести обложения всеми прямыми налогами постепенно переносится (с 1924 по 1927 г.) на несельскохозяйственное население, но при этом относительное понижение суммы отдельных налоговых платежей сельскохозяйственного населения не распространяется на состоятельных крестьян. Все большая часть налогового бремени падает на буржуазию в городе и зажиточных крестьян в деревне. Начиная с 1924 г. все более усиливается роль и в госбюджете и для плательщиков переложимых налогов (комиссия рассматривала промысловый налог как частично переложимый).

Таким образом, комиссия в общем дала положительную оценку существующей налоговой системе как отвечающей основным интересам государства и обеспечивающей необходимые поступления в бюджеты. Однако следует отметить, что этот вывод сделан о налоговой системе в целом, без деления ее на косвенные и прямые налоги.

Итак, в 20-х гг. было опубликовано более десятка работ, посвященных изучению различных сторон налоговой системы. Обсуждались следующие проблемы: влияние прямых налогов на состояние финансов в стране, роль платежей в бюджете, участие отдельных групп населения в уплате налогов (в большей степени участие частного капитала и зажиточных слоев в деревне), роль обложения в установлении смычки между городом и деревней, переложение прямых налогов, роль практики обложения в поступлении платежей в бюджет, развитие системы сельскохозяйственного налога, соотношение интересов государства и народного хозяйства в построении системы. Кроме того, была дана характеристика налогам как орудию классовой политики, сделана попытка периодизации истории советской налоговой системы и дефиниции основополагающих понятий системы.

Для периода 20-х гг. характерна альтернативность точек зрения. Догмы и аксиомы, основанные на партийной линии, только начинают складываться. К 1929 г. окончательно оформляется основной постулат: законы о налогах правильные и приняты вовремя, а причина всех недостатков системы в несовершенстве аппарата, недоучете и слабом контроле.

В 20-х гг. исследователи не рассматривали систему налогов с исторической точки зрения. Были лишь отдельные попытки сравнения обложения до революции и в первые годы советской власти с обложением в период нэпа, но авторы ограничивались констатацией факта разницы в размере ставок обложения для сельскохозяйственного населения в пользу советской системы.

Учитывая специфику работ 20-х гг., сложности с обобщением материала и анализом статистических данных, необходимо отметить, что наблюдения авторов, критика существующей системы, рекомендации к унификации весьма существенны для понимания процесса складывания и функционирования системы прямых налогов на территории СССР. Анализ доступных исследователям статистических данных о налогах придает работам дополнительную значимость вне зависимости от достоверности и полноты этих показателей.

Библиографический список

1. *Гензель П. П.* Прямые налоги : очерки теории и практики. Л. : Фин. изд-во, 1927.
2. *Кондратьев Н. Д.* Избранные сочинения. М. : Экономика, 1993. 543 с.
3. *Ларин Ю.* Итоги. Пути. Выводы. НЭП. М. : Моск. рабочий, 1923.
4. *Ларин Ю.* Уроки кризиса и экономическая политика. М. : Моск. рабочий, 1924.
5. *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М. : Госиздат, 1927.
6. *Маслов П.* Основы экономической политики. М. : Госиздат, 1926.
7. Материалы по обследованию роли частного капитала в хозяйстве Союза СССР / под ред. С. П. Середы, Е. С. Коротыгина. М., 1925. Вып. 2.
8. На новых путях. Итоги НЭПа, 1921—1922 гг. / под ред. В. П. Милютин. М. : СТО, 1923. Вып. 1—3.
9. На переломе : основные вопросы хозяйственного строительства : сборник статей. М. : Изд-во газ. «Экон. жизнь», 1925.
10. На путях социалистического строительства : сборник / под ред. В. Милютин, А. Свидерского. М. : Госиздат, 1929.
11. *Соколов А. А.* Теория налогов : курс лекций. М. : Госфиниздат, 1928.
12. *Сокольников Г. Я.* Новая финансовая политика на пути к твердой валюте : сборник статей, выступлений, речей. М. : Наука, 1991. 336 с.
13. *Трибус А. А.* Налоги как орудие экономической политики. Баку : РИОАСПС, 1925.
14. Тяжесть обложения в СССР (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР) в 1924/1925, 1925/1926, 1926/1927 годах. М. : Госфиниздат, 1929.

Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин

ИСТОРИЯ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКОВ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ (К 110-й годовщине со дня рождения Д. А. Крайнова)

Статья посвящена истории исследования памятников фатьяновской культуры эпохи бронзы на территории Волго-Окского междуречья. Определяется вклад Д. А. Крайнова и Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР (РАН), работавшей под его руководством в 1959—1970 гг. Отмечается, что лично Д. А. Крайновым и сотрудниками Верхневолжской экспедиции было исследовано 28 фатьяновских могильников (более половины из всех известных) и вскрыто 225 захоронений (68 % от всех выявленных).

Ключевые слова: эпоха бронзы, фатьяновская культура, Верхневолжская экспедиция, Д. А. Крайнов.

The article is devoted to the history of the burial grounds study of Fatyanovo Bronze Age culture in the Volga-Oka interfluve. The contribution of D. A. Krajinov and the Upper-Volga expedition of the Institute of Archaeology AN SSSR (RAS), that worked under his supervision in 1959—1970, is estimated. It is noted that D. A. Krajinov personally and Upper-Volga expedition staff investigated 28 Fatyanovo burial grounds (which is more than a half of all known) and excavated 225 graves (68 % of all identified).

Key words: Bronze Age, Fatyanovo Culture, Upper-Volga expedition, D. A. Krajinov.

Д. А. Крайнов. 1984 г.

Крайнов Дмитрий Александрович (1904—1998) более полувека своей долгой, насыщенной событиями жизни посвятил занятиям археологией. В 1959 г. он создает и 35 лет возглавляет Верхневолжскую экспедицию Института археологии АН СССР (РАН), в которой многие поколения студентов-историков из Иванова, Ярославля, Твери (Калинина) проходили археологическую практику. В память о Д. А. Крайнове в Ивановском государственном университете был создан археологический музей, основу экспозиции и фондов которого составили находки из раскопок Д. А. Крайновым и его учениками памятников Ивановской и Ярославской областей. Ученый внес неоценимый вклад в изучение каменного и бронзового веков Центральной России. Особо следует отметить его работы по исследованию фатьяновской культуры эпохи бронзы, о чем и будет сказано ниже.

140 лет прошло с момента открытия в 1874 г. могильника эпохи бронзы у с. Фатьянова в Ярославской губернии, давшего название новой культуре. Раскопки Фатьяновского могильника А. С. Уваровым (1875 г.) [53] и И. С. Поляковым (1878 г.) [47] положили начало ее широкому изучению. Вслед за Фатьяновским могильником в Ярославской губернии были предприняты раскопки Великосельского могильника, которые проводились М. Чулковым (1889 г.), А. А. Спицыным (1895 г.) [52] и В. А. Городцовым (1896, 1899 гг.) [24].

В начале XX в. еще два небольших могильника были обнаружены «попутно» при раскопках городища Чуркино в Нижегородской губернии В. И. Каменским (1902 г.) и Лихачёвского городища в Тверской губернии Н. Е. Макаренко (1903 г.) [44, 45, 52].

Всего в конце XIX — начале XX в. на четырех могильниках в трех губерниях было вскрыто 17 фатьяновских захоронений. Однако события российской истории начала XX в., связанные с двумя революциями, Первой мировой и Гражданской войнами, надолго прервали изучение памятников фатьяновской культуры. Раскопки их были возобновлены лишь в середине 1920-х гг. Тогда впервые начинаются работы на фатьяновских могильниках в Московской, Ивановской, Костромской и Владимирской областях¹. В 1925 г. В. И. Смирнов провел раскопки на могильнике у с. Говядинова под Костромой (см.: [1]). В Московской области К. Я. Виноградов предпринял раскопки Ивановогорского (Истринского) могильника (1928—1929 гг.) [10]. В Ивановской области О. А. Кривцова-Гракова провела весьма масштабные работы на Горкинском могильнике (1929 г.) [43], а Л. А. Евтюхова в ходе раскопок городища Пушкириха в г. Юрьевце (1928 г.) обнаружила одно фатьяновское захоронение [27]. О. Н. Бадер в 1928 г. возобновил раскопки Фатьяновского могильника в Ярославской области [1]. Тогда же начинает свои работы на фатьяновских могильниках и Д. А. Крайнов, проведя небольшие раскопки на открытом им Сущёвском могильнике во Владимирской области (1929 г.) [35]. Всего в ходе этих работ было обнаружено 23 захоронения, наибольшее число которых (15) дал Горкинский могильник.

Достаточно интенсивные работы по изучению фатьяновской культуры ведутся в период с 1930 по 1940 г. При Московском отделении ГАИМК создается специальная «Фатьяновская» комиссия. В Московской области О. Н. Бадером, К. Я. Виноградовым, А. Я. Брюсовым и Д. А. Крайновым проводятся раскопки шести могильников: Кузьминского, Протасовского, Буланинского, Давыдкинского, Вереяского и Истринского, где было вскрыто 22 захоронения [3, 5, 11, 35]. В Ярославской области Д. А. Крайнов копает Вауловский могильник [33]; во Владимирской А. Ф. Дубынин проводит раскопки Ковровского могильника; в Ивановской — он же — копает Змеевский могильник [25, 26], а О. Н. Бадер — Мытищенский [6]; в Калининской (Тверской) области О. Н. Бадер проводит раскопки на Тургиновском могильнике, а К. П. Милонов — на Ошурковском [8, 41]. Фатьяновские могильники были обнаружены и в Калужской области, где осуществил небольшие работы на городищах Детчино и Михеево К. Я. Виноградов [11].

¹ Две последние области в 1929—1936 гг. частично входили в состав Ивановской промышленной области.

Таким образом, в 1925—1940 гг. ведется целенаправленное изучение могильников фатьяновской культуры. Заметим при этом, что большинство из них было открыто случайно при карьерных или небольших земляных работах, а также при раскопках памятников других эпох (например, на городищах Пушкариха, Лихачёво и Чуркино). В целом в эти годы благодаря работам Д. А. Крайнова (3/18), О. Н. Бадера (3/13), О. А. Кривцовой-Граковой (1/13), К. Я. Виноградова (6/10), А. Я. Брюсова (1/6), Н. П. Милонова (1/1), А. Ф. Дубынина (1/1), Л. А. Евтюховой (1/1) было обнаружено 55 фатьяновских захоронений на 16 памятниках археологии².

Кроме того, с 1933 по 1940 г. (с перерывами) К. В. Элле, И. Т. Тихоновым, П. Г. Григорьевым, М. П. Петровым (Тинехпи), Г. Д. Даниловым, О. Н. Бадером и М. С. Акимовой проводились раскопки Балановского могильника в Чувашии. Своеобразие материалов этого и раскопанных позднее аналогичных могильников позволило О. Н. Бадеру обосновать выделение особой, балановской культуры [2—4, 7, 9]³.

В связи с Великой Отечественной войной и ее последствиями исследование фатьяновских древностей прерывается почти на 20 лет, хотя при раскопках в Московской области неолитических стоянок «попутно» было найдено несколько фатьяновских захоронений — А. Я. Брюсовым на стоянке Большое Буньково (1950 г.) и В. М. Раушенбах на стоянке Николо-Перевоз II [35, 48].

Целенаправленные раскопки фатьяновских могильников возобновляются лишь в 1958 г. Д. А. Крайновым, а в 1959 г. в ИИМКе в связи с планируемым изданием Свода памятников фатьяновской культуры создается Верхневолжская экспедиция, которую он и возглавил. В составе ее многие годы работали О. С. Гадзяцкая и Н. А. Кирьянова, а также некоторое время — А. Л. Никитин и Г. В. Лебединская⁴.

Основным районом раскопок экспедиции Д. А. Крайнова становятся Ярославская, Ивановская, Калининская (Тверская) области, затронуты работами были также Костромская и Московская области.

В Ярославской области с 1958 по 1969 г. проводились раскопки на семи могильниках, где было вскрыто 147 захоронений. Наиболее масштабные исследования охватили Волосово-Даниловский могильник: там за семь лет работ (1962—1964, 1966—1969 гг.) было вскрыто 107 захоронений. Раскапывались также Никульцинский (8), Воронковский (13), Голузиновский (5), Наумовский (2), Карашский (1), Халдеевский (1) могильники⁵ [22, 31, 36, 42, 46].

В Ивановской области в процессе раскопок было обнаружено 33 захоронения на 10 могильниках: Тимофеевском (17), Княгигинском (1), Милославском (2), Мытищинском (1), Ильинско-Хованском (3), Кривцовском (5),

² В скобках после фамилии археолога первая цифра дроби означает количество памятников, на которых в ходе раскопок были вскрыты захоронения, а вторая — число могил.

³ Хотя многие археологи (О. А. Кривцова-Гракова, Д. А. Крайнов и др.) относили памятники балановского типа к восточному варианту фатьяновской культуры, мы склонны придерживаться точки зрения О. Н. Бадера, поэтому не учитываем балановские материалы в общей статистике захоронений фатьяновской культуры.

⁴ Г. В. Лебединская — известный отечественный антрополог — восстановила по черепам из погребений внешний облик фатьяновцев, создав их графические и скульптурные реконструкции (см.: [39]).

⁵ В скобках после названия могильника указано количество вскрытых захоронений.

Ясновском (1), Дьяковском (1), Заборьевском (1), Скомороховском (1) [15—18, 21, 23, 28].

В Калининской (Тверской) области раскопки производились на шести могильниках, где было вскрыто 20 захоронений: на Ошурковском (1), Болшневском (4), Олочинском (5), Таскаихском (1), Тургиновском (8), Овинищенском (1) [19, 36, 37, 40, 41].

В Костромской области был открыт и исследован Горицкий могильник (1) [18].

В Московской области проводились раскопки на Ханёвском могильнике (3) [30].

Таким образом, с 1958 по 1970 г. Д. А. Крайновым и сотрудниками Верхневолжской экспедиции раскопки производились на 25 могильниках Центральной России, из них на 21 могильнике — впервые. Всего было вскрыто 204 захоронения. Для ускорения работ на могильниках Д. А. Крайнов применил новую методику, когда горизонт почвы снимался бульдозером на 20 см. Затем работы велись по обычной методике.

Д. А. Крайнов и О. С. Гадзяцкая. 1960-е гг.

Все эти годы настоящей сподвижницей Д. А. Крайнова в изучении фатьяновских могильников была Ольга Сергеевна Гадзяцкая, которая не только проводила раскопки, но и, будучи прекрасной художницей, выполняла все графические работы для научных отчетов и публикаций.

В указанные годы, кроме Верхневолжской экспедиции, небольшие работы, предшествовавшие раскопкам Д. А. Крайнова, провел на Ханёвском могильнике В. В. Сидоров, вскрывший два захоронения (1969 г.) [50].

После работ Верхневолжской экспедиции по исследованию фатьяновских могильников, завершившихся в 1970 г., последующие 20 лет никто не предпринимал

целенаправленных их раскопок. При этом «попутно» — при раскопках стоянок каменного века — было выявлено по одному фатьяновскому захоронению в Московской области А. В. Трусовым на Альбе I (1979 г.) и А. Е. Кравцовым на Панюшенке (1983 г.), а также в Калужской области А. Н. Сорокиным на Рессете 3 (1983 г.) [32, 49, 51]. И лишь в 1990 г.

Е. В. Волкова при участии И. Н. Черныха и А. П. Ланцева предприняла раскопки могильников Новинки 1 и 2 в Тверской области, которые продолжались (с перерывами) до 2000 г., и выявили 26 новых захоронений [12—14].

Суммируя изложенное, необходимо отметить, что за все годы раскопок фатьяновских памятников центральных областей России погребения были обнаружены на 53 из них в количестве 330⁶. Лично Д. А. Крайновым (включая и довоенный период его работ) и сотрудниками руководимой им Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР было исследовано 28 фатьяновских могильников, т. е. более половины из тех, на которых были зафиксированы погребения. Всего было вскрыто 225 захоронений, или 68 % от всех выявленных. Неслучайно О. Н. Бадер в одной из своих публикаций отметил, что полевые работы Д. А. Крайнова составили эпоху в исследовании фатьяновской культуры [9].

Кроме раскопок могильников, Верхневолжской экспедицией проводились широкие разведочные работы, обследования и фиксация мест находок фатьяновских топоров, изучение музейных коллекций. В 1979 г. Д. А. Крайновым был предпринят поиск фатьяновских поселений в Ярославской области по выкопировкам с карт аэрофотосъемки, который, однако, не дал результатов.

Несомненно значимый вклад Д. А. Крайнова и сотрудников его экспедиции в изучение фатьяновской культуры нашел отражение в многочисленных статьях [15—19, 21, 22, 28—30, 33, 34, 40, 41], сводах археологических источников [24, 35, 36, 42], кандидатской диссертации О. С. Гадзяцкой [20] и докторской — Д. А. Крайнова [38], легшей затем в основу его монографии [39]. На настоящий день она по-прежнему остается самой фундаментальной работой по фатьяновской культуре, в которой раскрыты все стороны материальной и духовной жизни, хозяйство и социальная структура ее носителей.

Библиографический список

1. Бадер О. Н. Лихачёвский могильник : (к вопросу о хозяйственной основе так называемой фатьяновской культуры) // Советская археология. 1937. № 2. С. 19—38.
2. Бадер О. Н. Могильник в урочище Карабай близ Баланово в Чувашии // Советская археология. 1940. № 6. С. 63—88.
3. Бадер О. Н. К вопросу о балановской культуре // Советская этнография. 1950. № 1. С. 64—85.
4. Бадер О. Н. Балановская культура // Советская археология. 1961. № 4. С. 41—65.
5. Бадер О. Н. Кузьминский могильник фатьяновского типа под Москвой // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. Вып. 5. С. 5—30.
6. Бадер О. Н. Мытищинский могильник фатьяновского типа // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1959. Вып. 75. С. 143—153.
7. Бадер О. Н. Балановский могильник: из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.
8. Бадер О. Н. Фатьяновские могильники бассейна реки Шоши // Новое в советской археологии. М. : Наука, 1965. С. 119—124.
9. Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балановской культуры // Свод археологических источников. М. : Наука, 1976. Вып. В1-25.
10. Виноградов К. Я. Три этапа культуры у Ивановой горы на р. Рузе. Волоколамск, 1929.

⁶ Не учитываются могильники и захоронения балановской культуры.

11. *Виноградов К. Я.* Новые памятники фатьяновской культуры // Советская археология. 1937. № 4. С. 300—304.
12. *Волкова Е. В.* Погребальные комплексы фатьяновских могильников : новинки 1 и 2 // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4, т. 1. С. 185—197.
13. *Волкова Е. В.* Могильник фатьяновской культуры : новинки 1 и 2 : по результатам археологических исследований в 1999 и 2000 гг. // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 5. С. 393—407.
14. *Волкова Е. В., Ланцев А. П., Черных И. Н.* Могильник фатьяновской культуры на р. Шоше в Тверской области : (по материалам исследований 1990—1992 гг.) // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 75—93.
15. *Гадзяцкая О. С.* Милославский фатьяновский могильник // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М. : Наука, 1963. С. 88—96.
16. *Гадзяцкая О. С.* Фатьяновский могильник балановского типа в Ивановской области // Советская археология. 1963. № 1. С. 284—289.
17. *Гадзяцкая О. С.* Фатьяновский могильник у деревни Кривцово // Краткие сообщения Института археологии. 1964. Вып. 101. С. 126—134.
18. *Гадзяцкая О. С.* Фатьяновские могильники в Костромской и Ивановской областях // Краткие сообщения Института археологии. 1969. Вып. 115. С. 70—78.
19. *Гадзяцкая О. С.* Новые раскопки Тургиновского могильника // Краткие сообщения Института археологии. 1971. Вып. 127. С. 65—72.
20. *Гадзяцкая О. С.* История населения Верхнего Поволжья в эпоху бронзы : (ивановско-горьковские памятники фатьяновской культуры) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 20 с.
21. *Гадзяцкая О. С.* Раскопки фатьяновских могильников на левобережье Клязьмы // Памятники древнейшей истории Евразии. М. : Наука, 1975. С. 181—185.
22. *Гадзяцкая О. С.* Воронковский фатьяновский могильник // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. : Наука, 1976. С. 128—142.
23. *Гадзяцкая О. С.* Памятники фатьяновской культуры: Ивановско-Горьковская группа // Свод археологических источников. М. : Наука, 1976. Вып. В1-21.
24. *Городцов В. А.* Раскопки могильника на Черной Горе в окрестностях с. Великого Ярославской губернии и уезда. Ярославль, 1898. 8 с.
25. *Дубынин А. Ф.* Археологические обследования и раскопки в Ивановской области // Археологические исследования в РСФСР в 1936—1939 гг. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941.
26. *Дубынин А. Ф.* Ковровский фатьяновский могильник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Вып. 53. С. 50—54.
27. *Евтюхова Л. А.* Описание раскопок Юрьевоцкого городища в г. Юрьевце на Волге Иваново-Вознесенской губ. 1928 года // Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения за 1928 год. Иваново-Вознесенск, 1929. С. 36—45.
28. *Кириянова Н. А.* Фатьяновский могильник у с. Ильинское-Хованское // Краткие сообщения Института археологии. 1964. Вып. 101. С. 121—125.
29. *Кириянова Н. А.* Наумовский фатьяновский могильник // Краткие сообщения Института археологии. 1973. Вып. 134. С. 72—76.
30. *Кириянова Н. А.* Фатьяновский могильник у д. Ханево // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. : Наука, 1976. С. 143—154.
31. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Исследования Д. А. Крайнова в Ярославской области // Археология : история и перспективы. Ярославль, 2006. С. 17—24.
32. *Кравцов А. Е.* Памятники эпохи мезолита и эпохи бронзы в подмосковной Мещере // Советская археология. 1988. № 1. С. 113—129.
33. *Крайнов Д. А.* Вауловский могильник // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. 12. С. 105—155.
34. *Крайнов Д. А.* Новые памятники фатьяновской культуры // Краткие сообщения Института археологии. 1961. Вып. 84. С. 83—90.

35. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры: Московская группа // Свод археологических источников. М. : Наука, 1963. Вып. В1-19.
36. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры: Ярославско-Калининская группа // Свод археологических источников. М. : Наука, 1964. Вып. В1-20.
37. *Крайнов Д. А.* Олочинский и Таскаихский могильники фатьяновской культуры // Краткие сообщения Института археологии. 1966. Вып. 106. С. 55—65.
38. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья : (фатьяновские племена II тыс. до н. э.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1967. 46 с.
39. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья : (фатьяновская культура, II тысячелетие до н. э.). М. : Наука, 1972. 274 с.
40. *Крайнов Д. А.* Болшневский могильник фатьяновской культуры // Памятники древнейшей истории Евразии. М. : Наука, 1975. С. 5—13.
41. *Крайнов Д. А.* Фатьяновские памятники Калининской области // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 185. С. 92—98.
42. *Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С.* Фатьяновская культура: ярославское Поволжье // Свод археологических источников. М. : Наука, 1987. Вып. В1-22.
43. *Кривцова-Гракова О. А.* Горкинский могильник // Труды Государственного исторического музея. М. : Изд-во Гос. ист. музея, 1938. Вып. 8. С. 57—72.
44. *Макаренко Н. Е.* Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги // Известия Археологической комиссии. СПб., 1904. Вып. 6. С. 79—100.
45. *Макаренко Н. Е.* Результаты археологических экскурсий в Тверской и Ярославской губерниях. Могильник медного века в Зубцовском уезде Тверской губернии // Труды Второго областного археологического съезда. Тверь, 1906. С. 63—72.
46. *Никитин А. Л.* Фатьяновский могильник у с. Халдеево // Советская археология. 1964. № 3. С. 277—281.
47. *Поляков И. С.* Кладбище каменного века около деревни Фатьяновой // Антропологическая выставка 1879 года. М. : Тип. М. Н. Лаврова и К^о, 1880. Т. 3, ч. 1, вып. 2. С. 188—192. (Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те ; т. 25).
48. *Раушенбах В. М.* Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Нико-ло-Перевоз // Труды Государственного исторического музея. 1960. Вып. 37. С. 28—37.
49. *Сидоров В. В., Трусов А. В.* Фатьяновцы на Круглом озере // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 185. С. 98—103.
50. *Сидоров В. В., Энговатова А. В.* Ханевский могильник и древнейшие памятники фатьяновской культуры // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1992. Вып. 7. С. 28—36.
51. *Сорокин А. Н., Дюкельский В. Ю.* Фатьяновское погребение на стоянке Рессета III // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 185. С. 103—107.
52. *Спицын А. А.* Медный век в Верхнем Поволжье. СПб., 1903. 17 с.
53. *Уваров А. С.* Археология России: каменный период. М., 1881. Т. 1. 439 с.

ББК 63.3(2)621

*В. С. Околотин***СПЕЦИФИКА ПРЕДВОЕННОГО ПЕРИОДА
И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРКОМФИНА СССР
В 1936—1941 гг.****(По материалам Центральной России)**

На примере областей промышленной части Центральной России исследуется специфика предвоенного периода, оказавшая заметное влияние на деятельность Наркомфина СССР по разработке и реализации налоговой политики в эти годы.

Ключевые слова: «кризисы снабжения», недовольство населения, репрессии, сокращение расходов, налоговое давление, меры по изъятию свободных средств населения.

Through the example of Central Russia industrial regions the specificity of the pre-war period is studied, that greatly influenced the Ministry of Finance of the USSR work on taxation policy development and realization during those years.

Key words: «provision crises», popular discontent, repressions, spending reduction, taxation pressure, measures for confiscation of population's spare money.

Специфика предвоенного периода оказала заметное воздействие на деятельность Наркомфина СССР по разработке и реализации налоговой политики. Этот период заметно отличался от других периодов построения плановой экономики как с позиции политики, так и с позиции экономики. С политической точки зрения он связан с реализацией положений вновь принятой Конституции СССР, массовым террором 1937—1938 гг., началом Второй мировой войны (1 сентября 1939 г.), присоединением к СССР западных областей Украины и Белоруссии, районов Бессарабии, вхождением в состав страны Литвы, Латвии и Эстонии, а также войной с Финляндией. Начало данного периода и его завершение совпали с двумя острыми кризисными ситуациями в экономике, нашедшими освещение в отечественной и зарубежной историографии. Наиболее полно они отражены в трудах российского историка Е. А. Осокиной и зарубежных исследователей Р. Мэннинг и М. Харрисона.

Первая кризисная ситуация охватила 1936—1937 гг., а вторая — 1939—1941 гг. Следует сказать, что советская историография ни в 1930-е гг., ни в последующем не признавала наличия кризисных ситуаций в национальной экономике страны. Тем не менее интерес к их проявлению за рубежом, в том числе и в рассматриваемый период, в СССР все же был. Об этом свидетельствуют фундаментальная монография академика Е. С. Варги, изданная в 1937 г. [3], статья А. Бордадына в журнале «Историк-марксист» [2], а также публикации в периодической печати. В своей статье А. Бордадын утверждал, что новый экономический кризис, возникший в США в 1937 г., уже затронул другие страны и создал предпосылки для его перерастания в мировой. Однако он писал: «Только одна страна в мире — СССР — не знает кризисов... У нас нет и не может быть кризисов, ибо у нас нет тех противоречий

© Околотин В. С., 2014

между общественным характером производства и частным характером присвоения, у нас нет анархии производства и бесплановости. Наше хозяйство социалистическое, плановое хозяйство, основанное на общественной собственности на орудия и средства производства, неуклонно, непрерывно и невиданными в истории темпами идет вверх» [2, с. 51]. Но наличие кризисных ситуаций в плановой экономике СССР документально подтверждено архивными материалами и в настоящее время является общепризнанным.

В трудах Е. А. Осокиной данные кризисные ситуации получили название «товарный кризис» или «кризис снабжения». Она считает, что возникновение первого кризиса в большей степени было вызвано плохими климатическими условиями 1935—1936 гг., повлиявшими на сбор урожая, а также многочисленными проблемами в национальной экономике страны. По мере его разрастания усиливалось социальное недовольство, охватившее как сельское, так и городское население. Хлебные очереди в рабочих поселках, неудовлетворенность жителей существующим снабжением вкупе с экономическими проблемами вновь напомнили руководству страны о кризисе 1932 г. Согласно утверждению Е. А. Осокиной, география «хлебных затруднений» затронула промышленные центры России, в том числе Ивановскую, Калининскую и другие области [10, с. 23]. О динамике нарастания кризиса свидетельствуют данные о денежном и натуральном начислении на один трудодень в колхозах Ивановской области (табл. 1) [4, оп. 5, д. 1322, л. 4].

Таблица 1

Вид начислений	1934 г.	1935 г.	1936 г.
Зерновыми, кг	2,6	1,5	0,95
Деньгами, руб.	0,23	0,29	0,29

Понижение доходности колхозного трудодня было одной из причин значительного оттока рабочей силы из колхозов на постоянную работу в промышленность и увеличения числа отходников на побочные заработки (табл. 2) [там же].

Таблица 2

Количество трудоспособных, ушедших в отход	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Всего, чел.	74 502	80 959	111 799	139 209
В процентах к общему числу трудоспособных	17	17,6	20,8	28,2

По другим данным, из колхозов области ушло в 1935 г. 6571 хозяйство, а в 1936 г. их число возросло до 11 035 [там же, л. 5]. Наибольшее количество отходников наблюдалось в промышленно развитых районах области, таких как Киржачский (47,2 %), Вичужский (45,2 %), Гороховецкий (45,1 %) и Ковровский (36,0 %) [там же, л. 6]. Все это порождало проблемы, приводившие к росту социальной напряженности.

Аргументацию о «хлебных затруднениях» в Ивановской области следует усилить выдержками из аналитической справки, направленной начальником местного управления НКВД в октябре 1937 г. наркому НКВД Н. И. Ежову. Несмотря на специфику этого документа, в нем содержится так называемый сухой остаток, помогающий воссоздать проблемы, связанные

с торговлей хлебом в городах и рабочих поселках области. Так, заведующий облвнутриторгом И. Борисов на допросах показал: «Особо остро Аггеевым (председатель облисполкома Ивановской области. — *В. О.*) был поставлен вопрос о срыве торговли хлебом, чему придавалось огромное значение. “Тебе же известно, — заявлял Аггеев, — что хлеб — это все. Не забудь, что ты в Ивановской области, где уже имелись массовые выступления против Советской власти. Сорвать торговлю, не дать хлеба — это значит разбить авторитет Сталина и его друзей”» [1].

То же подтвердил в своих показаниях заместитель председателя Ивановского облисполкома В. Ф. Королёв: «В 1936 г. осенью облисполкомом было получено постановление правительства об экономии хлеба. На одной из встреч с Аггеевым после получения этого правительственного распоряжения Аггеев заявил: “Эту директиву надо использовать в интересах нашей организации для создания затруднений на хлебном фронте. Хлеб — это все, особенно в условиях Ивановской области, где уже имели место выступления рабочих против Советской власти. Не дать хлеба — это значит сорвать авторитет ЦК и Сталина, это значит добиться главного. Надо повторить 1932 год (речь шла о вичугских и тейковских событиях. — *В. О.*) с тем, чтобы поднять рабочий класс и крестьянство против сталинского ЦК и от этого пойти дальше к вооруженному восстанию”» [1]. В результате указанными лицами, утверждалось в справке, была сорвана торговля хлебом в дни Чрезвычайного VIII съезда Советов, а также предпраздничная торговля в апреле 1937 г.

О технике вредительской работы при торговле хлебом И. Борисов в своих показаниях говорил: «Накануне Октябрьских дней 1936 года я сообщил Аггееву, что Комитетом заготовок и Союзным Наркомвнутриторгом вносятся изменения в торговлю хлебом... В ответ на мое сообщение о необходимости дополнительного отпуска на область 2 тыс. тонн муки Аггеев мне предложил не возбуждать этого вопроса, так как налицо чрезвычайно удачный момент, который следует полностью использовать для создания в области продовольственных затруднений, целиком приурочив их к Чрезвычайному VIII съезду Советов. Аггеев набросал мне задания, сводящиеся к следующему: резко сократить план отпуска муки сельским районам; закрыть ряд пекарен в сельских местностях. Это, по его мысли, должно было вызвать перебои в торговле хлебом на селе, направить поток неудовлетворенных деревенских потребителей в ближайшие города и промышленные центры; вызвать в них создание очередей и перебоев в хлебе. Фактически же отпуск муки городам Аггеев предложил построить исходя из фактического расхода в октябре, т. е. без учета наплыва новых потребителей. Установки Аггеева были немедленно мною проведены в жизнь. Вредительское распределение и отпуск муки были проведены так, как это было намечено Аггеевым, что вызвало немедленное появление очередей и перебои в торговле хлебом в городах Вичуге, Родниках, Коврове и др., создав панику и возбудив недовольство городского и сельского населения» [1].

В. Ф. Королёв также свидетельствовал, что по указанию И. Борисова был «закрыт ряд пекарен в рабочих поселках Яковлевское и Наволоки, у ларьков с хлебом создавались очереди в обеденный перерыв до 500—700 человек, нередко были случаи, когда до 50 % рабочих оставались без хлеба и обеда или бросали работу и стояли в очередях за хлебом... Особенно широко была развернута эта вредительская работа в период апреля — мая 1937 г. Образование очередей создало в городах напряженное положение,

а это, в свою очередь, со стороны рабочих вызывало проявления недовольства Советской властью» [1].

Сведения о «хлебном ажиотаже» содержатся и в справках обкома ВКП(б) Ивановской области. Так, на Яковлевском льнокомбинате (ныне г. Приволжск Ивановской области), говорилось в одной из них, очереди за хлебом в последних числах ноября 1936 г. непрерывно росли, «дело дошло до острых конфликтов: в магазине № 2 и в столовой Рогачевской фабрики были попытки разгрома прилавка, попытка со стороны одного коммуниста избить работника ОРСа тов. Исаева, выкрики в очередях, что “не нужно идти на работу, тогда и хлеб появится”» и т. п. [4, оп. 5, д. 1427, л. 84—95]. Аналогичная ситуация имела место на другом крупном предприятии Ивановской области — Новописцовском льнокомбинате [там же, д. 1246, л. 95—98]. На льнокомбинате и на фабрике «Красный Октябрь» в пос. Каменка, сообщается в следующей справке, «пекарни совершенно негодные, тесные. Зимой в них все мерзнет, из-за тесноты формы с хлебом ставят на пол и через них шагают, бочки для замочки хлеба невероятно грязные, все заплесневелые, в них вместе с сухарями попадают тараканы и мухи. Ларек хлебный торгует то черствым, то сырым хлебом. Был случай, когда продавец объявил: рабочим хлеб даю в первую очередь, а колхозникам во вторую, в результате чего получилось большое недовольство, за хлебом систематические очереди» [там же, д. 1290, л. 52—53].

Все это накладывало определенный отпечаток на деятельность Наркомфина СССР по реализации налоговой политики. Самобичевание и поиски вредителей среди финансовых работников после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., репрессии в отношении руководителей и работников НКФ СССР и РСФСР, а также местных фискальных аппаратов усиливали драматизм кризисной ситуации. Так, на собрании актива НКФ СССР и РСФСР, Московского облфо и горфо, проходившем в Москве с 14 по 17 марта 1937 г., Г. Ф. Гринько в докладе утверждал, что участники Пленума «прожили и проработали 10 дней... в атмосфере беспощадной, невзирая на положение, критики и самокритики недостатков... работы» [12, д. 72, л. 36]. На сформулированный им же самим вопрос: «В чем своеобразие нашей финансовой обстановки и как мы должны подойти к вскрытию ошибок у себя?» — он ответил, что наркомат финансов довольно сложный и имеет «сплошные линии соприкосновения со всем хозяйством и со всем населением». С населением и хозяйством это соприкосновение идет и по линии налогов. Оно осуществляется через «налоговую инспектуру, подчиненную Четверикову, через сложную цепь звеньев наркомфиновых союзных республик». «Кто эта инспектура? — спрашивал Гринько. — На 90 % это беспартийные люди. Этот участок на 90 % в руках беспартийных». В сельской местности, отмечал выступающий, налоговая работа осуществляется через сельсоветы: «Мы с нашей инспектурой и райфо стоим сзади, иногда направляем, иногда помалкиваем, иногда отсиживаемся за сельсоветами... которые на 80 % превращены в налоговых инспекторов. Что хорошо — мы часто себе приписываем, а что плохо списываем на сельсовет» [там же]. Чтобы уйти от такой порочной практики, по словам Г. Ф. Гринько, понадобилось «лепельское дело». В итоге ЦК ВКП(б) «принял решение освободить сельсоветы от всякой налоговой работы» [там же, л. 37].

Инициировавший рассмотрение этого вопроса в ЦК ВКП(б) А. А. Яковлев тогда же продемонстрировал Г. Ф. Гринько несколько описей имущества, выполненных работниками сельсоветов. Свое впечатление от увиденного Г. Ф. Гринько выразил довольно эмоционально: «Обрывки гряз-

ной бумаги, глядеть противно. Что это такое? Это описи, по которым отбираем все имущество у людей за недоимку. Вот она культура в нашей налоговой работе, которой мы хвастаемся, немало гордимся, рассказываем и т. д.» [там же, л. 38]. Почему же возникло дело с описями? Выяснилось, что летом 1936 г. Р. Я. Левин, желая упорядочить эту работу, подготовил приказ по НКФ СССР «как нельзя отбирать имущество, дал формы описей и ограничил, что только председатели сельсоветов могут это делать». Г. Ф. Гринько свидетельствует: «...по существу правильный приказ, правда, немножко захватил не принадлежащие нам права. Следовало бы спросить Совнарком, но, во всяком случае, приказ на благо направленный... И когда этот вопрос разбирался в ЦК, я пошел с таким чувством, ну зря на нас нападают. Так и в ЦК заявил, что у нас это дело упорядочено. Тогда Яковлев мне показывает материалы. Я начинаю спорить и ссылаюсь на приказ Левина. Тогда он мне вытягивает другой приказ и заявляет: “Ты не все свои законы знаешь”. Яковлев мне показывает другой приказ Левина. Смотрю, там оказывается каждый человек имеет пра-

во описывать... Оказывается несколькими месяцами позже пришел к Левину Малаховский и говорит: “Немыслимо, председатели сельсоветов не управляют с описями”. Конечно, его Четвериков поддержал. Рувим Яковлевич размахнулся и подписал “всем членам сельсовета предоставляется право описи”. Опять спрашивается, никто не давал права издавать нам такой приказ. И когда мне в ЦК показали его, я уже ничего не знал, что ответить» [там же, л. 39—40].

Следует сказать, что «лепельское дело» (по названию Лепельского района в БССР) получило широкий общественный резонанс, слушалось выездной сессией Верховного суда БССР и освещалось на страницах «Экономической жизни» (1937. 6 марта) как до, так и во время проведения актива. Согласно опубликованной в ней информации, на скамье подсудимых оказались два секретаря Лепельского райкома ВКП(б), председатель райисполкома, заведующий райфинотделом и председатель Стайского сельсовета. Им вменялось в вину грубое нарушение советских законов, незаконное взыскание недоимок путем изъятия имущества, «вообще не подлежащего изъятию». На страницах газеты также утверждалось, что это не единичный случай «попирания законов и глумления над советскими гражданами». Появление аналогичных дел в союзных республиках, Донецкой, Воронежской и Курской, а также в Московской и Ивановской областях, Северном крае («рослятинское дело») стало возможным в результате применения непродуманных приказов и инструкций НКФ СССР. Так, заместитель Наркомфина РСФСР В. Г. Долгов констатировал, что при пересмотре всех директив и инструкций, изданных наркоматом за последние 15 месяцев, он пришел к выводу о необходимости немедленной переоценки ценностей. По его словам, выявленное в Загорском районе Московской области изъятие имущества налогоплательщиков с грубым нарушением закона, а также низкий уровень налоговой работы и извращение законов в мелких городах являются подтверждением этого суждения (Экономическая жизнь. 1937. 28 марта).

При проверке обращений с мест вопиющие нарушения налогового законодательства были выявлены на территории Кадыйского, Макарьевского, Юрьевоцкого, Комсомольского, Небыловского и других районов Ивановской области. Виновниками налогового произвола были названы руководители облфинотдела, которые, реализуя налоговую политику на селе, «систематически толкали низовых работников на путь массовых принудительных

взысканий». В частности, заведующий облфо П. И. Тройников в своем обращении от 23 декабря 1936 г. к райфо области признал недостаточным арест имущества только у 17 единоличных хозяйств Макарьевского района и предложил «покончить с либеральным отношением к недоимщику» путем проверки каждого такого хозяйства и применения принудительных мер взыскания. В указании от 8 февраля 1937 г. он потребовал «развернуть оргмассовую работу за досрочную уплату культсбора», завершить ее к 16 февраля, а к неуплатившим принять меры принудительного взыскания. Выездная сессия облсуда, разбирая дело об извращении налоговой политики в Макарьевском районе, к ответственности привлекла лишь второстепенных работников, а руководитель облфо, говорилось в публикации «Экономической жизни», остался в стороне [13].

В сентябре 1937 г. на страницах этой газеты утверждалось, что «среди руководящих работников местных финорганов РСФСР в последнее время разоблачено много троцкистско-бухаринских представителей, шпионов и диверсантов. Эти подлые фашистские выродки в течение долгого времени переоблагали трудящихся, потворствовали кулацким элементам, расхищали государственные средства» [6]. О том, какие обвинения предъявлялись финработникам и руководителям НКФ СССР и РСФСР, можно судить по архивным документам, периодической печати и научным исследованиям последнего времени. Значительная часть документов из Российского государственного архива экономики об этом периоде содержит гриф «не подлежит оглашению». Так, в одной из записок, адресованных наркомфину В. Я. Чубарю, о вредительстве в области налоговой работы говорилось, что оно осуществлялось в течение ряда лет. Главная работа вредителей якобы заключалась в подрыве авторитета правительства среди налогоплательщиков. С этой целью руководители управлений налогов и сборов и ряд специалистов (Четвериков, Лукашевкер, Новик) сознательно искажали законодательство. Они скрывали данные о количестве кулацких хозяйств и лиц с нетрудовыми доходами, не заявляли о необходимости обновления льгот колхозникам и единоличникам, несоответствии количества хозяйств, освобождаемых от сельхозналога, росту благосостояния трудящихся и т. д.

Извращение законодательства шло и по линии неправильного применения решений о списании недоимок, отмечалось в справке. Кроме того, управление налогов и сборов крайне неудовлетворительно собирало и вело всю отчетность по госналогам и сборам по РСФСР и другим республикам. Это делалось сознательно, чтобы завалом отчетности парализовать возможность оперативного руководства областями и краями, отстающими в мобилизации средств. При налогообложении кустарей вредители систематически проводили линию по льготированию лиц, в прошлом принадлежавших к капиталистическим классам и сначала ушедших в подполье, а затем ставших кустарями. Льготирование было распространено и на священнослужителей вопреки решению ЦИК и СНК СССР, потребовавшему отмены приказа Г. Ф. Гринько в этой части (отсутствие пересчета с 1 июля культсбора, уплаченного служащими культа в 1937 г., для обложения подходным налогом по 3-й категории). Почти повсеместно работа бюро жалоб была поставлена так, чтобы озлоблять лиц, подающих жалобы на неправильное обложение. В этом отношении характерна деятельность бюро жалоб НКФ СССР и РСФСР. Как правило, жалобы «залеживались», разрешались формально, а причины отказа от пересмотра обложения в сторону сокращения налога или возврата неверно взысканных налогов вовсе не мотивировались. В документе

делается вывод, что отсутствие контроля за работой бюро жалоб, сознательный отказ заведующих финорганами принимать личное участие в их рассмотрении и привели к безнаказанности деятельности налоговых работников, а отсюда — к повсеместным нарушениям [12, д. 96, л. 95—98].

По делу так называемого правотроцкистского блока в числе других был арестован нарком финансов СССР Г. Ф. Гринько. В формуле предъявленного ему обвинения утверждалось, что «блок систематически осуществлял вредительские и диверсионные акты в различных отраслях социалистического строительства (в промышленности, сельском хозяйстве, на железнодорожном транспорте, в области финансов, коммунального хозяйства и т. д.)». В ходе следствия Г. Ф. Гринько якобы показал, что «подрывная работа по Наркомфину преследовала основную цель: ослабить советский рубль, ослабить финансовую мощь СССР, запутать хозяйство и вызвать недовольство населения финансовой политикой советской власти, недовольство налогами, недовольство плохим обслуживанием населения сберегательными кассами, задержками в выдаче заработной платы и др., что должно было привести к организованному широкому недовольству советской властью и облегчить заговорщикам вербовку сторонников и разворот повстанческой деятельности» [11, 8 марта]. Одновременно с Г. Ф. Гринько были репрессированы его заместители Р. Я. Левин и К. К. Аболин, начальники управлений С. М. Тамаркин и П. А. Четвериков. Вместе с другими работниками они обвинялись в создании в НКФ СССР анти-советской организации. Официальная реакция работников НКФ СССР на их аресты была обычной для того времени. «Изменники Родины получили по заслугам» — так называлась публикация в «Финансовой газете» с резолюцией работников НКФ СССР, принятой на митинге, приуроченном к вынесению смертного приговора Г. Ф. Гринько, долгое время проводившему «свою подлую вредительскую работу в финансовой системе» [5].

Поиск врагов народа среди финансовых работников проходил практически по одному и тому же сценарию. В НКФ РСФСР была репрессирована группа работников, в том числе и нарком финансов В. Н. Яковлева. Был арестован и в марте 1939 г. расстрелян заведующий облфинотделом Московской области П. И. Баранников. В Калининской области 23 июля 1937 г. по обвинению во вредительстве, контрреволюционной агитации, участии в контрреволюционной организационной деятельности и подготовке терактов арестован заведующий облфо А. И. Цимблер. По делу правотроцкистского блока в Ярославле среди других партийных и советских руководителей в июне 1937 г. были арестованы начальник облфинуправления Н. М. Сиганов и заведующий горфинотделом Ярославля Н. В. Лыжин. О том, что пришлось пережить Н. М. Сиганову в «старой, екатерининских времен, тюрьме в местечке Коровники за рекой Которослью», а также в лагерях и послевоенной ссылке, он рассказал в своих воспоминаниях. Пройдя все испытания, он только через семнадцать лет вернулся к гражданской жизни и отразил пережитое на страницах рукописи, впервые введенной в научный оборот автором статьи и опубликованной при его непосредственном участии в 2003 г. [14].

Трагическая участь выпала и на долю многих работников финансового аппарата Ивановской области. В частности, 5 октября 1937 г. начальник управления НКВД А. П. Радзивиловский докладывал наркому НКВД Н. И. Ежову о ликвидации «широко разветвленной контрреволюционной террористической организации правых, действовавшей подпольно на территории Ивановской области на протяжении ряда лет». Один из разделов этой

справки посвящен «вредительству в области финансовой и налоговой политики». Он основан на «признательных» показаниях ряда руководителей области, в том числе председателя облисполкома С. П. Аггеева, его заместителя В. Ф. Королёва, начальника финотдела П. И. Тройникова. Так, С. П. Аггеев на допросе показал, что «основное направление вредительства в финансовом хозяйстве заключалось в создании искусственного перенапряжения в местном бюджете и перегибов при взыскании налогов с населения». В. Ф. Королёв якобы утверждал: «Нами умышленно извращалось законодательство в области налоговой политики для того, чтобы восстановить крестьянство против партии и поднять его на восстание». С этой целью «давались установки о немедленной продаже имущества недоимщиков, вместо того чтобы дать десятидневный срок после описи для погашения задолженности, как это предусматривалось законом». Более того, по его словам, «имели место массовые случаи переобложения рабочих подоходным налогом и сельхозналогом крестьян путем искусственного завышения доходности». Показания В. Ф. Королёва подтвердил П. И. Тройников, утверждавший, что «изъятие имущества проводилось в крайне грубой форме» и «это привело к открытому возмущению населения политикой партии и советской власти» [1].

Казалось бы, картина абсолютно ясная и характер «вредительства» налицо. Однако в тех же протоколах имеется вполне аргументированное пояснение причин, побудивших обвиняемых к принятию экстренных мер в отношении налогоплательщиков. В частности, говорится, что срыв плана накопленный по местной промышленности во второй половине 1936 г. привел к напряжению при формировании доходной части местного бюджета. Диспропорция между доходной и расходной частями бюджета отразилась на материальных интересах значительной части населения области. В результате в первом полугодии 1937 г. промышленность области могла быть профинансирована только на 38—40 %, что привело бы к распылению средств между различными предприятиями и неполучению должного эффекта от их использования в местной промышленности. В стремлении исправить существующее положение с доходной частью бюджета С. П. Аггеев и В. Ф. Королёв на местах «давали телеграммы (6 или 7) о принятии чрезвычайных мер к недоимщикам». Об этих мерах говорит в своих показаниях и П. И. Тройников. Он указывает, что в телеграммах «предлагалось применить к неплательщикам налогов единоличникам самые решительные меры принудительного взыскания и взыскать недоимку в более короткие сроки, чем это установлено законом». Кроме того, «изъятие имущества в Николе-Макарьевском сельсовете... было проведено под непосредственным руководством Королёва, который, находясь в Макарьевском районе и выступая на заседании бюро райкома партии, дал прямую вредительскую установку руководителю бригады, бывшему заведующему райфо, на изъятие имущества. Такая же установка была дана заведующим райфо Курловского и Кадыйского районов» [1].

В связи с изложенным возникает вопрос о причинах провалов в промышленности, сельском хозяйстве, формировании доходной части бюджета. Так, В. Ф. Королёв давал следующие показания: «Трудности в финработе, в особенности с выполнением финплана на селе, рассматривались и трактовались нами как результат неверной политики руководства ВКП(б) в вопросах индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Исходя из этих взглядов, я обвинял руководство ВКП(б) и считал его повинным в том, что оно сплошной коллективизацией и усилением налогового пресса на единоличный

сектор ведет сельское хозяйство к краху и крестьянство к окончательному обнищанию...» Такого же мнения якобы придерживался и С. П. Аггеев. По его словам, «деревня в связи с коллективизацией настроена против Сталина, руководство которого ведет страну к гибели» [1].

С полной уверенностью можно утверждать, что умозаключения означенных руководителей не плод домыслов оперативных работников, а образ общественной мысли того времени, сформировавшийся на почве реальных событий. Подтверждением тому служит один из выводов, сформулированный сотрудниками НКВД в указанной справке: «На протяжении последних 3 лет сельское хозяйство области не росло и не улучшалось, а наоборот, уменьшалась оплата трудодней колхозников, росли выходы из колхозов, увеличилось количество бескоровных хозяйств колхозников, снизилось количество конского поголовья». В этом также были обвинены руководители области и районов, в том числе и заведующие ряда райфо. Так, в Кадыйском районе было арестовано 8 человек — «участников контрреволюционной организации правых» и проведен открытый процесс суда над вредителями при большом скоплении трудящихся района*, в Семёновском районе — 6 человек, Наволокском — 7 человек и Середском — 5 человек. Всего же в Иванове и области с конца июля по октябрь 1937 г. УНКВД было арестовано 157 участников контрреволюционной организации правых.

В ноябре 1937 г. дела С. П. Аггеева, В. Ф. Королёва, П. И. Тройникова и других были переданы для рассмотрения в Военную коллегия Верховного суда СССР. На ее выездном заседании от 22 ноября 1937 г. они были приговорены к высшей мере наказания и в ночь на 23 ноября расстреляны. На заседании коллегии С. П. Аггеев полностью отказался от «признательных» показаний, заявив, что они были даны в результате оказания на него физического воздействия со стороны органов следствия [9]. В конце 1937 г. в Москве был арестован и репрессирован Л. Н. Юровский (член коллегии НКФ СССР), проживавший с 1934 по 1936 г. в г. Середе (ныне г. Фурманов Ивановской области). В политизоляторе, располагавшемся в Спасо-Евфимиевом монастыре г. Суздаля (также ранее входил в состав Ивановской области), в октябре 1938 г. был расстрелян Н. Д. Кондратьев — руководитель Конъюнктурного института НКФ СССР, ученый с мировым именем [7]. 11 марта 1940 г. в том же политизоляторе умер В. Г. Громан, выдающийся экономист, осужденный в 1930 г. по «делу союзного бюро меньшевиков».

Вторая кризисная ситуация больше вызвана политическими обстоятельствами. Финская кампания и другие военные конфликты 1939—1940-х гг. обострили экономические диспропорции, которые формировались на всем протяжении модернизации национальной экономики в 1930-х гг. Отрицательную роль сыграли и аграрные мероприятия, осуществлявшиеся на местах по выполнению постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» [8, с. 109—115]. Летом и осенью 1939 г. проводились обмеры земель и все излишки сверх установленной у крестьян нормы отбирались у крестьян и возвращались в «лоно общественного землепользования». По утверждению Е. А. Осокиной, обмеры дезорганизовали уборочную и осеннюю посевную кампании и больно ударили по приусадебному хозяйству колхозников, выступавшему, особенно в промышленной части Центральной России, главным

* О кадыйском процессе рассказал А. И. Солженицын (см.: [15, с. 303—322]).

источником самообеспечения крестьянства и рыночной торговли. Такие факты «преступного разбазаривания колхозных земель, нарушения установленного порядка землепользования» органами прокуратуры были вскрыты в Ярославской, Московской и Калининской областях [16, с. 470]. В то время когда государственные заготовки росли, а централизованное снабжение населения ухудшалось, эти меры отрицательно сказались на обеспечении трудящихся продуктами питания.

В июле 1939 г. нарком НКВД Л. П. Берия информировал СНК СССР о больших перебоях в государственной и кооперативной торговле печеным хлебом, образовании громадных очередей и недовольстве потребителей в Рязанской, Калининской, Московской и других областях. В подавляющем большинстве районов Калининской и Рязанской областей, констатировал он, «ощущается острый недостаток в торговле сахаром, колбасными и табачными изделиями, мылом, спичками и др. предметами первой необходимости» [16, с. 443—444]. Очереди имели место и в Ивановской области. Так, в Селивановском и Кинешемском районах был отмечен большой приток граждан из Горьковской области с целью приобретения черного хлеба. Приезжие скупали черный хлеб до 100 кг на человека. Такая усиленная скупка НКВД объяснялась тем, что в «некоторых районах враждебные элементы распространяли провокационные слухи о предстоящей якобы войне, в связи с чем необходимо, мол, запастись хлебом» [16, с. 463].

Объявленная в сентябре 1939 г. частичная мобилизация усилила спрос на продукты и товары первой необходимости. 17 сентября В. М. Молотов, выступая на радио, говорил о том, что «страна обеспечена всем необходимым и может обойтись без карточной системы в снабжении», а люди бросились в магазины сметать с полок соль, спички, крупы и другие «стратегические» продукты. Для борьбы с ажиотажным спросом на продовольственные товары прокуратура Ивановской области по распоряжению из центра стала санкционировать аресты и возбуждать уголовные дела за скупку муки, крупы и других продуктов питания с обвинениями в спекуляции и дезорганизации советской торговли [17, с. 195]. Однако апогей предвоенного кризиса снабжения (1939—1941 гг.), считает Е. А. Осокина, пришелся на время «финской кампании». С декабря 1939 г. в магазинах исчезли хлеб и мука, начались перебои с другими продуктами. Взлетели цены на рынке. Из-за дороговизны килограммы и литры как мера веса и объема исчезли из рыночной торговли. Молоко мерилось стаканчиками, картофель продавался поштучно или «консервными банками», мука — блюдечками. Даже Москва переживала продовольственные трудности. Правительство ответило на обострившийся кризис тем, что с 1 декабря 1939 г. запретило продажу муки, а затем и печеного хлеба в сельских местностях. Крестьяне устремились в города за хлебом. Тысячные очереди вновь выстроились по всей стране. В результате в январе 1940 г. выросли государственные цены на сахар, в апреле на мясо, рыбу, жиры, сыр, молочные продукты, картофель и овощи. Быстро росли цены на вино-водочные изделия, как и объемы их производства. Цены же на жизненно важные товары — хлеб, муку, крупы, макароны остались без изменения, что обостряло их дефицит [10, с. 273—280].

Аргументацию Осокиной следует усилить материалами из Государственного архива Ивановской области. Так, инструктор обкома ВКП(б) Власов докладывал, что в связи с сокращением лимитов на расходование муки по районам Ивановской области, отсутствием разъяснительной работы

и несвоевременным принятием мер торгующими организациями по нормальной торговле печеным хлебом и кондитерскими изделиями. В частности, «в Судогодском районе из-за прекращения продажи хлеба в сельской местности селяне устремились в город скупать хлеб. В магазинах, торговавших хлебом, образовались очереди, отпущенных лимитов на его продажу оказалось недостаточно. Для бесперебойного снабжения рабочих хлеб стали продавать по ларькам на производствах и в буфетах при учреждениях и организациях в строго ограниченном количестве — по 1—2 кг на одного рабочего или служащего. Члены семей были лишены такой возможности. Гражданка Линькова, муж которой был мобилизован на финляндский фронт, пришла в контору Мошенского сельпо и в отчаянии заявила: “Я имею 6 человек детей, которые сидят голодные, и мне не продают хлеба. Я дошла до того, что хочу решить своих детей и покончить с собой”. Там же имели место и такие разговоры: “Государству уплатили госпоставки за 3 года, а на трудодни не дали ни одного грамма за эти года, а нам хлеб не продают, вот руководителям головы сшибить. Посмотрим еще два дня, не привезут хлеба, пойдем на завод, выгатаем всех руководителей, не может быть, чтобы нам не дали хлеба”. Имели место и другие суждения: “Хлеб из магазинов сейчас исчез совсем, и им, по существу, не торгуют, а распределяют его. Да оно и понятно почему, то разоренную Польшу надо снабжать, в Монголию нужно дать, а теперь вот в опустошенную Финляндию не напасешься. Одним словом, дело плохо. Молодежь погубят на войне, а нас, стариков, поморят голодом, скорей бы к одному концу, либо пан, либо пропал. На коммунистов надежды никакой, сколько ни мобилизовывали людей, ни одного коммуниста добровольцем не нашлось, все они куда-то потемнее, все продажные шкуры”» [4, оп. 7, д. 524, л. 94—95].

В том же документе РК ВКП(б) сообщает, что «при распределении на трудодень колхозникам зерновых в 1939 г. получено от 100—250 гр в 25 колхозах, от 250 до 500 гр — 8 колхозах и в 20 колхозах не распределено ничего, причем в большинстве этих колхозов колхозники зерно получили еще с весны из имеющихся ранее колхозных запасов. В настоящее время в данных колхозах хлеба не имеется. В магазинах города Собинки и поселка Лакина также возникли перебои в торговле хлебом и кондитерскими изделиями. Работница фабрики “Комавангард” Солодова Ольга заявила: “В магазине хлеба нет, и рабочим надо надеяться на забастовку, бить коммунистов и милицию”. По словам другой работницы, Майоровой Евдокии, “все коммунисты жулики, грабители, все тащат для себя. В магазинах ничего нет, а они для себя все достанут. Ну да недолго им осталось быть панями. Скоро их всех перебьют, так как иностранные государства идут войной на них”.

В Киржачском районе перебои в торговле хлебом возникли во второй половине декабря 1939 г. Появился большой наплыв разных организаций из других областей для заготовки хлеба, всего до 1000 человек. В очередях за хлебом на заводе “Красный Октябрь” чуть не замяли в очереди одну женщину, в городе — мальчика, были случаи обмороживания. Некоторая часть населения путем перехода из очереди в очередь ухитряется набирать хлеба по 6—10 кг, вследствие чего городской потребитель, находясь на работе, не может достать хлеба.

В Гавриловом Посаде очереди за хлебом существуют главным образом за счет населения из деревни. Одни и те же люди набирают хлеб целыми мешками. В Шельбовском сельсовете у колхозников хлеба запасено года на два, а все же хлеб свой берегут и покупают печеным. Особенно неблагоприятно с торговлей

хлебом обстоит в Закомельском, Шекшовском, Новосельском сельсоветах в силу тех обстоятельств, что в данных сельсоветах колхозы не обеспечены ввиду градобития посевов. Настроение ощущается у населения нервное. В Бережецком сельсовете разговаривают, что тов. Молотов говорил, что в стране у нас хлеба хватит, а получается наоборот, что сидим без хлеба.

В Наволокском районе 13 января 1940 года у хлебного магазина создалась очередь в 600 чел., которые простояли в очереди более пяти часов. С привозом хлеба в магазин создались безобразия, разные выкрики и ругань, пришлось вызывать милицию. Такое же положение с торговлей хлебом в Кольчугинском, Кинешемском, Вичугском, Южском, Середском, Сокольском и ряде других районов» [там же, л. 96—97].

Эти затруднения мотивировались «отсталыми настроениями», возникшими в связи с временными перебоями в продаже хлеба в Ивановской области. СНК СССР, стремясь ограничить покупательский спрос, сократил «нормы продажи товаров в одни руки». В апреле 1940 г. они были уменьшены в 2—4 раза и вновь сокращены в октябре [10, с. 273—280]. В декабре 1940 г. секретарь обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцев дополнительно информировал зампреда СНК СССР А. Н. Косыгина об отсутствии в области растительного масла и хозяйственного мыла и о появлении в результате этого случаев заболевания сыпным тифом и чесоткой [4, оп. 6, д. 378, л. 9].

И все же, несмотря на продовольственный кризис и рецидивы различных способов распределения, ЦК ВКП(б) и СНК СССР не торопились вводить карточную систему образца 1931—1934 гг., справедливо полагая, что «дорога к социализму» и процветающей экономике опирается на «свободную» государственную торговлю. Соглашаясь с авторитетным суждением Е. А. Осокиной, следует сказать, что принятые правительством меры сглаживания острой социальной обстановки не затрагивали «экономического механизма» кризиса и не решали проблемы товарного дефицита и голода, а были направлены лишь на устранение их последствий — очередей, текучки, прогулов. Не облегчая экономического положения населения, их реализация лишь усиливала социальное напряжение в обществе [10, с. 282].

Тем не менее полученные сотрудниками Научно-исследовательского финансового института (НИФИ) НКФ СССР в ходе изучения баланса доходов и расходов населения материалы послужили основой для очень важных умозаключений. Они позволили утверждать, что темпы роста денежных доходов населения в 1940 г. значительно замедлились (8,9 % за 1940 г. против среднего 20 %-го роста в год за 1935—1939 гг.). Однако это не отразилось на процессе накопления, и в 1940 г. у населения в виде денежного остатка находилось около 3,1 млрд руб., что объяснялось снижением темпов роста производства товаров, недостатком отдельных из них, а также невыполнением плана мобилизации денежных средств [12, оп. 25, д. 1324, л. 30—31]. Считалось, что большая часть этого остатка находилась на руках сельского населения, которое, поставляя все меньше и меньше товарной продукции, значительно повысило продажные цены. Так, при уменьшении количества поставленной на колхозный рынок продукции (за исключением мясной в 1939 г.) наблюдался значительный рост ее стоимости относительно 1938 г. В результате крестьяне за проданные продукты получили почти в два раза больше средств, реализовав значительно меньшее их количество. В наиболее выгодном положении оказалось сельское население, проживавшее вокруг больших городов. В записке директора НИФИ А. Н. Сучкова заместителю

Наркомфина

СССР П. А. Малетину говорилось, что «цены были настолько высоки на картофель, овощи и крупы, что продавший даже их незначительное количество легко мог покупать много мануфактуры, обуви и т. д.» [там же, л. 33]. Возрос и общий объем денежных средств, полученных от продажи продуктов колхозниками (в 1940 г. на 30 % относительно 1939 г.), который достиг 26,7 млрд руб. Колхозники от торговли получили денег в три раза больше, чем за продукты, проданные в порядке поставок и госзакупок. Таким образом, городское население, купившее у колхозников меньше товаров по сравнению с предыдущими годами, из-за роста цен потратило на их приобретение большее количество денежных средств. По линии госторговли и кооперации население в 1940 г. также получило товаров меньше, а денег выплатило больше, чем в предыдущие годы. Товарооборот увеличился на 6,4 млрд руб., а от повышения цен в бюджет поступило более 9 млрд руб. (без учета повышения цен на водку в конце 1939 г.). По подсчетам НИФИ, население заплатило в связи с повышением цен в 1940 г. 17—18 млрд руб., что расценивалось институтом в качестве положительного явления в деле укрепления денежного обращения [там же, л. 40]. И все же динамика роста денежных доходов населения в 1940 г. против предыдущих лет заметно снизилась. Это произошло прежде всего по причине снижения темпов роста заработной платы как основного источника его денежных доходов (71 % всех доходов). В 1940 г. она увеличилась лишь на 10,9 %, в то время как ее ежегодный рост в предшествующие 5 лет превышал 20 %. В частности, сократились приработки населения, пенсии и пособия не увеличились и даже почти не возросли доходы от извоза, поскольку в 1940 г. «сильно уменьшилось количество рабочих лошадей в личном пользовании населения» [там же, л. 33—34]. Изменилось финансовое положение у предприятий и организаций. В 1940 г. в результате принятия ряда правительственных решений произошло резкое сокращение административно-хозяйственных расходов. По статье «хозяйственно-операционные расходы» кассового плана Госбанка было выдано денежных средств почти в два раза меньше, чем в 1939 г. (в 1939 г. — 13 163,4 млн руб., а в 1940 г. — 7 739 млн руб.). Торговым предприятиям были установлены жесткие лимиты хранения вырученных от продажи товаров денежных средств. Все это привело к сокращению денег, находившихся в обращении у предприятий и населения, а следовательно, и к усугублению проблем по формированию доходной части госбюджета [там же, л. 31].

Данные диспропорции и несоответствия предполагалось устранить в 1941 г. В предложениях НИФИ Наркомфину СССР говорилось, что «если 1940 г. в отношении денежных доходов и расходов населения был несколько не похож на предшествующие 5 лет, то 1941 г., исходя из материалов народнохозяйственного плана, будет резко отличаться по результатам от всех предшествующих лет, в том числе и от 1940 г.». При этом темпы роста денежных доходов населения сохранятся почти на прежнем уровне, что и в 1940 г., т. е. останутся ниже по сравнению с периодом 1935—1939 гг. Тем не менее в 1941 г. «население не только не будет иметь остатков денежных средств из доходов текущего года, но у него не хватит 3627 млн руб. на покрытие запланированных в 1941 г. товарных и нетоварных платежей». Такое соотношение и пропорции в доходах и расходах населения будут иметь место в народном хозяйстве в 1941 г. впервые за последние 6 лет, подытоживалось в выводах к документу [там же, л. 40]. Реализовать эти намерения НКФ СССР так и не удалось. В связи с началом Великой Отечественной войны

экономика страны приобрела мобилизационный характер. Это и определило основные направления деятельности НКФ СССР по разработке и реализации налоговой политики в военные годы.

Таким образом, деятельность НКФ СССР, в том числе по разработке и реализации налоговой политики, в указанный период осуществлялась в условиях, отличных от условий предшествующих периодов. Большинство принятых мер были частью общегосударственных действий, направленных на преодоление экономических диспропорций между производством и потреблением и сглаживание кризисных явлений в стране. Эти меры нашли свое выражение в существенных изменениях содержания налоговой политики, воплощенных в организационных мероприятиях и налоговом законодательстве. Возможно, рассматриваемые кризисные явления выступали частью общемирового кризиса, преодоление которого в стране виделось в числе прочего через политические репрессии, ужесточение дисциплины и через реформирование налоговой политики.

Библиографический список

1. Архив УФСБ РФ по Ивановской области. Ф. 11. Группа 3. Оп. 5. Д. 3196-П. Л. 38—70.
2. *Бордадын А.* Послевоенные экономические кризисы в капиталистическом мире // Историк-марксист. 1938. № 6. С. 29—52.
3. *Варга Е.* Мировые экономические кризисы, 1848—1935 гг. / АН СССР, Ин-т мирового хозяйства и мировой политики. М. : Соцэкгиз. 1937. Т. 1 : Сравнительные материалы по истории кризисов в важнейших капиталистических странах. 807 с.
4. Государственный архив Ивановской области. Ф. П-327.
5. Изменники Родины получили по заслугам // Финансовая газета. 1938. 14 марта.
6. *Ильин П.* Об аппарате Наркомфина РСФСР // Экономическая жизнь. 1937. 16 сент.
7. *Кузык Б., Яковец Ю.* Величие подвига ученого и человека // Российский экономический журнал. 2005. № 1. С. 82—87.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. : Политиздат, 1985. Т. 7. 574 с.
9. *Околотин В. С.* Деятельность органов государственной безопасности Ивановской области в предвоенный период, 1936—1941 гг. // Из истории органов государственной безопасности в Ивановской области, 1918—1954 гг. Иваново, 2008. С. 249—263.
10. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927—1941. 2-е изд., доп. М. : РОССПЭН : Фонд Б. Н. Ельцина, 2008. 351 с.
11. Процесс антисоветского «правотроцкистского блока» // Известия. 1938. 3, 4, 8 марта.
12. Российский государственный архив экономики. Ф. 7733.
13. *Савин Н.* Заметают следы преступления // Экономическая жизнь. 1937. 20 июля.
14. *Сиганов Н. М.* Записки и воспоминания о нашей родословной, отдельных фактах жизни и пережитом. Иваново : Юнона, 2003. 258 с.
15. *Солженицын А. И.* Архипелаг Гулаг, 1918—1956 : опыт художественного исследования. М. : ИНКОМ НВ, 1991. Т. 1. 544 с.
16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : документы и материалы : в 5 т. / под ред. В. П. Данилова. М. : РОССПЭН, 2006. Т. 5 : 1937—1939, кн. 2 : 1938—1939. 704 с.
17. *Чеботарёв А. А., Пестова О. А., Олейник И. И.* На службе закону : очерк истории прокуратуры Ивановской области / под общ. ред. Н. С. Гамзина ; Иван. гос. энерг. ун-т. Иваново, 2000. 336 с.

ИЗ ИСТОРИИ ФАКУЛЬТЕТА

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛИДИИ ВЛАДИМИРОВНЫ ВЕНКСТЕРН

В ряду преподавателей и ученых, в разное время связавших свою судьбу с историческим факультетом Ивановского государственного университета, особое место занимает Лидия Владимировна Венкстерн, столетие со дня рождения которой отмечается в этом году. Более сорока лет Лидия Владимировна отдала служению Ивановскому педагогическому институту (позже университету), подготовив за это время сотни специалистов-историков. Лидия Владимировна родилась 23 августа (5 сентября) 1914 г. в семье Владимира Алексеевича Венкстерна, происходившего из обрусевшей шведской дворянской фамилии, историю которой Лидия Владимировна сделала в последние творческие годы предметом своего личного, домашнего исследования. Жизнь Лидии Владимировны, выпавшая на суровый и жестокий XX век, отразила многие перипетии этого времени. Получившая превосходное домашнее воспитание и образование, давшее ей свободное владение французским и немецким языками (некоторое время семья жила в Германии), Лидия Владимировна закончила исторический факультет Московского университета, выбрав специализацию по западноевропейскому Средневековью. Однако сначала война не позволила ей продолжить начатое в 1940 г. обучение в аспирантуре, и Лидия Владимировна, вышедшая еще в 1937 г. замуж за Рафаила Александровича Кауля, отправилась в эвакуацию под Муром, где преподавала в сельской школе, а затем из-за запрета мужу, этническому немцу, жить в столице вынуждена была покинуть Москву, некоторое время проучившись в аспирантуре у С. Д. Сказкина. С августа 1945 г. Л. В. Венкстерн стала работать в Ивановском педагогическом институте (Р. А. Кауль, в свою очередь, смог устроиться в энергетический институт).

Обучение у Сергея Даниловича Сказкина, крупнейшего специалиста по французской средневековой истории, — сначала очное, затем дистанционное — позволило Лидии Владимировне определиться с темой и сделать первые серьезные шаги в ее разработке. Сфера научных интересов Лидии Владимировны также оказалась связана с историей Франции, а ее «героем» стал Пьер Дюбуа, юрист начала XIV в., автор трактата «Об отвоевании Святой земли», в котором он выступает сторонником сильной королевской власти, независимой от папства и способной консолидировать французское общество. Оторванность от столичных библиотек (не говоря уже о невозможности выехать для научной работы за рубеж), большая педагогическая нагрузка на историко-филологическом факультете задержали подготовку кандидатской диссертации, — «К вопросу о формировании единого централизованного государства во Франции (Пьер Дюбуа. “De récupération Terre Sainte”»)» — защита которой прошла лишь в 1954 г. (автореферат датирован 1953 г.).

На историческом факультете Лидия Владимировна преподавала студентам историю Средних веков, считая этот курс одним из наиболее сложных в историческом образовании, историю искусств, и в частности историю живописи Средних веков и эпохи Возрождения, историографию Средних веков, вспомогательные исторические дисциплины, курировала прохождение педагогической практики. Выпускники разных лет с теплотой вспоминают человеческие качества, доброту и отзывчивость Лидии Владимировны.

Большая загруженность на факультете, а также общественная работа (как многие преподаватели общественных дисциплин, Лидия Владимировна читала лекции вне университетских стен), к сожалению, не позволили Лидии Владимировне в полной мере реализовать свой исследовательский потенциал. После подготовки нескольких статей и рецензий уже по окончании активной преподавательской деятельности на факультете Лидия Владимировна опубликовала две значимые статьи в межвузовском сборнике «Средневековый город»: «Французские легисты и их роль в политической централизации страны на рубеже XIII—XIV веков» (Саратов, 1989. Вып. 9. С. 154—160) и «Французский проект реформы образования начала XIV века» (Саратов, 1991. Вып. 10. С. 56—62). Тем не менее даже немногочисленные публикации Лидии Владимировны способны продемонстрировать читателю исследовательское дарование этого медиевиста.

Лидия Владимировна работала на кафедре истории Древнего мира и Средних веков Ивановского университета до конца 80-х гг. минувшего столетия. В 1984 г. она уволилась из университета, однако еще несколько лет преподавала в качестве приглашенного сотрудника.

В 2000 г. Лидии Владимировны не стало. До конца своих дней она сохраняла в себе «душу историка», активно изучала историю своей семьи, уходя в поисках в XVII—XVIII столетия, писала воспоминания, отразившие перипетии XX века. В настоящее время немалое число учеников Лидии Владимировны продолжают служение в высшей и средней школе, музеях, архивах, неся в себе и частицу души своего Учителя.

В. М. Тюленев,

*доктор исторических наук,
зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков*

Сведения об авторах

БАЛДИН Кирилл Евгеньевич доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ивановский государственный университет. kebaldin@mail.ru

БУРОВА Наталья Александровна аспирантка кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет. natalia-burova2008@yandex.ru

ДЕНЕЖКИН Михаил Геннадьевич аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. denezhkinmihail@yandex.ru

НЕУСТРОЕВА (Зубарева) Анастасия Александровна аспирантка кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. n-zubareva@mail.ru

ИЛЬИН Юрий Александрович доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет. Ilyin37@mail.ru

КОМИССАРОВА Ирина Анатольевна кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет. komissarova.ir.an.@gmail.com.

КОСТЫЛЁВА Елена Леонидовна кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет. elkos-ty-le-va@mail.ru

ОКОЛОТИН Владимир Сергеевич кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. okolotin.vladimir@yandex.ru

УСМАНОВ Сергей Михайлович доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. ilapsi@yandex.ru

УТКИН Александр Витальевич сотрудник археологического музея, Ивановский государственный университет. (4932) 32-61-88

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2014. Вып. 4 (14). История**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *О. В. Батова, В. А. Киселева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*
обложка *Р. Е. Круглов*

Дата выхода в свет 25.12.2014 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 100 экз. Заказ № 256. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru